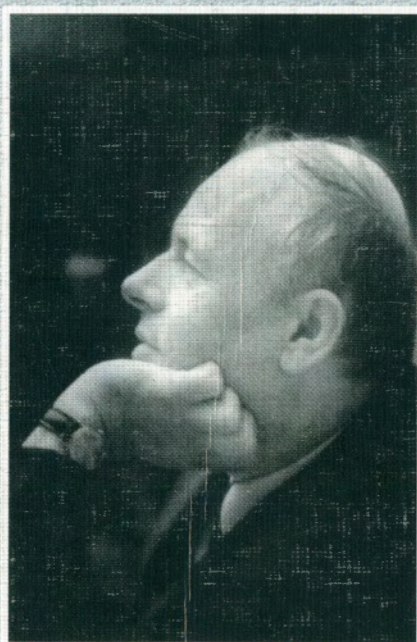

СЗГ
И-756

А. И. Цойрыш

**А. Д. САХАРОВ:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД РАЗУМОМ**

19135

А. И. Цойрыш

СЗГ

И-756

**А. Д. САХАРОВ:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД РАЗУМОМ**

ВЫСШАГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
БИБЛИОТЕКА

Дубна ОИЯИ 2001

УДК [539.1 + 342.7] (0.92)
ББК 22.38д + 67.911.3д
И75

Иойрыш А. И.

И75 А. Д. Сахаров: Ответственность перед разумом. — Дубна:
ОИЯИ, 2001. — 146 с.
ISBN 5-85165-600-X

В книге освещается жизненный и творческий путь А. Д. Сахарова, рассматриваются его научные, политические и правовые воззрения, рассказывается о его общественной жизни. В центре внимания автора острые политические коллизии. Прослеживается поучительная история споров вокруг идей и судьбы А. Д. Сахарова — одного из гениев мысли и учителей человечества.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК [539.1+342.7] (0.92)
ББК 22.38д + 67.911.3д

ISBN 5-85165-600-X

© Иойрыш А. И., 2001
© Объединенный институт ядерных исследований, 2001

КОНТУРЫ БИОГРАФИИ

В 2001 году исполняется 80 лет со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова — крупнейшего ученого, с именем которого связана целая эпоха зарождения и развития отечественной ядерной физики, большая полоса упорной и последовательной борьбы за человеческое достоинство и справедливость в нашем обществе. Его известность шагнула далеко за пределы России и республик бывшего Советского Союза. И люди разных возрастов, профессий и взглядов долго будут помнить и говорить о нем. Сахаров сегодня стал легендой, в которой содержится и много правды, и много вымысла. Последнему способствовали и официальная пропаганда, и выступления политических временщиков и их сторонников из числа ученых, журналистов, других представителей творческой интеллигенции. Голос же самого Сахарова тщательно глушился властями предрержащими.

В 1974 году не у нас, а в США впервые вышел большой сборник выступлений А. Д. Сахарова на социальные, правовые и политические темы «Sakharov speaks» (А. Кноpf, 1974). Несмотря на то, что накануне выхода в свет этого издания ученый лежал в больнице на обследовании сердца, он нашел в себе силы написать к нему автобиографическое предисловие, по существу, исповедь о тех внутренних и внешних обстоятельствах, которые сформировали его отношение к окружающей действительности. «Сообщая автобиографические сведения, — писал Андрей Дмитриевич, — я надеюсь также на прекращение кривотолков в отношении фактов, которые часто представлялись в печати неверно из-за незнания или стремления к сенсациям».

Андрей Дмитриевич Сахаров родился 21 мая 1921 года в Москве «в интеллигентной и дружной семье», как он написал в автобиографии и отметил: «С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией». Прадед его был священником. Дед — адвокатом. Отец, Дмитрий Иванович, вел курс физики, являлся автором ряда учебных и научно-популярных книг. В годы Гражданской войны, когда учить было некого, он за-

рабатывал на жизнь, работая тапером — музыкальным импровизатором при демонстрации немых кинофильмов.

Значительное воздействие на формирование взглядов молодого Андрея Сахарова оказали отец и мать (Екатерина Алексеевна, урожденная Софияно), а также бабушка, Мария Петровна, с ее добросердечием, спокойным, жизнерадостным характером.

Несколько лет тому назад вышла книга Елены Боннэр «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова». Ее первый и главный смысл и назначение — воскресить Андрея Сахарова для нас. Оживить его, вернуть, облечь плотью давших ему жизнь поколений — и он возникает вершиной пирамиды, неоглядным основанием уходящей в века.

Второе: так получилось, так случилось, что объектом исследования, последней из описанных веточкой генеалогического древа явился Андрей Дмитриевич Сахаров. Родословная — дело частное, семейное, личное дело. Но поразительно, как «личное дело» легко и быстро обращается в общее, в историю страны.

Родословная Андрея Сахарова, как и всякая родословная, есть прорыв в обратную перспективу бесконечно расширяющейся пирамиды. Каждый из нас — вершина такой пирамиды. За каждым из нас — века. И одному Богу ведомо, на каких исторических и географических ингредиентах возшло то «тесто», из которого мы слеплены. «Все люди братья» — это, может, не так уж глупо и смешно. В числе основных принципов семьи Сахаровых находились личная простота, неприятие чванства и переизбытка в материальной сфере, примат духовного как база всех поступков, чувство коллективного долга, ответственности перед народом. В семье А. Д. Сахарова религия заметной роли не играла, но мать была верующей, учила его молиться перед сном, водила к исповеди и причастию.

В школу Андрей Сахаров пошел сразу в седьмой класс. До этого он обучался в группе с приглашенными учителями и только сдавал в конце года школьные экзамены. Он любил А. С. Пушкина, его стихи «с готовностью запоминал наизусть». И еще раннего Н. В. Гоголя. О «Войне и мире» Л. Н. Толстого писал: «Целый мир людей, которых мы знаем лучше, чем своих друзей и соседей». Он с увлечением читал А. Дюма «Три мушкетера», В. Гюго «Отверженные», Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд», М. Твена «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна», Дж. Лондона «Мартин Иден» и «Межзвездный скиталец», Г. Уэллса «Война миров», В. Шекспира «Отелло» и «Гамлет»,

В. Гете «Фауст». И еще «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, он любил часами его листать. Любил музыку в исполнении знаменитого пианиста А. Б. Гольденвейзера. По окончании школы в 1938 году поступил на физический факультет МГУ.

Его атеизм был своеобразен. На встрече с избирателями в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН) в январе 1989 года, получив записку: «Верите ли Вы в Бога?», он сказал: «Это вопрос очень интимный и личный. Я не являюсь формально верующим. Это для меня чуждо и неприемлемо. Я глубоко уважаю верующих, право людей верить, так же, как и право быть атеистом. Что касается меня, то мне трудно охарактеризовать мою позицию вполне однозначно. Я все-таки считаю, что какой-то внутренний смысл во всем бытии, во всем, что существует, есть. То есть в какой-то мере это, наверное, религиозное чувство, но оно не выливается ни в какую религиозную систему, ни в веру в какие-либо догматы...»

Страшные годы коллективизации и террора прошли для Андрея Дмитриевича стороной: он не видел всего размаха творившегося произвола. Ни пионером, ни комсомольцем, ни членом партии Сахаров никогда не был.

Профессор М. Л. Левин, однокурсник Андрея Дмитриевича, привел один пример его общественно-политических взглядов довоенного времени:

«Главный инженер МГУ подрядил студента нашего курса Стасика Попеля выкопать большую яму на заднем дворе, а когда работа была выполнена, отказался заплатить обещанные деньги (уговор был устный), утверждая, что яма рылась в порядке общественной нагрузки. Долгое препирательство кончилось тем, что Стасик ударил его по лицу. После этого деньги были сразу отданы, но инженер «накатал телегу» в партком, напирая на политическую окраску и разрыв в связи поколений строителей коммунизма: комсомолец избил и ограбил члена ВКП(б). Дело разбиралось на факультетском комсомольском собрании. Вузком настаивал на исключении из комсомола, после чего, разумеется, автоматом следовало бы отчисление из студентов. Старшекурсники и аспиранты, пережившие собрания 37-го года, поддерживали вузком. Мы же всю отбивали Стаса, казуистически доказывали, что была пощечина, а не мордобой. Андрей очень переживал эту историю и, сидя в коридоре (он не был комсомольцем), расспрашивал выходящих покурить о ходе судилища. Еще перед началом собрания он предупредил об уязвимости нашей линии защиты: отрыв яму, Стасик

настолько заматерел, что пощечина по намерению вполне могла оказаться мордобоем в исполнении. Но все кончилось благополучно. Стасик отделался «строгачом» с предупреждением, и больше всех радовался Андрей».

... Осень 1941 года. Теплушка поезда, увозящего в Среднюю Азию преподавателей и студентов Московского университета. В углу примостился долговязый худой студент, жадно внимающий рассказу уже известного на мехмате, подающего надежды астронома Иосифа Шкловского. Тот пропагандирует «великолепную» работу английского математика, «чертовски трудную для понимания». «Нельзя ли посмотреть эту книгу?» — скромно попросил студент, когда все уже угомонились. — «Извольте, но вряд ли Вы ее осилите». Через два дня он вернул книгу с благодарностью. — «Ну, и что Вы поняли?» И вдруг выяснилось, что молодой человек не только книгу «осилил», но и высказал весьма дельные критические соображения. Шкловский был потрясен способностями юноши. Звали его Андрей Сахаров.

В эвакуации Сахаров тяжело болел дизентерией.

По окончании четырехлетнего сокращенного курса в 1942 году он был направлен на завод в Коврове, работал на лесозаготовках, а затем, в том же году, оказался в лаборатории военного завода в Ульяновске. Тут Андрей Дмитриевич сблизился с Клавдией Алексеевной Вихиревой, закончившей из-за войны лишь четыре курса Ленинградского технологического института. В 1943 году они поженились, и на Клавдию Алексеевну легли трудные хлопоты о здоровье Андрея Дмитриевича.

В ту же пору началась его созидательная работа. Он сделал ряд изобретений в области методов контроля военной продукции, написал четыре работы по теоретической физике.

В 1945 году Сахаров переслал свои работы известному советскому ученому, физику-теоретику Игорю Евгеньевичу Тамму, руководителю теоретического отдела Физического института АН СССР, и в том же году был принят в аспирантуру.

Как гласит легенда, молодой инженер Андрей Сахаров попал в ФИАН «по протекции». Его отец, профессор Д. И. Сахаров, автор очень известного задачника, по которому занимались многие поколения студентов, изучающих общую физику, обратился однажды к И. Е. Тамму и, согласно легенде, сказал: «Вот у меня тут отрок. Звезд с неба не хватает, но, по-моему, парень ничего. Может, посмотрите?» Парень оказался очень даже неплохой, он принес Иго-

рю Евгеньевичу несколько своих новых теоретических работ и, говорят, Тамм в частных беседах высоко отзывался об их уровне.

В отзыве о деятельности своего молодого коллеги академик отмечал: «Весь стиль его научного творчества свидетельствует, что физические закономерности и связи явлений для него непосредственно зримы и ощутимы во всей своей внутренней простоте».

Однако известно и другое высказывание научного руководителя о молодом тогда еще аспиранте Сахарове, кстати, странное высказывание: «Знаете, молодой человек, из вас вряд ли выйдет настоящий физик. У вас какой-то гуманитарный склад ума». Как в воду глядел Тамм: талант Сахарова оказался неоднозначным, двойственным. И даже непредсказуемым.

Молодой аспирант быстро заслужил расположение своих коллег в институте.

Интересна история с защитой кандидатской диссертации. Тема была утверждена академиком И. Е. Таммом. Была проделана большая работа, закончены все расчеты и выводы. И тут автор узнал, что основная идея не оригинальна, ее рассмотрели до него японские физики Юкава и Саката. Выяснив приоритет зарубежных ученых по основной идее диссертации, Сахаров огорчился и сообщил об этом И. Е. Тамму. Однако сделанные автором диссертации «наработки» решили ее судьбу. Игорь Евгеньевич пришел к выводу, что тему можно не менять. А. Б. Мигдал и И. Я. Померанчук дали прекрасные отзывы.

В 1947 году А. Д. Сахаров был приглашен сделать доклад в ЛИПАНе у И. В. Курчатова, который предложил Андрею Дмитриевичу перейти в его институт для занятий теоретической ядерной физикой. Но он отказался, сославшись на желание продолжать работу в ФИАНе у И. Е. Тамма.

В Москву из эвакуации приехала Клавдия Алексеевна с новорожденной дочкой Таней. Клавдия Алексеевна любила с какой-то гордостью рассказывать друзьям, как она и Андрей Дмитриевич встретились во время войны и что она единственная, может быть, в СССР женщина, которая получила объяснение и предложение руки и сердца в письменном виде. Сахаров опасался, что может сказать непонятно, а девушка не поймет, о чем идет речь.

Жить было негде, стипендия была мизерной, и, тем не менее, молодой ученый напряженно занимался наукой. За два года он выпустил в свет статьи по несхожим проблемам. В этих работах уже были видны контуры недюжинного дарования.

Скоро ему удалось получить от института комнату в старом доме с коридорной системой, около ГУМа. Уклад жизни несколько улучшился. Андрей Дмитриевич начал преподавать физику в Московском энергетическом институте. Это давало дополнительный заработок.

Шел 1948 год, когда в ФИАНе была создана небольшая группа теоретиков под руководством И. Е. Тамма, которой специальным постановлением правительства было поручено исследовать возможности создания термоядерного оружия. Три года назад закончилась кровопролитная война, но уже была произнесена фултоновская речь У. Черчилля (март 1946 г.), в которой «старая доктрина равновесия сил» объявлялась «несостоятельной», и тем самым было положено начало «холодной войне». Наша страна для восстановления паритета срочно вела разработки атомного оружия и готовилась к испытанию своей первой атомной бомбы. А нам уже было известно, что в США форсированно ведутся исследования по созданию водородной бомбы.

Группа разместилась на третьем этаже дома на Миусской улице, в трех небольших комнатах, естественно, за закрытой дверью. Одна из комнат служила Игорю Евгеньевичу кабинетом. Большой письменный стол, ученическая доска, необходимая для дискуссий, над ней портрет Л. И. Мандельштама — друга и учителя Тамма. Рядом была комната В. Л. Гинзбурга и С. З. Беленького, а третья комната предназначалась для недавно защитившего кандидатскую диссертацию ученика Игоря Евгеньевича — Андрея Сахарова. Вскоре он был включен в штат специального института, созданного за пределами Москвы.

«Атомный лабиринт» в городе Сарове (Арзамас-16). Объект чрезвычайной секретности, который строили зеки. «Симбиоз, — пишет Сахаров, — из сверхсовременного научно-исследовательского института, опытных заводов, испытательных полигонов и большого лагеря». Лучшие умы науки создавали самое мощное оружие: И. В. Курчатов, «поглаживающий черную бороду и с выразительными карими глазами», И. Е. Тамм, «умный, страстный, необычайно широкий человек», Ю. Б. Харитон, руководитель «объекта», «давший личное поручительство», которое сняло запрет с поездок «отца водородной бомбы» за рубеж, И. Я. Померанчук, «на редкость обстоятельный и яркий», Н. Н. Боголюбов, «необычайно талантливый» и «раздающий идеи налево и направо», Я. Б. Зельдович, обладавший «необычайно огромным полем

научной активности». Все они были втянуты в орбиту гонки вооружений.

Сахарову принадлежат основополагающие идеи по трем важнейшим, разрабатываемым и ныне способам осуществления управляемого ядерного синтеза. Это магнитный термоядерный реактор (1950 г.), предложенный и подвергнутый теоретическому исследованию вместе с Таммом (по существу — токамак), мюонный катализ ядерных реакций синтеза (1948 г.) и исследование импульсного лазерного излучения для нагрева дейтерия. В тот же период он предложил способ получения сверхсильных магнитных полей с использованием энергии взрыва. В июле 1953 года ему была присуждена докторская степень, а после удачного испытания первой водородной бомбы он был избран академиком.

12 августа 1953 года на Семипалатинском полигоне прошли испытания нашей первой водородной бомбы. В них подтвердились ожидаемые характеристики «изделия», а также было определено воздействие взрыва на различную военную технику и сооружения. Сахарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

22 ноября 1955 года успешным испытанием водородной бомбы, сброшенной с самолета, был завершён этап разработки основ термоядерного оружия. За выполнение этой работы многие ее участники получили высокие награды. А. Д. Сахаров был удостоен второй звезды Героя Социалистического Труда и вместе с Курчатовым, Харитоновым и Зельдовичем — только что восстановленной Ленинской премии. (На обороте их лауреатских значков — номера от одного до четырех.) Третью звезду Героя Сахаров получил за испытание сверхмощной водородной бомбы в 1962 году на полигоне «Новая Земля».

Конечно, Сахаров знал, что в СССР до 1956 года было много лагерей и заключенных. Почти все крупные атомные объекты, на которых он работал, строились заключенными, и Андрей Дмитриевич по утрам видел колонны заключенных, идущих на работу, слышал громкие команды конвоиров. Но все это проходило мимо его сознания, он был слишком поглощен своими делами. Об этом Сахаров говорил как-то осторожно, ибо все, связанное с этими делами, видимо, считалось еще государственной тайной. Рассказывал он о Берии, который до 1953 года «курировал» все атомные проекты. «А ведь Берия, — заметил однажды Сахаров, — был неплохим организатором. Мы часто не могли решить какую-нибудь проблему с получением нужных нам материалов или работников.

К Берии обращались как к последней инстанции. И в самое короткое время проблема решалась».

Его существование в это время ограничивалось работой, общением с коллегами и друзьями — людьми блестящими по личным способностям, дару и личным качествам (И. Е. Таммом, Я. Б. Зельдовичем, Ю. Б. Харитоновым и другими), а также семьей. Отпуск он проводил с женой и детьми (в 1949 году родилась его вторая дочь, Люба, а в 1959 году — сын Дима), которых он очень любил.

Исподволь в нем развивалось особое отношение к общественно-политическим проблемам. Значительным импульсом стало разоблачение преступлений Сталина на XX съезде. Сахаров постепенно стал понимать, что политики и военные, получившие из рук ученых ядерное оружие, не намерены принимать в расчет мнение последних в вопросах его использования. Андрей Дмитриевич стал выступать за прекращение тех испытаний, которые, по его мнению, были не нужны для совершенствования ядерного оружия. Особыми расчетами он показал, какую угрозу они несут жизни и здоровью тысяч людей. Именно поэтому он пытался убедить Н. С. Хрущева сделать трехсторонний мораторий, объявленный СССР в 1959 году, бессрочным. Об этом эпизоде рассказывал академик в своем последнем интервью киногруппе «Невада—Семипалатинск» 14 декабря 1989 года: «Хрущев признавал только одну политику — политику с позиции силы. Он говорил: «Я был бы слюнтяем, если бы слушался таких людей, как Сахаров».

В ядерной гонке между США и СССР, в которой СССР был догоняющим, неизбежно должны были принять участие наши ученые. Они не могли уклониться от этой работы. Она начиналась во время войны с фашизмом, у которого был один довод: слабых уничтожают. Сделав работу за дьявола, советские ученые (по крайней мере, некоторые из них) должны были задать себе вопрос: что дала людям их работа?

Этот вопрос задавал себе еще Прометей. Зевс, узнав о похищении Прометеем огня, спросил, что тот думает о последствиях, которые ожидают получивших огонь людей? Огонь могуч, а люди неразумны. Зевс показал Прометею будущее, и Прометей увидел, как с помощью огня люди разрешают конфликты. Он увидел горящие нивы, селения, города. Он увидел, что с помощью огня люди истребляют друг друга. После этого Прометей сказал, что искупит свою вину, он попросил Зевса выполнить две его просьбы. Во-пер-

вых, позволить ему научить людей искусствам и наукам, чтобы умножить их знания и мудрость. И, во-вторых, пусть Зевс прекратит его страдания и вернет в семью богов и титанов тогда, когда у людей не останется зла и безрассудства.

Ядерный огонь подвел человечество к последней черте самоистребления. Ответом А. Д. Сахарова на проклятый вопрос стал поиск гуманистических альтернатив ядерному оружию, поиск путей устранения угрозы атомной войны.

В 1961 году СССР нарушил мораторий и провел серию испытаний из 50 взрывов. США отреагировали соответственно и в следующем году установили свой «рекорд» — 96 взрывов. В ответной серии СССР осуществил взрыв супербомбы.

А. Д. Сахаров сыграл важную роль в заключении в 1963 году Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

В середине 60-х годов Сахаров просил академика М. В. Келдыша, бывшего в то время президентом АН СССР, включить его в так называемое Пагуошское движение — общественное движение ученых всего мира за международную безопасность, разоружение и научное сотрудничество. Это движение возникло в 1955 году по инициативе А. Эйнштейна, Ф. Жолио-Кюри и Б. Рассела. Первая конференция сторонников движения состоялась при поддержке американского миллиардера С. Итона в Пагуоше (Канада). Ведущим участником этого движения был П. Л. Капица, но таким ученым, как Сахаров, Королев или Харитон, не разрешалось присутствовать и выступать на ежегодных конференциях Пагуошского движения. Даже тогда, когда эти конференции проходили в Москве, Келдыш не мог лично решить вопрос об участии Сахарова в этом движении. Он обратился к М. А. Сулову, но получил решительный отказ.

Весной 1966 года должен был пройти XXIII съезд КПСС. За несколько месяцев до этого возникли опасения, что на партийном съезде произойдет реабилитация Сталина. В этой обстановке возникла идея подготовить специальное обращение к XXIII съезду КПСС, которое подписали бы самые выдающиеся представители советской интеллигенции. Текст обращения был составлен известным советским публицистом Эрнстом Генри (Семен Николаевич Ростовский), который в течение 1965 года активно выступал против попыток частичной реабилитации Сталина. А. Д. Сахаров поставил под «Письмом к съезду» свою подпись и предложил помочь в сборе подписей в академических кругах.

«Письмо к съезду» получило широкое распространение, что, несомненно, сыграло немалую роль в отражении идеологического наступления сталинистов. Вопрос о Сталине вообще не поднимался на XXIII съезде КПСС.

В 1965 году Андрей Дмитриевич Сахаров опубликовал первую работу по космологии. Его имя с 1964 года обрело известность, однако и теперь мало кто знал, что это за человек. В тот период целые отрасли науки и техники окружала столь густая пелена секретности, что многие выдающиеся ученые становились известными общественности только после своей смерти.

В 1968 году, когда в результате военного вторжения войск стран — членов Варшавского договора была задавлена танками «Пражская весна», многие зарубежные ученые отказались приехать в Москву на Международную конференцию по физике элементарных частиц. Перед началом заседаний, когда все уже собрались в зале — и наши, и немногие приехавшие из-за границы, Сахаров подошел к доске и написал большими буквами: «Спасибо всем, кто не приехал!» Зал сочувственно загудел, а председательствующий М. А. Марков торопливо стер надпись.

Испытания термоядерного оружия становились все более частыми и более мощными, они наносили ущерб природе, вынуждали переселять тысячи людей, угрожали их здоровью и жизни. Участие А. Д. Сахарова в их подготовке и осуществлении поставило перед ним ряд острых моральных проблем. Он стал выступать за прекращение испытаний ядерного оружия, что привело его к конфликту с Н. С. Хрущевым и другими высокопоставленными лицами. Несмотря на то, что ядерный паритет был достигнут, оружие, произведенное сверх всякой меры, стало превращаться в угрозу миру и жизни всего человечества. А. Д. Сахаров пришел к выводу, что для устранения угрозы самоуничтожения человечества необходимо сближение нашей страны с демократическими государствами Запада, признание приоритета общечеловеческих ценностей над идеологическими.

Продолжалась эволюция общественно-политической позиции академика А. Д. Сахарова. Плодом этого развития, усиленной умственной и душевной работы стала статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). Основная мысль, высказанная в «Размышлениях», — утверждение о неразрывной связи международной безопасности с открытостью общества, соблюдением прав человека и об историче-

ской необходимости конвергенции социалистической и капиталистической систем как условия выживания человечества.

«Размышления» с их идеей конвергенции написаны человеком, убежденным в «жизнеспособности социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда», в преимуществах социализма как «следующей за капитализмом формации, представляющей собой более высокую ступень общественного, экономического и социального развития».

Сахаров был глубоко идейным и необыкновенно ответственным человеком — и в своей «оборонной» работе, и во всем. Идеи социализма для Сахарова были привлекательны именно своей «справедливостью». В 1968 году Андрей Дмитриевич, как и многие другие, верил в «исключительную общемировую цель», носителем которой является СССР, и, совершенствуя советские ядерные вооружения, был убежден, что выполняет историческую миссию, действует в ситуации крайней необходимости: силы реакции играют с огнем, угрожают нам, нашей социалистической Родине страшным оружием; отвести беду, запугать зверя — разве это не священный патриотический долг?

Вышедшие за рубежом и ставшие известными у нас с помощью «радиоголосов» и «самиздата», «Размышления» произвели разительный эффект. Вся работа подкупала свежестью мысли, оригинальностью и искренностью. Ее полностью опубликовали почти все главные газеты западных стран. Появилось множество комментариев и подробных разборов, были и критические материалы. Сахаров был отстранен от секретной работы.

Еще бы! Трижды Герой Социалистического Труда, ученый-атомщик из плеяды самых засекреченных писал, например, такое: «Капиталистический мир не мог не породить социалистического; но социалистический мир не должен разрушить методом вооруженного насилия породившую его почву. Социализм должен облагородить эту почву своим примером и другими косвенными формами давления и сжиться с ней. Сближение с капиталистическим миром должно происходить не только на социалистической, но и на общенародной демократической основе, под контролем общественного мнения через все демократические институты гласности, выборов и т. д.».

Заметим, однако, что Сахаров не ставит вопрос о том, что капитализм в силу исторической неизбежности своего краха должен пестовать свое детище.

Всего лишь 20 лет спустя мы видим, как социализм унавозил капитализм. По воле реформаторов история повернулась вспять.

«Серая масса» — так называл Сахаров людей труда. Он мечтал о создании «интеллигентного общемирового руководства», то есть мирового правительства.

Позднее известный диссидент Андрей Синявский (Абрам Терц) в письме в парижскую газету «Монд», я думаю, непроизвольно заметил эту особенность: «Сахаров возвращает нас к подлинно христианской идее мирового порядка».

Спросите у любого православного священнослужителя, и он объяснит, что идея «мирового порядка» как раз антихристианская и восходит к Сиону.

Такую конвергенцию с восторгом и некоторым изумлением перед подарком судьбы встретили на Западе.

Началась азартная игра в передачу рукописей за границу. Многие публиковались в журнале «Хроника текущих событий».

Христос был первенцем из воскресших, Сахаров — первенцем из взорвавших идеологическую бомбу в нашей стране. По величию содеянного он равен Антихристу.

Неожиданно его жизнь еще более ухудшилась из-за тяжелой болезни жены. У нее обнаружился рак желудка, который врачи признали неоперабельным. Болезнь быстро прогрессировала, временами начинались сильные боли, которые не удавалось снять даже инъекциями наркотических веществ. Андрей Дмитриевич тяжело переживал страдания жены и находился все время с ней — в больнице или дома. Он пытался достать какие-то лекарства, пользовался неофициальными и народными средствами, но безрезультатно. Клавдия Алексеевна умерла в марте 1969 года. Этот удар судьбы он, далекий от какой-либо религии человек, воспринял как мистический знак возмездия. Его можно было видеть в то время сникшим, помрачневшим. Как о чем-то глубоко личном, сокровенном, хранил он о ней молчание и потаенную память. Он почти ни с кем не встречался, не занимался наукой и был только рад переходу из сверхсекретного объекта в один из академических институтов.

Спокойное, мужественное, без недомолвок изложение политических идей поставило академика Сахарова в особое положение. С одной стороны, огромные заслуги перед страной, удостоверенные высшими наградами, в известной мере оградили его от прямых репрессий. С другой — в обстановке того времени многие боялись контактов с ним. «Размышления» и резонанс на них в мире ко-

му-то показались несовместимыми с деятельностью Сахарова во ВНИИЭФ. По распоряжению министра среднего машиностроения Ефима Славского Сахарову был закрыт доступ на «объект». Это было фактическим отстранением от участия в атомных проектах. Сахаров не был особенно огорчен, он мог теперь отказаться от прежних ограничений в своих знакомствах и начал встречаться с разными людьми, в первую очередь, с писателями и учеными. Академик И. Е. Тамм предложил ему вернуться в ФИАН. Это предложение Андрей Дмитриевич принял и вновь стал сотрудником теоретического отдела ФИАНа.

Общественная позиция академика А. Д. Сахарова притягивала к нему всех, кто в той или иной мере был занят правозащитной деятельностью. В результате его, так сказать, «теоретическая» общественная деятельность, нашедшая продолжение в новых работах, развивающих линию «Размышлений», тесно переплелась с активным участием в правозащитном движении. Сахаров бросался на защиту людей, подвергавшихся гонениям за их политические взгляды, но, несмотря на это, он находил время и силы для новых научных работ.

В 1970 году Андрей Дмитриевич познакомился с Еленой Георгиевной Боннэр. Встретился и сошелся. Неотвратимо, как удар судьбы. Елена Георгиевна, дочь крупного работника Коминтерна Г. И. Алиханова, репрессированного и расстрелянного в 1937 году, перед войной училась в ИФЛИ, добровольно ушла медсестрой на фронт, была ранена и контужена, но вернулась на фронтную медицинскую работу. В дальнейшем, когда закончилась война, она окончила мединститут и работала врачом-педиатром. Когда Сахаров встретился с Еленой Георгиевной, у нее уже был продолжительный стаж диссидентской деятельности. Елена Боннэр — человек радикальных взглядов и незаурядного темперамента. Этот союз дал Андрею Дмитриевичу нужное ему чувство личного счастья. Он гордился всем в своей жене. Стендаль писал, что, когда что-то делает любимый человек, тебе это кажется верхом совершенства. По теории Стендаля со временем это проходит. Но у Сахарова это осталось до последних дней.

Бог одарил их любовью в мире ненависти и недоверия и тем защитил. У них была хорошая и совершенно неправильная семья. Они были друзьями, соратниками и супругами. При этом Андрей Дмитриевич никогда не был «мужем Боннэр», а Елена Георгиевна — «женой академика Сахарова». Степень влияния друг на друга была ограничена их самостоятельностью и терпеливостью. Эту

«степень» можно без натяжки назвать взаимным уважением и взаимной помощью. Однажды Андрей Дмитриевич Сахаров сказал жене Елене Боннэр: «Ты — это я». Они были единомышленниками. Но их связывало и редкое по силе чувство — оба ведь были немолодыми людьми, когда встретились и полюбили друг друга.

Все, кто любил А. Д. Сахарова, должны поклониться в пояс Елене Георгиевне за счастье, которое она ему подарила, несмотря на все тяготы их жизни, и за ее великое мужество, которое позволило ей с достоинством нести звание подруги Андрея Дмитриевича.

Пока жива память о величайшем праведнике нашего времени Сахарове от этой женщины будет исходить некий отраженный свет. Такова ее доля, ее ноша.

О том, как был устроен быт академика в новой семье, хорошо пишет Галина Вишневская в своей книге воспоминаний: «Долго я не знала и А. Д. Сахарова, хотя и жил он напротив нас через дорогу (имеется в виду дача в Жуковке. — А. И.).

Жил он в двухэтажном, вроде даже большом, кирпичном доме. Но внутри дом был удивительно мал и неудобен. Непонятно, как он размещался в нем, особенно летом, со своей огромной семьей: дети от его первого брака (жена умерла) — сын и дочь замужняя с семьей; дети его второй жены — Елены Боннэр — сын и тоже замужняя дочь с семьей; ее старуха-мать, сам он. У великого ученого не было не только своего кабинета, но и спал-то он внизу в проходной комнате. Казалось, что он совершенно не удручен творящимся вокруг бедламом. Его собственной машиной пользовались дети, и теперь он ездил на работу электричкой. Часто можно было видеть, как к вечеру, возвращаясь на дачу, он, усталый, тащит с железнодорожной станции тяжелые сумки с продуктами из Москвы».

К этому времени Сахаров стал уже легендарной личностью. Его морально-политическое влияние в стране и в мире было огромным. Давно осознав сам, он доказывал другим, что только правовое и открытое общество может обеспечить доверие между странами. В 1975 году ему была присуждена Нобелевская премия. Эта награда явилась огромной честью для него, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР.

Как отреагировали на присуждение Нобелевской премии своему коллеге советские ученые? Осудили.

Осуждающее заявление подписали 72 члена Академии наук СССР. Однако отказались подписать это позорное заявление Петр Леонидович Капица, Виталий Лазаревич Гинзбург, Дмитрий Иванович Блохинцев, Иван Матвеевич Виноградов и многие, многие

другие ученые разных специальностей. В те же годы усилились преследования Сахарова в средствах массовой информации. Едва ли не лучшая в СССР газета писала: «Академик Сахаров лишен звания Героя Социалистического Труда, всех правительственных наград и лауреатских званий. Мера исключительная, но справедливая... Больше нельзя мириться с диверсиями отщепенца и отступника. Такой исход является логическим завершением долгой, неприглядной и грязной истории падения человека, отрекшегося от своего народа, поставившего себя на службу иностранным хозяевам».

А вот еще один пример.

Президент Академии наук Александров сказал на заседании президиума:

— Сегодня нам предстоит решить беспрецедентный вопрос о выводе Сахарова из членов Академии.

— Почему беспрецедентный? — возразил академик Капица. — В свое время Гитлер лишил звания академика Эйнштейна.

— Переходим к следующему вопросу, — объявил Александров.

С трудом могу передать чувства, когда читаешь такое! Ярость? Гнев? Нет, пожалуй. Просто хочется завывать от тоски, от жалости к народу, который не смог понять гения, им рожденного. Завывать от запоздалого чувства стыда. Лавина инсинуаций обрушилась и на него, и на Елену Георгиевну. А после его протеста по поводу ввода советских войск в Афганистан он без суда и предъявления каких-либо формальных обвинений или постановлений был направлен в ссылку в Горький. (В августе 1984 года туда же была отправлена и его жена.)

Наши идеологические тамплиеры, блюстители чистоты марксизма, не придумали ничего лучшего, как сослать Сахарова в закрытый для иностранцев город Горький. Здесь его жестко поднадзорная деятельность не затихает. Сахаров постоянно и целенаправленно апеллирует к мнению мировой общественности. Начинается его Великая Борьба. Он протестует против высылки Солженицына, добивается разрешения на выезд из СССР Давидовича, выступает в защиту Лавута, Коставы, Щаранского, Осипова, Подрабинека. Невозможно всех перечислить.

Отъезд из Москвы в Горький был обставлен как в детективе. 22 января 1980 года академик собрался на семинар в ФИАН, выехал машину из Академии и поехал. Когда они доехали до Краснохолмского моста, вдруг поперек дороги встала машина ГАИ. Водитель, очень удивленный, вышел из машины и пошел навстречу милиционеру. Тот ему козырнул, а в это время задние дверцы

открылись и в машину влезли два человека в форме. Показав Сахарову свои удостоверения, сказали, что они из МВД. Когда вернулся водитель, ему было приказано ехать за машиной ГАИ.

Приехали в прокуратуру. Там Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков объявил академику Сахарову, что по постановлению Президиума Верховного Совета СССР он лишен всех своих наград. Рекунков очень волновался. Андрей Дмитриевич спросил, почему его доставили таким странным способом. Ведь он всегда являлся на вызовы прокуратуры. А. М. Рекунков ответил, что ввиду срочности вопроса, и дал академику ознакомиться с текстом этого постановления. Там не было подписей Л. И. Брежнева и М. П. Георгадзе, но А. М. Рекунков заверил, что это несущественно, что это чисто механический момент.

Сахаров попросил дать ему бумагу и написал, что отказывается вернуть награды, так как считает это необоснованным.

Рекунков затем сообщил, что компетентные органы приняли решение о высылке Андрея Дмитриевича в город Горький (впоследствии его убеждали, что это постановление Президиума Верховного Совета СССР, но этого документа он никогда не видел). С разрешения Рекункова он позвонил домой, чтобы жена собрала ему все необходимые вещи. Ссылка Сахарова в то время не распространялась на жену, но она могла сопровождать мужа в Горький и жить с ним, а также возвращаться при нужде в Москву. Сахаров и его жена были отправлены в Горький специальным самолетом в сопровождении 8 или 10 сотрудников КГБ, а также двух врачей. Четырехкомнатная квартира в Горьком для академика Сахарова была уже подготовлена.

Они жили в горьковских Щербинках в квартире на первом этаже, перед дверью которой днем и ночью сидел за столом милиционер. Он никогда не отвечал на приветствие Сахарова, а Андрей Дмитриевич никогда не мог не поздороваться с человеком, который смотрел на него. Когда академик выходил в город, за ним следовала спецмашина, сидящие в ней пресекали все попытки контакта с академиком. Писатель Даниил Гранин вспоминает: «Горьковский поэт Федор Сухов рассказывал мне, как одна приезжая знакомая студентка попросила его показать дом, где живут Сахаровы. Он провел ее к этому дому, они вошли во двор, присели на скамеечку. Вскоре перед ними очутились «мальчишки», спросили, зачем они сидят, потребовали предъявить документы, затем попросили удалиться. Когда девушка вернулась в свой город, ее исключили из института».

Сахарова «охраняли» так, как будто это был не всемирно известный ученый, гражданин и патриот страны, а иностранный шпион, предатель Родины, отщепенец, общение с которым могло причинить непоправимый вред государству. Директор Федеральной службы контрразведки С. В. Степашин в 1994 году официально заявил, что на Андрея Дмитриевича Сахарова было заведено 250 томов дела. Это рекорд для книги Гиннеса. Ни на одного человека в бывшем Советском Союзе не заводилось дела с таким количеством томов.

Деятельность А. Д. Сахарова действительно наносила вред, но не стране, а престижу ее руководителей, которые, живя, как при коммунизме, за счет народа, призывали его создавать то, чего у него никогда не было: богатую, счастливую жизнь, демократию, свободу, гласность.

А. Д. Сахаров требовал суда, но безуспешно. Ведь, если подходить формально, его высылки не было.

В Горьком он провел три голодовки (в 1981, 1984 и 1985 годах) в защиту прав членов своей семьи и перенес попытки насильственного кормления. Первую голодовку А. Д. Сахаров объявил в связи с отказом на выезд за границу Е. Алексеевой (невесты сына). Состояние здоровья А. Д. резко ухудшилось и стало критическим. В связи с этим П. Л. Капица написал письмо Л. И. Брежневу:

4 декабря 1981 г.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Я уже очень старый человек и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются.

Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он — великий ученый нашей страны.

С уважением.

П. Л. Капица.

В 1984 г. им была объявлена голодовка с единственным требованием: чтобы Елену Георгиевну выпустили на лечение в США. В мае 1983 года у нее был инфаркт. Обстановка бешеной травли, инспирированной прессой, и условия, в которых они находились, исключали возможность нормального лечения в СССР. А когда 2 мая 1984 года Елену Георгиевну «заперли» в Горьком, А. Д. Сахаров понял, что с ним кончают, и объявил голодовку. 7 мая его забрали в больницу. Никто ничего не знал о его состоянии. Только потом стало известно, что 11 мая в результате насильственного кормления через нос у него был микроинсулт, состояние было критическим.

Вышел он из больницы 8 сентября, не добившись своего. Вот как об этом вспоминает Елена Георгиевна: «Дома состояние Ан-

дрия было странным. Мы ощущали радость, не расставались ни на минуту; но он укорял себя за прекращение голодовки. Настроение его ухудшалось. Когда я сказала ему, что нужно научиться проигрывать достойно, он ответил: «Я не хочу учиться этому, я хочу научиться умереть с достоинством. Ты не понимаешь, я голодал не только за твой выезд, но и за мое окно в мир. Они хотят превратить меня в живой труп. Ты позволяешь мне жить, осуществляешь связь с внешним миром. Они хотят уничтожить ее».

Через несколько месяцев после того, как Сахаров был сослан в Горький, Капица направил Андропову большое письмо и попросил освободить своего коллегу от административной ссылки. П. Л. Капица писал, что «силовое административное воздействие на инакомыслящих ученых» ничего, кроме огромного вреда, не принесет ни престижу страны, ни тем более науке. П. Л. Капица защищал не только А. Д. Сахарова и другого крупного физика, Ю. Ф. Орлова, от политических репрессий, которые лишили их возможности заниматься научной работой. Капица защищал само право ученого на инакомыслие, и не только в собственной науке, но и в общественно-политической жизни общества. Он привел как разумный образец отношение В. И. Ленина к великому русскому физиологу И. П. Павлову. «Известно, — писал Капица, — что отношение (Павлова) к социализму носило ярко демонстративный характер. Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания, и т. д. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не обращал внимания. Для Ленина Павлов был большим ученым, и Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову хорошие условия для его научной работы». Таким же, по утверждению Капицы, было отношение Ленина к другим крупнейшим ученым: физиологу растений К. А. Тимирязеву, философу и экономисту А. А. Богданову, электротехнику К. Штейнмецу, металлургу Д. К. Чернову и др.

«Легко видеть, — писал П. Л. Капица, — что в истоках всех отраслей творческой деятельности человека лежит недовольство существующим, например, ученый недоволен существующим уровнем познания в интересующей его области науки, и он ищет новые методы исследования, писатель недоволен взаимоотношением людей в обществе, и он старается художественным методом повлиять на структуру общества и поведение людей. Инженер недоволен современным решением технической задачи и ищет новые конструктивные формы для ее решения. Общественный дея-

тель недоволен теми законами и традициями, на которых построено государство, и ищет новые формы функционирования общества и т. п. Таким образом, чтобы появилось желание творить, в основе должно лежать недовольство существующим, то есть надо быть инакомыслящим. Это относится к любой человеческой деятельности. Конечно, недовольных много, но, чтобы продуктивно проявить себя в творчестве, надо еще обладать талантом. Жизнь показывает, что больших талантов очень мало, и поэтому их надо ценить и оберегать. Это трудно осуществить даже при хорошем руководстве. Большое творчество требует большого темперамента, и это приводит к резким формам недовольства, поэтому талантливые люди обычно обладают, как говорят, «трудным характером»... В действительности творческая деятельность обычно встречает плохой прием, поскольку в своей массе люди консервативны и стремятся к спокойной жизни. В результате диалектика развития человеческой культуры лежит в тисках противоречия между консерватизмом и инакомыслием, и это происходит во все времена и во всех областях человеческой культуры...

Чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысаков мало, и они обычно норовисты, и для них также нужны искусные наездники и хорошая забота. На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть.

Мы ничего не достигли, увеличивая административное воздействие на Сахарова и Орлова. В результате их инакомыслие только все возрастает, вызывая отрицательную реакцию даже за рубежом... Я не могу себе представить, как еще мы предполагаем воздействовать на инакомыслящих ученых. Если мы собираемся еще увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит. Не лучше ли попросту дать задний ход?»

Уникальное качество Андрея Дмитриевича Сахарова на протяжении всей его жизни состояло в том, что он не отступал и всегда доводил до конца задуманное. Украли рукопись — восстанавливал снова и снова. Окончилась неудачей одна голодовка — объявил другую, которая длилась с 16 апреля до конца сентября 1985 года. И закончилась, когда Елене Георгиевне разрешили поездку в США для проведения операции. И все эти ужасные месяцы Елена Георгиевна практически ничего о нем не знала. Ее даже близко к больнице не подпускали. Он там был полностью изолирован. В отделение, где он лежал, никого не допускали. Сахарова травили: его нельзя было, как Солженицына, выслать за границу (он владел научными секретами).

В печати была развернута кампания против Сахарова и Боннэр. Пальма первенства в этой команде борзописцев, несомненно, принадлежит Н. Н. Яковлеву, автору книги «ЦРУ против СССР», главы из которой перепечатал журнал «Смена». Не могу удержаться, чтобы не процитировать хотя бы пару его перлов: «Почерпнув мудрость» в этом зловонном источнике (книгах и статьях Солженицына. — А. И.), академик понес окоlesiцу и сущий вздор...» Яковлев пишет, что американцы должны привозить Сахарову то, что он может продать, — джинсы, шариковые ручки, колготы. Книга «ЦРУ против СССР» представляла редкий пример бульварного чтива (чего стоит описание романов Елены Боннэр и драк между супругами).

Андрей Дмитриевич «вписал» этого человека в историю, дав ему пощечину за ту грязь, которую тот написал про Елену Георгиевну. Произошло это, когда Яковлев приехал в Горький, чтобы взять у Сахарова интервью. Честно говоря, поражает даже не его книга, а сам факт, что он мог явиться беседовать с человеком, жену которого оскорбил. Пощечину от такого человека, как Андрей Дмитриевич, надо заслужить. И столь высокая оценка журналистской деятельности не может принадлежать одному герою. Ее надо разделить на многих.

«Откровениям» Яковлева, прямо скажем, поверили очень многие, хотя даже сам тон его книги, до предела оскорбительный, казался бы, должен был любого читателя покоробить.

У нас удивительно легко верят печатному слову. Этим и пользуются такие, как Яковлев, который, например, совершенно беззастенчиво утверждал, что Сахаров призывает к войне, что «в дом Сахарова после смерти жены пришла мачеха (Е. Боннэр — А. И.) и вышвырнула детей», что друг ее юности поэт Всеволод Багрицкий — пожилой мужчина с положением. А то, что никого мачеха не выгоняла, и Андрей Дмитриевич после женитьбы пришел к ней, оставив все своим взрослым детям, что «пожилой мужчина» Всеволод Багрицкий погиб на фронте в 1942 году, не дожив до 20 лет, — Яковлева не волнует. Своими писаниями он издевается и над памятью поэта.

На этом же уровне морали и достоверности и все остальные утверждения Яковлева. Но тогда ему поверили. Летом 1983 года поток гневных писем в адрес Сахарова и Боннэр превышал 100 штук в день. Елена Георгиевна вспоминала: «Нам угрожали на рынке и когда выходили на балкон, на улице скандалы — было

все. Кажется, только не били. И как апофеоз — погром, который мне устроили в поезде 4 сентября, когда я ехала из Горького».

31 мая 1985 года к Сахарову прибыл высокий чин из КГБ. Из разговоров с ним Елена Георгиевна заключила, что «Горбачев дал указание КГБ разобраться с нашим делом». После обещания Андрея Дмитриевича отказаться от открытых политических выступлений, Елене Георгиевне разрешили поездку в США, где ей сделали операцию на сердце, спасшую ей жизнь. А в декабре 1986 года М. С. Горбачев пригласил Сахарова вернуться в Москву.

Началось все с того, что совершенно неожиданно к Сахаровым пришли монтеры и поставили телефон. Это был Знак! На следующий день позвонил Горбачев и сказал, что принято решение, согласно которому они могут вернуться в Москву. Андрей Дмитриевич ответил: «Спасибо, но на днях в чистопольской тюрьме погиб мой друг Анатолий Марченко. Он был первым в списке, который я Вам послал. В советских тюрьмах томится много узников совести, и их всех нужно освободить». Горбачев возразил, что среди них есть разные люди. «Все равно, — настаивал Сахаров, — освободить нужно всех». Горбачев не согласился с этим, но Андрей Дмитриевич не отступал: «Умоляю Вас вернуться к этому вопросу. Это необходимо для Вас лично и для международного престижа нашей страны...» Этим поразительным разговором закончилась семилетняя ссылка Сахаровых.

По просьбе Горбачева в Горький приехал президент Академии наук СССР Г. И. Марчук, и у них с Сахаровым состоялась длительная беседа. Андрей Дмитриевич изложил ему многие пункты своей программы, рассказал, что собирается делать. В частности, о Чернобыле, о подземных АЭС, о сейсмологии — о предотвращении катастрофических землетрясений с помощью превентивных ядерных взрывов, а также о реабилитации правозащитников.

Вот некоторые малоизвестные факты об этом: в декабре 1986 года члены Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев и В. М. Чебриков, а также президент АН СССР Г. И. Марчук обратились в ЦК КПСС с письмом «О предложениях в отношении А. Д. Сахарова», в котором шла речь о деятельности Сахарова и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года о его выселении в административном порядке в один из районов, закрытых для посещения иностранцами. В письме отмечалось, что «принятые превентивные меры в отношении Сахарова в определенной мере себя оправдали — он вернулся к научной деятельности». На этом основании авторы письма заявляли, что «представляется возможным в

настоящее время решить вопрос о возвращении Сахарова в Москву», ибо это «обойдется меньшими политическими издержками, нежели продолжение его изоляции в Горьком. При этом имеется в виду, что по линии КГБ будут осуществляться меры по нейтрализации возможных негативных проявлений».

На основании этого письма появилось Постановление ЦК КПСС № 45/20 от 15 декабря 1986 года и Указ Президиума Верховного Совета от 17 декабря 1986 года о досрочном освобождении Е. Г. Боннэр из ссылки путем ее помилования.

Этому предшествовало и обсуждение на заседании Политбюро этого вопроса.

Выписка из протокола заседания Политбюро.

Горбачев. Теперь о Сахарове и Боннэр. У меня есть такой документ (зачитывает). Видно, голова у него соображает, и вроде бы в интересах страны. Этот момент меня больше всего заинтересовал, давайте попробуем (зачитывает дальше).

Он хочет вернуться в Москву. Надо воспользоваться этим и поговорить с ним. Обеспечить квартирой здесь.

Лигачев. Может быть, для начала пусть к нему поедет Марчук?

Горбачев. Да, надо послать т. Марчука к нему и сказать, что академики поговорили с советским руководством и оно поручило переговорить с ним, чтобы он включился в нормальную жизнь. Сказать, что все старое надо закрыть, страна включилась в огромную созидательную работу. Спросите, как он смотрит на то, чтобы свои знания, энергию отдать служению Родине, народу.

Громыко. Это хорошо, принципиально.

Горбачев. Если есть движение души, надо использовать. Как, Виктор Михайлович, не возникает осложнений?

Чебриков. Будем работать. Насчет квартиры. По улице Чкалова у него имеется хорошая двухкомнатная квартира. Они жили там вдвоем. Она полностью оборудована. Вторая квартира есть, где он жил с первой супругой. Это четырехкомнатная квартира. Там первое время жили дети, потом они съехали. Но Боннэр там не хочет жить.

Горбачев. Ну, это их дело.

Чебриков. В Жуковке есть дача, где живут академики — Александров, Зельдович и другие атомщики. Там есть дача, которая построена государством. Она также свободная. Так что квартирный вопрос решен.

Горбачев. Так и сказать ему: квартира за вами сохранена, дача тоже. Если у вас есть какие-то другие вопросы — пожалуйста. Но

давайте включайтесь в работу. Вся страна сейчас энергично работает, и вы тоже должны включиться.

Чебриков. Но он сказал в одном из писем: я обязуюсь вести себя лучше, но не смогу молчать тогда, когда нельзя будет молчать.

Горбачев. Пусть и говорит. Если же будет выступать против народа, то и расхлебывает пусть сам. Как, товарищи, не возникает ни у кого никаких вопросов в связи с этим?

Члены Политбюро. Это даст нам выигрыш.

Горбачев. Тогда и поручим тт. Лигачеву и Чебрикову пригласить академика Марчука и сказать, чтобы он действовал.

Чебриков. Но надо и Указ Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу принять.

Горбачев. Да. Может быть, мы сейчас импровизируем, но вы вместе с т. Лигачевым проработайте этот вопрос, а потом пригласите Марчука и скажите ему все, что нужно сделать. Если бы мы раньше поговорили с Сахаровым, то, может быть, и не было бы такой ситуации. В общем, надо его приглашать.

Члены Политбюро. Правильно.

Горбачев. Пусть едут корреспонденты, пусть разговаривают.

Чебриков. У нас есть некоторый опыт работы с ними.

Громыко. Только не допускать такую тематику, которая нежелательна.

Чебриков. Должен сказать, что у нас не было повода, чтобы привлечь Сахарова за разглашение тайны. Он это понимает.

Горбачев. Виктор Михайлович, надо сказать т. Марчуку, что все нужно сделать так, чтобы это не было неожиданностью для общественности. Может быть, следует собрать президиум Академии наук и сказать об этом. Пусть т. Марчук расскажет, что был в ЦК и беседовал по этому вопросу. А то получается, что ученые в свое время высказались за его выезд из Москвы, а теперь их даже не ставят в известность о другом подходе к этому вопросу.

Громыко. Я думаю, что ученые поступят правильно.

Горбачев. Тогда на этом закончим?

Члены Политбюро. Да.

Постановление принимается.

... Немножко предыстории. Многие уже забыли, что к декабрю 1986 года, когда Горбачев, позвонив в Горький, сообщил Сахаровым о том, что они могут возвращаться, он побывал с официальным визитом во Франции и дал интервью газете «Юманите». На вопрос о политических заключенных буркнул обычную официальную ложь: «У нас нет политических заключенных». А на вопрос о

Сахарове тоже солгал, сказав, что Сахаров был на грани, так сказать, разглашения государственных секретов. Если борьба за освобождение Сахарова всегда, в общем, носила активный, напряженный характер, то эту ложь поняли западные политики, общественные деятели и масса людей. Горбачев как бы разоблачил себя, и с этого началось мощное давление на него, он был вынужден освободить Сахарова.

Сахаров был сослан в Горький за правду, которую правительство признало публично спустя восемь лет. За то, что войну в Афганистане назвал преступной ошибкой. Он — единственный наш мирный житель, пострадавший в этой войне, ставший на защиту наших детей в военной форме, — был лишен всех наград, которые действительно заслужил. Никто публично не принес ему извинений за семь лет ссылки; считалось, видимо, что самый факт возвращения в Москву есть некая награда. С ним тихо вели переговоры относительно возвращения трех геройских звезд. В конце 1988 года Президиум Верховного Совета СССР по ходатайству президиума Академии наук СССР вынес постановление о возвращении всех правительственных наград академику Сахарову. Но он отказался получать назад отобранные удостоверения «до тех пор, покамест не будут реабилитированы все те, кто был репрессирован по политическим мотивам столь же несправедливо, как я». Он так и не получил их назад.

... Они уезжали из Горького как люди. Она хорошо знала маршрут: на этом пути у нее воровали сахаровские рукописи, ссаживали, унижали, мешали добираться до так называемых врачей... Он же ехал в Москву из Горького в первый раз. Его очень волновало: будет ли холодно в столице, потому что ей с больным сердцем нельзя было выходить на сильный мороз. Они вспоминали друзей и предполагали свою жизнь в своем доме. Она кормила его обязательной в поезде и теплой еще курицей, потому что ничего холодного он не любил. Это был нормальный выезд мужа и жены, с той лишь особенностью, что покидали они город, из которого не надеялись выбраться, и даже подыскивали себе место на горьковском кладбище...

Возвращение Андрея Дмитриевича Сахарова из ссылки в Москву стало сенсацией. 19 декабря 1986 года на радио, а на следующий день в газетах появилось следующее сообщение:

«На пресс-конференции в МИД СССР заместитель министра иностранных дел В. Ф. Петровский официально проинформировал собравшихся о том, что академик А. Д. Сахаров обратился с прось-

бой к советскому руководству разрешить ему перебраться в Москву. Просьба эта была рассмотрена соответствующими организациями, в том числе Академией наук и административными органами. Был, в частности, принят во внимание факт, что академик Сахаров в течение длительного времени находится в Горьком, и в результате рассмотрения этой просьбы было принято решение разрешить вернуться академику Сахарову в Москву. Одновременно Президиум Верховного Совета СССР принял решение о помиловании гражданки Боннэр. Таким образом, и академик Сахаров, и Боннэр имеют возможность вернуться в Москву, а академик Сахаров может активно включиться в академическую жизнь теперь на московском направлении деятельности Академии наук».

Корреспонденты всех крупнейших агентств мира, журналов, газет столпились на перроне. Путь А. Д. Сахарова от вагона до привокзальной площади в Москве занял 45 минут. Его буквально раздирали вопросами.

— Как Вы думаете, что послужило причиной вашего освобождения?

— Меня защищали собратья-ученые, меня защищали общественные деятели, просто друзья. Защищали мои дети. Наконец, защищала моя жена. Именно эта защита сделала возможным наше освобождение.

— Как Вы себя чувствуете?

— Я — ничего. Жена в плохом состоянии приехала — ноги у нее болят...

— Как Вы относитесь к политике Горбачева?

— В вопросах политики я еще не разобрался, как говорится. Но я очень заинтересован тем, что происходит в стране. Мне нужно время, чтобы составить свое мнение.

— Собираетесь ли Вы выехать за границу?

— Я не предполагаю, что мне будет это разрешено, и не претендую на это.

— Андрей Дмитриевич, чем Вы собираетесь заниматься?

— Космологическими проблемами. Буду также заниматься проблемами управляемой термоядерной реакции.

— Что Вы думаете о проблеме Афганистана?

— Я считаю, что это самое больное место нашей международной политики, и я надеюсь, что будут приняты более решительные меры и более кардинальные...

— Как Вы узнали, что можете вернуться в Москву?

— 15 декабря нам неожиданно установили телефон. Ночью. Мы даже немножко испугались. А шестнадцатого в три часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев. Сказал, что принято решение о моем освобождении. Что я смогу вернуться в Москву и сможет вернуться Боннэр, как он сказал, неправильно назвав фамилию моей жены. Я ему сказал, что благодарен за это решение, но что мои чувства очень смутные, потому что это событие совпало с огромной трагедией — со смертью Анатолия Марченко — замечательного героя борьбы за права человека. И я напомнил о своем письме от пятнадцатого февраля об освобождении узников совести, людей, пострадавших за убеждения и не применявших насилие. Сейчас, после смерти Марченко, мои мысли об этом еще более напряженные, потому что: кто следующий? Это недопустимо для нашей страны, что в ней есть люди, пострадавшие за свои убеждения. И я постараюсь сделать все, что зависит от меня, чтобы это прекратилось.

— Какие чувства Вы сейчас испытываете?

— Я, конечно, рад, что вернулся в Москву. И немного отвык от шума, от людей. Такое количество людей создает ощущение стресса. Я чувствую радость и волнение. В мире все еще очень трагично.

К Сахарову Горбачев обращался на «Вы» не просто в силу особого уважения, а потому, что Сахаров не вписывался в понятную систему отношений «выше—ниже». Горбачев так и не нашел в себе силы пойти навстречу Сахарову, сблизиться с ним и не использовал в полной мере политический капитал, который приобрел, освободив Сахарова и вернув его к политической жизни.

Последующие три года бурная жизнь Андрея Дмитриевича была у всех на виду.

Когда А. Д. Сахаров вернулся в Москву, Г. И. Марчуку, по-видимому, было дано поручение: интегрировать Сахарова обратно в Академию наук. В конце декабря 1986 года состоялось заседание президиума, на которое был приглашен А. Д. Сахаров. Обращаясь к академику, Г. И. Марчук сказал: «Прошу любить и жаловать». Через полтора года А. Д. Сахаров был избран членом президиума — Р. З. Сагдеев снял свою кандидатуру в пользу Сахарова.

Тяжело было видеть изможденное лицо, ввалившиеся ласковые глаза, сутулые плечи, отощавшую фигуру. И если духовно он выстоял и победил, физическая травма оказалась неизлечимой. Жизнь великого человека оборвалась 14 декабря 1989 года.

Недавно вышла «Автобиография» А. Д. Сахарова. Огромная работа, почти в тысячу страниц, напечатана в США, в издательстве имени Чехова. Очень интересную оценку этой книги Сахарова

дал Даниил Гранин. «Книга, — писал он, — приоткрывает феномен Сахарова, гениального ученого, не менее великого политического деятеля и подвижника новой нравственности. Соединение трех этих, казалось бы, взаимоисключающих качеств само по себе уникально. А если сюда добавить, что это стало явлением не национальным, а мирового масштаба... «Автобиография» насыщена событиями, современниками и свидетелями которых мы все были и о которых знали мало, ибо все было оболгано, искажено. Возникает внушительная картина движения диссидентов страны, их отчаянной, казалось бы, безнадежной борьбы. Это мемориал великолепным, благородным людям, которых старались оставить в безвестности. Подлым приемам борьбы они противопоставляли свою бескомпромиссность и честность, но прежде всего возникает образ самого автора, хотя о себе он пишет с требовательностью, той щепетильной скромностью, от которой мы отвыкли. Это, я бы сказал, «старорежимная» душевная чистоплотность, образец истинной интеллигенции. В «Автобиографии» А. Д. Сахаров ни с кем не сводит счеты. Редко-редко срывается у него необдобрительное слово, сдержанный упрек и недоумение. Нравственная сила рассказа от этого лишь выигрывает, и в память навсегда западают имена безнаказанно благоденствующих судей его и гонителей, врачей-наильников, ученых-предателей... Книга эта выстрадана, книга открывает пласты почти неведомой нам жизни. Эта книга обличает Сахаров, чья и сооружая памятник зачинателям инакомыслия, «первоисточникам» перестройки, снизу и сверху высветил действие изоэренных механизмов лжи, демагогии, обмана, провокации, «творчества», которым занимались местные и центральные КГБ, ЦК, их отделы. Была система лжи — и была система устраний, каждая система была разработана мастерски».

В 1996–1997 годах в двух томах вышла книга А. Д. Сахарова «Правда человека». В первом томе воспроизведены «Воспоминания» Андрея Дмитриевича.

В небольшом предисловии к «Воспоминаниям» автор излагает историю их создания. Трижды текст изымался, выкрадывался сотрудниками госбезопасности. Но каждый раз Андрей Дмитриевич вновь и вновь брался за перо, восстанавливал рукопись. Потребовались смелость, выдержка и настойчивость для того, чтобы «Воспоминания» дошли до издателя.

В чем же видел свою главную задачу автор, из чего исходил?

«Я считаю мемуарную литературу важной частью общечеловеческой памяти. Это одна из причин, заставивших меня взяться за

эту книгу... Другая причина — при широком интересе к моей личности очень многое из того, что пишется обо мне, о моей жизни, ее обстоятельствах, о моих близких, часто бывает весьма неточно, я стремлюсь рассказать верней.

И, наконец, я исходил из того, что круг людей, которым могут быть интересны мои воспоминания, достаточно широк в силу необычных обстоятельств моей судьбы, в которой последовательно сменились столь различные периоды, как работа на военном заводе, научно-исследовательская работа по теоретической физике, 20 лет участия в разработке термоядерного оружия в секретном городе («объекте»), участие в исследованиях в области управляемой термоядерной реакции, общественные выступления, участие в защите прав человека, преследование властями меня и моих близких, высылка в Горький и изоляция (и возвращение в Москву в период «перестройки»).

Книга эта — не исповедь и не художественное произведение, это — именно свободные воспоминания о мире науки, о мире «объекта», о мире диссидентов и просто о жизни. По времени воспоминания охватывают мою жизнь, начиная с детства и до настоящего времени» (т. I, с. 9–10).

Ему было важно не просто рассеять мифы о себе, не просто удовлетворить интерес к своей личности, интерес, как он пишет в предисловии, порождающий неточности со стороны даже близких ему людей.

Жизнь длинна, а если учесть, что она продолжается в детях и внуках, то она бесконечна. Бесконечна, если свойственная всем людям мира социальная безответственность не приведет к концу света, к ядерной катастрофе, к тому, что перед собственной смертью мы увидим обугленные трупы детей и внуков.

Он не был похож на пророка, у него было большое чувство юмора, сходство же было в том, что его встречали, как пророка, не узнанным.

Он обладал тактом — умением думать о других. Эдвард Радзинский как-то рассказал любопытный эпизод, связанный с Сахаровым. Его пьесу «Беседы с Сократом» шесть лет не пропускала цензура. Редакторы подозревали, что под именем Сократа он пытается «протащить» на сцену Сахарова. Шесть лет в Театре Маяковского шли репетиции. И хотя, когда писал, Радзинский думал только о древнем греке, перед долгожданной премьерой пришла в голову мысль самому для себя срежиссировать маленький спек-

такль «Появление Сократа перед афинянами». И Радзинский отдал два своих места в пятом ряду Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Премьера. Лето 1975 года. Жара. Безумный ажиотаж вокруг театра. В первых рядах весь цвет номенклатуры. Их тоже всегда тянуло к запретным зрелищам. Радзинский забрался на бельэтаж, оттуда было удобнее наблюдать. Сахаров появился минуты за три до начала и стал пробираться к своему месту. Как они реагировали, не угадаете. Отовсюду закричали: «Здравствуйте, Андрей Дмитриевич!»... Тогда Радзинский понял, что Система обречена. Потому что она никому не нравится. Даже тем, кто ей служит.

В день рождения А. Д. Сахарова (в мае 1994 года) ФСК передала Елене Боннэр некоторые документы из архива бывшего КГБ.

Один из них, подписанный В. А. Крючковым за четыре дня до смерти академика, информирует Политбюро, что Сахаров усиливает свою антисоветскую деятельность и становится, по существу, неформальным лидером оппозиции.

Другой документ, появившийся уже после смерти Андрея Дмитриевича, утверждает, что деструктивным силам не удалось превратить смерть и похороны Сахарова во всенародное горе и протест против существующего режима.

Даже при самом поверхностном знакомстве с этими документами создается впечатление, что КГБ сознательно дезинформировало руководство страны, выдумывало безумные нелепицы: например, намекая на попытки Е. Г. Боннэр отравить Сахарова, о ее навязчивом диктате некоторых политических идей. (Разумеется, за громадные деньги ЦРУ.)

Хотя в автобиографических записках Сахаров писал о той стороне раннего своего воспитания, которая способствовала выработке у него твердых нравственных основ личности, он редко обращался к этой теме в разговоре. Лишь незадолго до смерти (во время «круглого стола» в редакции «Литературной газеты» в октябре 1989 года) он внезапно заговорил о современном нравственном эквиваленте старой веры, благодаря которому история для нас не становится бессмысленной. Он не только вел жизнь святого, блаженного праведника, он много думал об основах подобной жизни.

УЧЕНЫЙ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

Только освободившись от шаблонных, стереотипных представлений, можно сделать выдающееся открытие, изобрести необычный прибор или разработать новую теорию. Часто думающих не так, как все, общество подвергало ostracismу, а иногда осуждало на смерть. Вспомним узника инквизиции Галилео Галилея, погибшего на костре Джордано Бруно, Сократа, которого заставили выпить яд. Наше поколение стало свидетелем гонений и шельмований, которым подвергался Андрей Дмитриевич Сахаров. За две тысячи лет человечество в нравственном плане мало изменилось...

В 1945 году Сахаров из оборонного НИИ на Волге поступил в аспирантуру Физического института АН СССР им. П. Н. Лебедева (ФИАН). Его научный руководитель И. Е. Тамм и сотрудники института были удивлены своеобразием, непосредственностью и дерзновенностью решений предлагаемых ему задач. Спустя некоторое время после беседы с Андреем Сахаровым Игорь Евгеньевич Тамм ходил по институту и делился: «Этот молодой человек самостоятельно додумался до того, что пока придумали самые крупные светила атомной физики и что еще нигде не опубликовано!»

После успешной защиты в 1947 году кандидатской диссертации на тему «Теория ядерных переходов типа 00 » А. Д. Сахаров был оставлен в ФИАНе в должности младшего научного сотрудника теоретического отдела.

В 1945–1950 годах Сахаровым были высказаны идеи, касающиеся использования энергии, выделяющейся при реакции слияния ядер водорода. Эта реакция служит источником энергии звезд.

В 1948 году в ФИАН была организована группа теоретиков под руководством И. Е. Тамма, на которую особым постановлением Совета Министров СССР возлагалась задача исследовать возможность создания термоядерного оружия. Эта проблема была выдвинута в 1946 году в докладе, направленном правительству И. И. Гуревичем, Я. Б. Зельдовичем, И. Я. Померанчуком и Ю. Б. Харитоновым. Немного погодя в Институте химической физики АН СССР группой сотрудников (А. С. Компанец, С. П. Дья-

ков) под руководством Зельдовича была начата проработка этой проблемы.

Тамм попросил своего талантливого ученика Сахарова помочь ему решить одну трудную математическую задачу. На следующий день Сахаров у него спросил:

— Так вы работаете над атомным оружием?

Тамм пришел в ужас, потому что работа была сверхсекретной, и тут же поставил вопрос о допуске к ней Сахарова.

Все говорило о том, что для поддержания термоядерной реакции нужна температура в несколько десятков миллионов градусов. Этого можно добиться лишь при использовании атомной бомбы в качестве запала.

Для этого и была создана группа во главе с И. Е. Таммом, в которую, как уже сказано выше, был включен и А. Д. Сахаров, успешно защитивший перед этим (1947 г.) кандидатскую диссертацию. Группа разместилась в доме на Миусской улице, в трех небольших комнатах, конечно, за закрытой дверью.

Работая в группе Тамма, молодой ученый спустя некоторое время высказал смелые идеи, определившие дальнейшее развитие всей проблемы. Так, в качестве горючего для термоядерного устройства группой Зельдовича рассматривался жидкий дейтерий. Сахаров же предложил свой вариант: конструкцию из чередующихся слоев легкого вещества и тяжелого, названную им «сложкой».

Исследования, связанные со слойкой, выдвигались все более на первое место и вызывали настоятельную необходимость постоянного присутствия Андрея Дмитриевича на «объекте» — во Всесоюзном научно-исследовательском институте экспериментальной физики, где с 1946 года концентрировались базисные исследования по созданию ядерного оружия. 17 марта 1950 года на транспортном самолете Сахаров вылетел в институт на ставшую для него на долгие годы постоянной работу.

«А, москвич приехал!» — этим радостным восклицанием встретил Андрея — любимого ученика академика Тамма — Игорь Васильевич Курчатов в Арзамасе-16. Москвич был совсем молод (28 лет), высок, несколько нескладен, приветлив и молчалив. Чтобы человек подобного склада превратился в лидера, стал звездой науки первой величины, нужен талант воистину уникальный. Мы знаем, что Сахаров — «отец» первой в мире водородной бомбы. Вернее, мы не знаем, но мы верим, что это так. Чтобы знать по-настоящему, надо постичь ход мысли великого физика-теоретика, нам недоступный.

Концепция термоядерной бомбы принадлежит Сахарову. Он, как и Эдвард Теллер в США, снискал зловещее, но почетное звание «отца» водородной бомбы. Американцы первыми сделали взрывное термоядерное устройство (наземную лабораторную установку для термоядерного взрыва). Мы же первыми испытали настоящую бомбу, которую сбрасывали с самолета. Последнее произошло исключительно благодаря сахаровским идеям.

Рассказать подробнее о научной деятельности Сахарова нет возможности. Она засекречена. В самых общих чертах: разработка термоядерного оружия в составе исследовательской группы физиков.

Сахаров отмечал: «Я не сомневался в жизненной важности создания советского сверхоружия для нашей страны и для равновесия сил во всем мире». Позднее, в пору диссидентства Сахарова, в западной печати его стали называть «отцом» водородной бомбы. Да, он был автором или соавтором некоторых ключевых идей. Реальная ситуация коллективного труда исключает индивидуальное «отцовство». Решение сверхсложной проблемы требует не частного рыночного подхода, а коллективного разума, так сказать, общественного научного труда.

Точно такой же «бригадно-коммунистический» подход к делу успешно использовали американские ученые. И даже более — коллектив атомщиков был интернациональным: немцы, итальянцы, французы, англичане и даже китаец.

Почти четверть века спустя Андрей Дмитриевич вспоминал в предисловии к сборнику его выступлений «Sakharov speaks» о том периоде: «Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей. В западной печати меня часто называют «отцом водородной бомбы». Эта характеристика очень неточно отражает сложную реальную ситуацию коллективного авторства, о которой я не буду говорить подробно».

О его жизни на «объекте» известно мало. Но вот один из рассказов о том периоде.

Одна проблема, имевшая существенное значение для всей работы, вызывала много споров. На одной из дискуссий Сахаров сидел в углу и что-то писал. Потом сказал: «По-моему, график будет вот такой». Он приблизился к доске и нарисовал, какой, по его мнению, должен быть график. Посыпались вопросы — откуда? почему? Он начал объяснять, но многие сомневались. Тогда решили посчитать эту задачу на ЭВМ. Через месяц работы машина выдала с большой точностью тот самый график, который нарисовал Сахаров.

Еще в 1949 году, по прибытии на «объект» в командировку, Андрея Дмитриевича ознакомили с результатами первого испытания атомной бомбы. Первая советская атомная бомба была взорвана 29 августа 1949 года, а с лета 1950 года Сахаров вместе со своим учителем Игорем Евгеньевичем Таммом начал работу по проблеме управляемой термоядерной реакции для целей промышленной энергетики.

К концу года была сформулирована идея магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы, и вскоре определены параметры установок термоядерного синтеза. Было осуществлено, казалось, невозможное: слияние ядер изотопов водорода с образованием ядер гелия, что сопровождается колоссальным выделением энергии. Это привело к созданию в 1953 году водородной бомбы, в чем мы значительно опередили американцев. На многие годы мир обрел прочное равновесие.

Спустя некоторое время устройство водородной бомбы стало приобретать осязаемый вид. Общее руководство темой, претворением ее в жизнь осуществлялось И. В. Курчатовым, а научным руководителем работ и главным конструктором был Ю. Б. Харитон.

Официально эта поездка на «объект» называлась правительственной командировкой. Она продолжалась 18 лет! За это время молодой ученый вырос от начальника лаборатории КБ 11 до заместителя научного руководителя НИИ.

Принцип действия атомной бомбы прост. В ней три части ядерного горючего (как правило, это уран-235 или плутоний) находятся на некотором расстоянии друг от друга. При срабатывании обычного взрывного устройства части ядерного горючего соединяются вместе, их общая масса становится больше критической, и происходит атомный взрыв.

Атомный взрыв — следствие расщепления атомных ядер. При термоядерной реакции энергия, наоборот, выделяется не при распаде, а при синтезе ядер. Если два атома дейтерия или трития сольются в один, то получится атом гелия, и при этом выделится определенное количество энергии.

Как же заставить ядра водорода соединиться? Для этого необходимо разогнать ядра так, чтобы энергия сближения превысила энергию отталкивания. Чем больше температура, тем больше скорость. Следовательно, чтобы началась термоядерная реакция, необходима высокая температура.

Запалом водородной бомбы служит атомная. Взрываясь, она дает колоссальную температуру, при которой начинается термоядерная реакция.

Принцип конструирования термоядерного оружия был в основном известен. Но на пути его создания стояли многочисленные инженерные трудности. А. Д. Сахаров успешно справился с ними. Но его заслуга не только в этом. Ему принадлежат также теоретические идеи, которые позволили значительно сократить время разработки нового оружия.

Разработка водородного оружия нуждалась в привлечении к этим исследованиям специалистов самого различного профиля. Шли напряженные приготовления к первому испытанию в СССР водородной бомбы. Сахаров никогда не раскаивался в том, что создал водородную бомбу, ибо и эту работу рассматривал он с единственно доступной ему гражданской, человеческой позиции. Он говорил о бомбе: «Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную термоядерную войну». И он оказался прав: ни одна и не решилась! Кстати, собственный вклад в решение этой самой ужасной проблемы XX века он оценивал весьма скромно. Академик Ю. Б. Харитон однозначно утверждает: водородную бомбу сделал Сахаров. Сахаров говорит — коллективная работа.

Первые испытания нашей водородной бомбы успешно прошли в августе 1953 года на Семипалатинском полигоне. В устройстве бомбы осуществлены главные замыслы Сахарова.

Однако это была еще не «полновесная» водородная бомба. В ней еще не были достигнуты высокие показатели сгорания термоядерного горючего. Подлинная водородная бомба была взорвана в 1955 году. Все же наша бомба 1953 года была транспортируемым устройством.

В «объектный» период А. Д. Сахаров выдвинул ряд идей, выходящих за рамки закрытой тематики и составляющих истоки направлений, которые развиваются и сегодня (идея магнитного удержания плазмы в установках по контролируемому термоядерному синтезу). В этот же период он занимался фундаментальными проблемами физики и науки о космосе.

В 1953 году Андрей Дмитриевич Сахаров получил звание Героя Социалистического Труда, Государственную премию СССР и был избран в Академию наук. В 32 года он стал самым молодым академиком за всю историю нашей страны. В характеристике, сопрово-

ждавшей представление к этому высокому званию, три известнейших академика (в будущем все — трижды Герои Социалистического Труда) И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон и Я. Б. Зельдович писали: «Андрей Дмитриевич Сахаров является необычно одаренным физиком-теоретиком и в то же время замечательным изобретателем... За 6 лет А. Д. Сахаров достиг крупнейших результатов, поставивших его на первое место в Советском Союзе и во всем мире в важнейшей области физики.

Начав в 1948 году работу в этой области физики, А. Д. Сахаров выдвинул предложение, наметившее совершенно новые пути решения важнейшей проблемы. Это предложение отличалось смелостью и глубиной... В последующие годы велась напряженная работа по реализации предложения, увенчавшаяся блестящим успехом в 1953 г.».

Далее в отзыве говорилось:

«К разработке были привлечены многие академики и члены-корреспонденты АН СССР. Однако и в этом коллективе на всем протяжении работы Сахаров оставался подлинным научным руководителем проблемы, охватывал всю работу в целом и успешно направлял разработку отдельных тем.

В 1950 и в 1952 годах А. Д. Сахаров начал разработку двух новых предложенных им направлений физики, разрабатываемых в настоящее время большим коллективом ученых и инженеров.

На протяжении последних лет и в ближайшем будущем идеи А. Д. Сахарова определяют пути важнейших частей советской физики.

Избрание А. Д. Сахарова действительным членом Академии наук СССР является лишь справедливым признанием больших заслуг Сахарова перед советской наукой и перед нашей Родиной. Молодость Сахарова, его огромная инициатива и талант позволяют с уверенностью ждать дальнейших больших достижений».

Мучительные размышления терзали ученого: громадные жертвы сталинских репрессий, еще более неисчислимыми могут быть жертвы атомной войны. Сахаров ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях. Разве что-то меняется, если эти жертвы анонимны?! Облучение радиоактивными продуктами ядерных взрывов миллионов людей приводит к поражению молекул ДНК, способствует увеличению врожденных уродств, постепенной мутации организма. Каждый ядерный взрыв означает тысячи безвестных жертв.

Подготовка «настоящей» водородной бомбы к испытанию шла в быстром темпе. Все научные, технические и технологические задания удалось выполнить за полтора года после появления на свет главных концепций, найденных Я. Б. Зельдовичем и А. Д. Сахаровым.

22 ноября 1955 года испытание водородной бомбы завершилось успехом. Окончился период разработки первооснов термоядерного оружия. За воплощение в жизнь этой работы многие ее участники получили высокие награды, Сахаров был удостоен второй звезды Героя Социалистического Труда и совместно с И. В. Курчатовым, Ю. Б. Харитоновым и Я. Б. Зельдовичем — Ленинской премии. Третью звезду Героя академик Сахаров получил за испытание сверхмощной водородной бомбы в 1962 году на полигоне «Новая Земля».

В период создания водородной бомбы А. Д. Сахаров выдвинул два основополагающих предложения в других областях науки. Первое (1950 г.) касается установки для промышленного применения термоядерной энергии, которая сегодня известна под названием «токамак». Другое предложение (1952 г.) — идея магнитной кумуляции, перспективное для получения сверхсильных магнитных полей.

Американцы взорвали свою первую атомную бомбу в середине июля 1945 года, мы — на четыре года позже. Промежуток же между испытаниями водородных бомб сократился до девяти месяцев (США — ноябрь 1952 г., СССР — 12 августа 1953 г.). Американское термоядерное устройство (оно называлось «Майк») было огромных размеров. Его взорвали на атолле Энивиток. Один из западных журналистов писал о нем: «Майк» представлял собой чудовищно большое приспособление, превышающее по своим размерам большой дом». Сила взрыва была большой. Атолла не стало. Но стало ясно, что это не оружие, это не бомба. Наша водородная бомба была настолько компактна, что ее можно было сбрасывать с самолета.

Государству академик А. Д. Сахаров дал оружие колоссальной разрушительной силы, которое позволило стране, претендовавшей на лидерство во всемирном историческом процессе, подкрепить свои притязания громадной военной мощью. Современник самой страшной войны в российской истории — Великой Отечественной — Сахаров в водородной бомбе видел не меч, а щит на будущие времена. Как и Эйнштейн, который призывал американское правительство форсировать создание ядерного оружия против Гитлера, а под конец жизни сказал, что, начни он сызнова свою карьеру, предпочел бы стать кем угодно, хоть водопроводчиком, но не физи-

ком. Андрею Дмитриевичу пришлось увидеть, что может творить государство под прикрытием такого щита. Прозрение было мучительным, но стал он не водопроводчиком, а глашатаем больной совести нашей интеллигенции. Эйнштейна не захотели слушать. Сахарова предали анафеме, протащили сквозь строй клеветнических кампаний, а когда убедились, что во всем громадном арсенале государства нет средств, которые могли бы заставить замолчать непокорного академика, провели чисто уголовную по замыслу и стилю операцию захвата, изоляции и медленного удушения человека, чьим оружием были только мысль, слово и моральный авторитет.

Наследники Сталина, возглавлявшие в то время наше государство, еще раз продемонстрировали стране и миру, что нет таких законов, божеских и человеческих, над которыми они не могли бы надругаться, коль скоро брошен вызов их власти, хотя бы над умами и совестью людей.

Мучало ли его, Сахарова, одного из создателей водородной бомбы, чувство вины перед человечеством? И не это ли чувство питало несгибаемость его в единоборстве с властями? Такое ведь уже случалось: ученый отдает свое изобретение в руки политиков, а потом спохватывается, увидев, сколь безответственны и опасны эти люди. Ничего подобного — был ответ академика. Бомба и правозащитная деятельность у него не связаны.

Для большинства людей Сахаров — физик, «отец» советской водородной бомбы, самого страшного оружия в истории человечества. Несколько лет назад писатель Виктор Астафьев обвинил Сахарова в лицемерии: «Создав оружие, которое сожмет планету, так и не покайся. Такая маленькая хитрость — умереть героем, совершив преступление» (Известия. 1994. 30 апр.).

Покойный Алесь Адамович, наоборот, считал, что общественная деятельность Сахарова и была покаянием.

Создатель оружия массового уничтожения не может не испытывать определенных эмоций: вспомним конструкторов американской атомной бомбы Г. Оппенгеймера, Л. Сциларда, теоретиков А. Эйнштейна и Н. Бора. Сахаров не исключение. Просто он считал, что ситуация, при которой сверхоружие сосредоточено в одних руках, чревата опасностью. В этом утверждении нет ни грамма ксенофобии, а только научный анализ. Он полагал, что при отсутствии ядерного равновесия многократно возрастает опасность возникновения войны. Свою работу над водородной бомбой он рассматривал как средство предотвращения глобальной катастрофы.

Он видел себя в ряду солдат, пришедших с войны, в ряду горожан и крестьян, терпящих страшные лишения для того, чтобы создать ядерный щит. «Чудовищная разрушительная сила, огромные усилия, необходимые для разработки средства, отнимаемые у нищей и голодной, разрушенной войной страны, человеческие жертвы на вредных производствах и в каторжных лагерях принудительного труда — все это эмоционально усиливало чувство трагизма, заставляло думать и работать так, чтобы все жертвы (подразумевавшиеся неизбежными) были не напрасными», — писал А. Д. Сахаров.

Через три десятилетия равновесие страха стало обнаруживать свою неустойчивость, но сначала-то надо было прожить эти три десятилетия. И теперь ученый увидел новый аспект единого исторического процесса: «Термоядерное оружие стало настолько страшным, угрожающим при своем применении всей человеческой цивилизации, что сама идея его кажется нереальной, и тем самым одновременно уменьшается его сдерживающая роль...»

Вместе с тем он признавал в предисловии к сборнику «Sakharov speaks»: «Я наблюдал, что рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по-своему талантливых людей... С конца пятидесятых годов все более отчетливым образом вырисовывалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего «дела».

Как уже упоминалось, в 1969 году (после известного меморандума Сахарова) академик был лишен допуска к секретной работе и «возвращен» в ФИАН, где продолжил заниматься космомикробиологией. В физике у него была уникальная роль теоретика, способного не только объяснить явление, но и предложить реальное, инженерное решение задачи. Так, на Чернобыльскую катастрофу он откликнулся проектом подземной АЭС.

Сахаров обладал очень широким научным кругозором. Он знал, что, подобно Леонардо да Винчи, сам представляет интерес для исследования. Сахаров мог писать и правой, и левой рукой. В университете конспекты лекций он записывал левой рукой, а собственные мысли — правой. Во время докладов Сахаров иногда изумлял физиков, работавших вместе с ним, когда начинал писать на доске одновременно обеими руками; Андрей Дмитриевич писал о гармонии «правого и левого», что выражало его взгляд не только на функции полушарий мозга. Скорость чтения у него была баснословная. Господь, наделив Андрея Дмитриевича многочисленными

талантами, не одарил его способностью популярно объяснять свои соображения публике. Эти же свойства Андрея Дмитриевича отмечают и многие его коллеги по научной работе.

В 1980 году Сахаров опубликовал в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» (ЖЭТФ) три работы: «Космологические модели Вселенной с поворотом «стрелы времени», «Массовая формула для мезонов и барионов» и «Оценка постоянной взаимодействия кварков с глюонным полем». В отчете за 1981 год, poslanном в отдел теоретической физики ФИАН из Горького, он обстоятельно рассказывает суть концепции новой работы, напечатанной потом в ЖЭТФ в 1982 году под названием «Многолистные модели Вселенной».

В начале 1989 года в ФИАНе шли приготовления к выборам Ученого совета института. Была написана лаконичная научная характеристика каждого кандидата, вывешенная для общего обозрения в вестибюле. Была характеристика и Сахарова.

«Кандидат в члены Ученого совета ФИАНа от отдела теоретической физики Сахаров Андрей Дмитриевич, 1921 г. рождения, главный научный сотрудник ФИАНа, академик АН СССР, физик-теоретик с мировым именем, известен своими выдающимися работами в области термоядерного синтеза, теории элементарных частиц и космологии.

Основные результаты и направления исследований А. Д. Сахарова:

- 1) физические идеи и расчеты по созданию термоядерного оружия;
- 2) пионерская идея магнитного удержания плазмы и основополагающие расчеты установок по управляемому термоядерному синтезу;
- 3) идея и расчеты по созданию сверхсильных магнитных полей сжатием магнитного потока сходящейся взрывной волной (магнитная кумуляция);
- 4) работы по квантовой теории поля, теории элементарных частиц, в частности, о мюонном катализе ядерных реакций (совместно с Я. Б. Зельдовичем);
- 5) трактовка гравитации как метрической упругости пространства; гравитация возникает в результате изменения энергии межмолекулярных связей при деформации;
- 6) работы по космологии, особенно о происхождении барионной асимметрии Вселенной.

А. Д. Сахаров известен своей выдающейся общественной деятельностью. Он лауреат Нобелевской премии мира, один из основателей и директоров международного Фонда за выживание и развитие человечества, член президиума АН СССР, член Ученого совета ФИАН, член научных академий США, Франции и многих других стран».

Стоит уточнить, что А. Д. Сахаров — лауреат Нобелевской премии мира 1975 года «За мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства». Сахаров появился в нашей отечественной физике как звезда первой величины. По своим задаткам, по зачину, по результатам он сразу зачислен был в разряд физиков мирового класса.

Представители многих самых различных областей человеческой деятельности считали его своим, как эталон высшей пробы. Физики-плазменщики — основоположником управляемого термоядерного синтеза; физики, изучающие микромир, — первопроходцем, снявшим табу с «бессмертия» протона (важнейшей частицы мироздания); астрофизики и космологи — человеком, дерзнувшим проникнуть в раннюю историю Вселенной. А в споре о том, кому быть наследником великого физика, все они уже вряд ли смогут найти общий язык — столь далеки друг от друга эти области, оказавшиеся подвластными энциклопедическому гению А. Д. Сахарова. Ядерное сдерживание и разоружение; мировая политика и общественные отношения; наконец, практическая общественная и политическая деятельность. Называть итог такого перечисления многогранностью? Нет, это нечто несравненно большее — это многомерность.

Русская идея на рубеже тысячелетия — это не только национальная и национально-государственная, но вместе с тем и вселенская идея спасения человечества, спасения всей жизни на Земле. Потому что к исходу нашего столетия войн и революций, Хиросимы и Чернобыля полное истребление всех людей и всего живого на планете стало реально возможным. Все может произойти стремительно, если начнут взрываться ядерные, химические, биологические бомбы, начнут гореть атомные электростанции...

Все это можно предотвратить при одном условии — если народы и государства (прежде всего державы, владеющие оружием массового уничтожения и средствами, способными преодолеть экологические катастрофы) раз и навсегда установят постоянные, открытые, т. е. доступные гласной проверке связи между властными

структурами, научными учреждениями, предприятиями, общественными организациями и средствами массовой информации.

Предотвратить гибель человечества сегодня еще может единство науки, политики и нравственности.

Это и есть русская, но вместе с тем вселенская идея. Ее впервые высказал Андрей Дмитриевич Сахаров в своем «Меморандуме» летом 1968 года; ею проникнуты все его последующие работы и выступления: в ней суть его духовного завещания. Соединение науки и политики, основанное на неколебимых нравственных законах, — решающее условие оздоровления России, укрепления правовой государственности. Русская идея XXI века возникла не как внезапное озарение. Ее глубокие корни и ранние завязи, явственные в давнем и недавнем прошлом, — в учении Лао-Цзы, в Евангелии, в заветах Будды, в творчестве Дидро, Канта, Гете, Чаадаева, Герцена, Владимира Соловьева, Льва Толстого, в «Пушкинской речи» Достоевского.

Сахаров всегда говорил «не то». В сущности, смысл гения, определение гения в том и состоит, что он — «не то». Не то, что обычное мнение, обычное видение. Способность видеть мир не так, как видят его другие, видеть по-своему, присуща именно великим. Благодаря этому иному взгляду открывается многообразие и объемность мира. Этому нельзя научиться. Для таланта многое значит природная способность плюс умение добросовестно и много работать.

Творчество Андрея Дмитриевича всегда отличалось своеобразием, глубиной, оригинальностью идей. Неважно, о чем шла речь — о термоядерном синтезе, теории элементарных частиц, безопасности ядерной энергетики или о проблемах прав человека, сохранении мира, прогрессе. Он преподавал урок мужества и стойкости, отстаивая свои взгляды, свое мировоззрение.

Академик Сахаров, боровшийся за свободу конкретных людей и целых народов, на самом деле, всю жизнь боролся за свою личную свободу — в самом лучшем, самом высшем смысле этого слова. Он хотел быть лучшим в своей профессии и стал им. Ведь профессионализм — это всегда высшая степень свободы. Он хотел свободно жить в своей стране, а не в эмиграции и добился этой свободы для всей страны.

ПОБОРНИК ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Когда заходит речь об Андрее Дмитриевиче Сахарове, справедливо возникает образ человека-демократа, человека-гуманиста. Нередко его называют знаменем человеческой совести. Он не боялся попросить о чем-то и сам откликнулся на чью-то просьбу, готов был помочь и поддержать при первой необходимости.

Ныне имя академика Сахарова знакомо каждому человеку в нашей стране и многим людям в мире. Знают, что он — видный ученый, «отец» советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной (1953 г.) и Ленинской (1956 г.) премий. Его знают как лауреата Нобелевской премии мира (1975 г.), вице-президента Международной лиги прав человека (с 1976 г.).

Вначале академик Сахаров создавал Оружие Апокалипсиса (и его подчинила мысль, что спасение — в равновесии страха) и лишь в 60-е годы понял: спасение — на путях конвергенции социальных систем, а свой долг он стал видеть в борьбе за то, чтобы общество, которому он отдал свой талант физика, перестало быть закрытым, чтобы уважались права человека, жизнь человека, а тем самым права и жизнь рода человеческого.

Все началось с работы над новым оружием, которое должно было защитить Отечество от военной угрозы. Но уже в тот момент, когда военачальники радовались, наблюдая взрыв 100-мегатонной бомбы на Новой Земле, Сахаров понял: родилось чудовище, применение которого бессмысленно даже в интересах обороны, ибо оно способно погубить все человечество. Об этом он тотчас написал Н. С. Хрущеву.

За свои научные достижения Андрей Дмитриевич Сахаров был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда. Но он совершил и четвертый подвиг — гражданский. Ведь для того, чтобы протестовать против несправедливых действий правительства, необходимо, по меньшей мере, мужество, пожалуй, большее, чем оно требуется на поле боя, когда надо первым встать навстречу плотному огню противника.

С 1961 года академик, обласканный и награжденный всеми высокими правительственными наградами, вступил в схватку с сильными мира сего, требуя прекращения ядерных испытаний. Что двигало этим человеком? Высокое нравственное чувство, в основе которого были знания и интуиция ученого — предчувствие возможной ядерной катастрофы, о которой отечественные и зарубежные ученые, политики и деятели культуры заговорили лишь спустя десятилетия. В дни похорон Сталина Сахаров напишет жене: «... я под впечатлением смерти великого человека». Впрочем, быстро оправившись от утраты, на вопрос, что же теперь будет, ответил: «А ничего, все пойдет по-старому. Сложная система подчиняется своим внутренним законам и сама поддерживает». Двадцать лет спустя он напишет о преступлениях сталинизма и обрушится на «догматы веры» пропаганды, которая проповедовала, что мы впереди всех «на целую историческую эпоху».

Парадокс и в том, что он, принадлежа к наиболее обласканной элите военно-промышленного комплекса тоталитарной системы, затем сполна испытает на себе ее безжалостную удушающую мощь.

Сегодня в моде попрекнуть науку забвением нравственности, что, дескать, и порождает экологические, ядерные стрессы. Корень зла — в отчуждении сознания от морали, которая вершится бездушной машиной административно-командного управления. В такой системе ученый просто лишен всяких прав на нравственную ответственность.

Сахаров раньше других осознал, что ядерное оружие породило возможность «тотального зла», когда за деяния одного человека или группы людей расплачивается человечество, причем самой дорогой ценой — ценой самоуничтожения. Таинственные сверхъестественные силы создал сам человек и тем самым поставил под угрозу созданную многими тысячелетиями хранительную для всего живого на Земле оболочку — биосферу. Именно такое понимание биосферы — хранительницы жизни, оказавшейся под угрозой разрушения, стало тем фактором, который дал толчок формированию глобальной нравственности. Любое посягательство на «священную» оболочку влечет за собой неотвратимое возмездие.

«Передо мной открылась бездна», — говорил академик Сахаров.

К сожалению, история освоения атомной энергии знает немало примеров, когда одни люди делали крупные научные открытия, а совсем другие использовали их по своему усмотрению, так сказать, беря на себя нравственную ответственность за применение отчужденных от исследователя результатов его труда.

Был ли он святым? Или вправду на его душе лежал страшный грех, создание самого разрушительного оружия? Потом сочинили версию — Сахарова, мол, мучило раскаяние, поэтому он и ушел в диссидентство. Известно, что с этой версией сам Андрей Дмитриевич был категорически не согласен. Он не считал свою работу над водородной бомбой ошибкой или преступлением.

«Помогли ли мы, или — точнее — мы вместе с американскими создателями аналогичного оружия ... сохранить мир? Третья мировая война не разразилась... и, быть может, равновесие страха, взаимное ракетно-ядерное устрашение — гарантированное взаимное уважение! — одна из причин тому. Но может быть и не так». И еще. «Моя самая страстная мечта (глубже чего-либо еще) — чтобы это никогда не произошло, чтобы термоядерное оружие сдерживало войну, но никогда не применялось». Последние слова похожи на молитву.

Другие крупные физики, работавшие с Сахаровым, Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон, могли тоже думать, колебаться и т. д. Но все эти чувства оставались для «домашнего пользования». А в остальном любой советский человек был рабом, винтиком, сколько бы золотых звезд к этому винтику ни привешивали. Ночью мучайся, днем работай и держи язык за зубами — вот и все.

Тут и начался конфликт Сахарова с Системой.

Он так описывал свое первое открытое столкновение с Системой. В 1955 году после одного из самых успешных испытаний, где Сахаров был несомненным героем и победителем, там же, на полигоне, состоялся банкет. Сахаров пишет: «Я взял бокал, встал и сказал примерно следующее:

— Я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигоном и никогда — над городами».

Казалось бы — невиннейшие слова.

... «За столом наступило молчание, как будто я произнес нечто неприличное. Все замерли. М. И. Неделин (главный маршал артиллерии, командовавший испытаниями — А. И.) усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал:

— Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой... молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направь я и сама умею!» Давайте выпьем за укрепление».

И дальше:

«Вот он — советский военно-партийно-промышленный комплекс в натуральную величину. С его грубой, наглой, хамской (и богохульной) по форме и беспощадной по существу идеологией, с его верой в силу, только в силу и больше ни во что! И — прочь с дороги — с вашей интеллигентской болтовней! Стопчем! Знай свое место — получил «за укрепление» свою звезду и молчи. Не лезь не в свое дело! Решать («направлять», словами притчи) будут они — те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии. Конечно, понимать я понимал это и раньше. Не настолько я был наивен. Но одно дело — понимать, и другое — ощущать всем своим существом, как реальность жизни и смерти! Я весь сжался, как мне кажется, побледнел (обычно я краснею)... Прошло много лет, а до сих пор у меня ощущение, как от удара хлыстом».

Сахаров для себя ясно понял, что Система будет «направлять» куда захочет то, что он делает, будет «направлять» куда захочет его самого, как уверенно и нагло направляет всех других в этой стране — зеков, академиков, народных артистов, пастухов. Они эту Систему кормят, поят, укрепляют и прославляют, а она их «направляет» куда ей угодно.

И не сразу, по сантиметру, ученый с мировым именем отдирает себя от этой Системы, противопоставляя себя ей. «Вероятно, — признавался он, — это был самый страшный урок на всю мою жизнь: нельзя сидеть на двух стульях!» И он отодвинул свой стул, он пошел на Систему. Систему, которая искренне НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ: чего он бесится, чего ему надо?!

Сознание своей личной ответственности как создателя страшного оружия пронизывает всю общественную деятельность Сахарова. Когда он понял, для кого работал, какого монстра вооружал, то вступил в противоборство с Системой, ибо всегда действовал в строгом соответствии со своими убеждениями.

Сахаров никогда не претендовал на звание «антисоветчика», мысли и действия Андрея Дмитриевича двигались в ином пространстве. Его правильнее назвать «советчиком». Он лелеял надежду, что советская власть способна расформировать себя сама.

Сахаров был «советчиком» и во втором плане. Долгое время он был близок с верхами и привык с ними говорить. От этой привычки он не отказался и в тот период, когда его всенародно объявили врагом № 1 советской власти. Он упрямо продолжал давать советы тем, кто стоял у руля, и не его вина, а беда страны в том, что его не желали слушать.

Сахаров пишет в своих мемуарах, что главным для него было «внутреннее убеждение, что эта работа необходима».

«Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война — тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне — но чувствовал себя солдатом этой, научно-технической. (...) Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т. п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом».

Он не был экстремистом. И даже максималистом. Похоже, что он не накручивал себя, а умирал. Он согласен был на последний минимум, при котором мог считать себя порядочным человеком.

Другое дело — что государство заставляло его платить и за этот минимум по сверхмаксимальной таксе. И он — расплачивался. Не только за свою порядочность, но и за наш общий конформизм. А если точнее — трусость.

Вот пример его лояльности. Его чуть ли не больше всего упрекали в возможной (потенциальной!) выдаче секретов. А он писал: «Я считаю себя пожизненно связанным обязательством сохранения государственной тайны, добровольно принятым мною в 1948 году, как бы ни изменялась моя судьба».

Здесь особенно выразителен конец предложения; свои действия он ни в коей мере не обуславливает благородством своих оппонентов. Проще сказать, не торгуется с насильниками.

Между тем он знал, что такое эта самая секретность. «... Мой сотрудник послал на листке задание в Институт прикладной математики, в котором для нас проводились численные расчеты. По-видимому, машинистка института сожгла этот листок (после использования), не зарегистрировав его. Для расследования ЧП... из министерства приехал начальник секретного отдела — человек, вызывавший у меня физический ужас уже своей внешностью, остановившимся взглядом из-под нависших век; в прошлом он был начальником Ленинградского управления ГВ в момент так называемого «Ленинградского дела» (в 1948 г. — А. И.), когда там было расстреляно около 700 высших руководителей. Он говорил почти час с начальником секретного отдела института (содержание их разговора осталось неизвестным), дело было в субботу. Воскресенье институтский начальник провел с семьей, с детьми, говорят,

был весел и очень ласков. В понедельник он пришел на работу за 15 минут до начала работы и раньше, чем пришли его сотрудники, застрелился».

Есть имена — символы. В них отчеканивают себя воля истории, подвиги духа, необоримая нравственная сила. Мы свидетели того, как до высокого символа интеллигента выросла фигура академика А. Д. Сахарова. А ведь еще звучит в ушах: «Не слишком ли много он берет на себя?» (*Аплодисменты*). Это из стенограммы I Съезда народных депутатов СССР. А может, это и есть главное в интеллигенте — «берет на себя»? Извечный крест невольника совести. Свойства, изначально отличающие его от того, кто с узколобой настырностью «гребет под себя».

Десятилетиями мужественный поборник прав человека, ученый с мировым именем был окружен в родном Отечестве стеной вражды и недоверия. Да и теперь имя Сахарова, уже внесенное в демократические «святцы», не перестало быть красной тряпкой для тех, кто хотел бы идти вперед с лицом, повернутым назад.

Мудрость, богатый опыт жизни подсказали ученому вещи слова: «Единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру». Диссидентство — открытое правовое и нравственное противостояние режиму. Все диссидентское движение зародилось в среде научной интеллигенции, начавшись с писем великого русского ученого П. Л. Капицы правительству. Во все время существования этого движения ученые играли в нем самую активную, определяющую роль. Вспомним А. Д. Сахарова и его роль в движении диссидентов-демократов первой волны. Он очень активно участвовал во всех кампаниях по защите прав человека начала 70-х годов и, в частности, очень много сделал для освобождения Жореса Медведева, которого пытались, подобно Григоренко, заточить в психиатрическую больницу. Вместе с Валерием Чалидзе Сахаров создал небольшой комитет прав человека. Это была уже организация, и власти сделали все возможное, чтобы прекратить ее деятельность. Чалидзе под давлением был вынужден выехать за границу, его лишили советского гражданства. Он стал издавать в США небольшой правозащитный журнал «СССР. Внутренние противоречия».

Диссиденты не делали политику. И они не были настолько наивны, чтобы подумать, что могут делать политику. Но они своим общественным поведением утверждали нравственный и политиче-

ский идеал. Это был странный «хеппенинг», за который отправляли в лагерь. Принято считать, что коллеги-ученые были вынуждены благословить преследования Сахарова. Это не так. Большинство, если не сказать абсолютное большинство, подписывалось под письмами-приговорами Сахарову вполне по убеждению. Сахаров раздражал их. Он нарушал их душевный комфорт, обретаемый по мере движения карьеры... Коллеги-академики сдали Сахарова — и об этом забывать не следует.

Да, разный это народ — интеллигенция. Есть, есть тут светлые умы, оговоренные вековой культурой, настоящие аристократы духа. Но это порода реликтовая. Куда многочисленнее и жизнеспособнее те, кого неуступчивое солженицынское перо окрестило «образованщиной». Скорохваты культуры. Сырой плод недолгой науки. Без корней в глубинах народной нравственности. Вот и не устареет вопрос об интеллигентности интеллигента. Не по этой ли причине и сегодняшнее «бунтарство» — что в искусстве, что в публицистике — часто отдает вчерашним холопством? Нет в нем настоящего человеческого, профессионального достоинства, выстраданной высоты гуманистической мысли.

А вообще с интеллигентностью сегодня — как с шагреновой кожей: истаивает буквально на глазах. Время приравнивает ее к прочим дефицитам. Где, скажите, в каком кругу вы могли бы поговорить, к примеру, о хороших манерах, учтивости и прочих старомодностях? С ученой братией? С писателями? Разговор, что называется, не по погоде.

Совсем недавно в нашей стране имя Андрея Дмитриевича Сахарова произносили с опаской либо с откровенной злобой, в лучшем случае с недоумением. Устраивались постыдные кампании против ученого. С его осуждением выступали почти все академики. Некоторые временно исчезали из своих квартир, чтобы избежать необходимости выбора. Как не вспомнить, что в худшие сталинские времена, когда за протест можно было отправиться на тот свет, нашлось не так уж мало биологов, которые не отреклись от генетиков, П. Л. Капица и В. И. Вернадский вступались за арестованных. И уж совсем грустно сравнивать поведение наших академиков в этом деле с поведением профессоров Московского университета в 1911 году (при столыпинщине), подавляющая часть которых ушла из университета в знак солидарности с преследуемыми коллегами.

Когда какой-нибудь Герой Социалистического Труда, «знатный сталевар», подписывал письмо, заготовленное для него в пар-

тийной «инстанции», каждый понимал, что фигура эта дутая. Сегодня о нем газеты пишут, а завтра он начальству не угодит, и его славу будто «корова языком слизнет». И уже недавнему «герою» до алкаша дорога короткая. С академиками дело другое. Ни научных заслуг, ни звания академического, ни ежемесячных «поощрений» не отнимали так просто. Академическое звание — это щит, и при этом достаточно надежный. Поэтому, глядя на список «подписантов» письма против Сахарова, где говорилось, что он «уже и не ученый даже», только удивляться можно было. Оказались в том списке люди с громкой и вполне заслуженной славой, как же им не стыдно было такое письмо подписывать? Наверное, кое-кому неприятно было, черня Сахарова, пачкать свое собственное имя, но не все устояли, даже далеко не все. Так, например, позвонили одному академику, нобелевскому лауреату, и попросили в партийный комитет зайти, письмо по поводу Сахарова подписать. Попытался академик от грязного дела ускользнуть:

— Мне некогда, через пять минут я уезжаю в Шереметьево. Я в Мюнхен улетаю.

— Вы не волнуйтесь, мы через три минуты к Вам на машине подъедем.

Но не со всеми все гладко шло. Когда о том же самом попросили академика АН СССР, лауреата Государственной и Ленинской премий в области науки Бруно Понтекорво, тот сделал удивленное лицо:

— Андрей Дмитриевич Сахаров? Что же он такое натворил? По-моему, он даже очень приличный человек. На следующей неделе я в Москве буду, поговорю с ним...

П. Л. Капица с большим пониманием и симпатией относился к жизненной позиции и деятельности А. Д. Сахарова. Как свидетельствует Ю. П. Любимов, когда между ними был разговор о том, как разрядить обстановку вокруг Сахарова, Петр Леонидович сказал: «Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич стал...»

Будущего историка, конечно, развлекут открытые ложные доносы-письма в центральные газеты, в которых соревновались друг с другом академики (сорок человек), члены ВАСХНИЛ (тридцать три), писатели (тридцать один), кинематографисты (двадцать восемь), художники (двадцать один), члены Академии художеств (двадцать один), ученые Сибирского отделения АН (двадцать),

музыканты (семь) — все сплоченно и гневно высказывались против Сахарова (все письма были опубликованы за короткий промежуток времени: с 29 августа по 8 сентября 1973 года).

Приведенный список далек от полноты, ибо большое количество писем пришло от отдельных лиц, вероятно, озабоченных тем, что их обошли разрядки.

Никто из них, в том числе высокие правители, не читал написанное Сахаровым и не пытался его понять. А поводом антисахаровской кампании стало интервью, данное Андреем Дмитриевичем корреспонденту шведского радио Улле Стенхольму и напечатанное на Западе.

Сигнал к кампании дала «Правда», опубликовавшая 29 августа 1973 года «Письмо членов Академии наук СССР». Стоит привести его:

«Считаем необходимым довести до широкой общественности свое отношение к поведению академика А. Д. Сахарова. В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза за разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А. Д. Сахарова в корне чужда советским ученым. Она выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решении грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укреплении мира и международной обстановки.

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями».

Под письмом стояло сорок академических подписей. Все последующие письма, напечатанные в газетах, ссылались на это первое письмо. Осуждалось нечто неведомое.

Писатели:

«Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма».

Деятели кино:

«Мы, советские кинематографисты, ознакомившись с письмом группы академиков, опубликованным в газете «Правда», полностью присоединяемся к их оценке недостойного поведения А. Д. Сахарова».

Академики-художники:

«Мы, члены Академии художеств СССР, целиком поддерживаем протест членов Академии наук СССР, опубликованный в газете «Правда», и решительно осуждаем клеветнические заявления академика Сахарова».

Композиторы:

«Ознакомившись с письмом членов Академии наук СССР, опубликованным в газете «Правда» 29 августа, мы, советские композиторы и музыканты, целиком присоединяемся к их оценке деятельности А. Д. Сахарова».

Одновременно печатались письма рядовых читателей:

«Мы, доменчики Магнитки... Коллектив нашей бригады с возмущением узнал о поведении академика Сахарова...» «Я и мои товарищи по труду прочитали письмо выдающихся советских ученых-академиков по поводу недостойных действий академика Сахарова...»

Заголовки писем: «Отповедь клеветнику», «Недостойно звания ученого», «Грязная попытка», «Такое поведение — предательство», «Заодно с врагами»...

В условиях советской демократии, как она трактовалась, большинство советских людей не могли позволить себе поступков «не по сценарию», так как они расценивались бы партийными органами как антисоветские. Мы вынуждены были жить по установленным правилам: никаких сомнений, никаких колебаний. Шаг

вправо — шаг влево из строя — предательство. Колебания разрешались, но только «вместе с линией партии».

Часть общества, преимущественно гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, в 70–80-х годах была шокирована письмами, обличающими академика А. Д. Сахарова в антисоветском поведении, предательстве национальных интересов. Появились даже странные термины: «подписанты» и «неподписанты», которыми называли людей, подписавших или не подписавших то или иное письмо.

Всю эту волну протестов вызвало интервью, в котором ученый связал международную разрядку с необходимостью демократизации порядков в самом Советском Союзе.

Но Сахаров не ожесточился и не озлобился. У него вообще не было этих чувств.

В предисловии к книге Владимира Войновича «Нулевое решение» приводится письмо, отправленное в январе 1980 года в газету «Известия». В. Войнович писал: «Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, героев социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова».

Письмо, естественно, не было напечатано. Но ответ на него В. Войнович получил. К нему явился человек, который представился работником райкома, и сказал: «Я уполномочен Вам заявить, что терпение Советской власти и народа исчерпано, и если Вы не измените ситуацию, то Ваша жизнь здесь станет невыносимой».

К этому времени жизнь Войновича уже была невыносимой, да и терпение его тоже было исчерпано.

Он сказал: «Если Вы настаиваете на моем отъезде, я уеду, но добиваться этого не буду». И высказал свое весьма скромное пожелание о беспрепятственном вывозе своей библиотеки и архива. Оно было принято...

В эпоху безгласия и застоя А. Д. Сахаров, наделенный развитым чувством социальной справедливости и нравственного долга, не только решился сказать громко всю правду о нашем нездоровом обществе, напугав правящую элиту. Ученый с необычайной добросовестностью и мужеством изобразил полотно очень сомнительного и сопряженного с риском завтрашнего дня, определив главное неизвестное в прогнозах — вероятность смерти всемирной культу-

ры в огне термоядерной войны либо в итоге изнурения ее в «малых» войнах, межнациональных конфликтах, в политическом авантюризме. Основополагающим в его работах становится представление о единстве человечества — поверх разделивших его лагерей и национальных границ.

— Скажи, — спросил его как-то И. С. Шкловский, — ты согласишься, что можешь чего-нибудь добиться своей общественной деятельностью в этой стране?

— Нет, — ответил он, не раздумывая.

— Так почему же ты так ведешь себя?

— Иначе не могу, — отрезал он.

«Вообще, — замечает Шкловский, — сочетание несгибаемой твердости и какой-то детской непосредственности, доброты и даже наивности — отличительные черты его характера».

У каждого есть дело его жизни, и общая наша жизнь в немалой мере зависит от того, как управляться с этим делом. Моральный авторитет академика А. Д. Сахарова не в последнюю очередь определялся его авторитетом великого ученого. Его верностью самому себе в науке ли, в общественной ли жизни. Его равнодушием к славе и бытовым благам. То есть именно к тому, что движет многими нынешними кандидатами в любимцы публики...

Это был тяжелый период для советских людей. Уж больно много олухов царя небесного, олухов Системы воспитала наша действительность. Если одни олухи своей ленью, глупостью, тупостью тормозили, где могли, хотя и старались вовсю, то другие лезли вон из кожи, стараясь не за страх, а за совесть, веря во все идеалы, какие только взбрехали в головы лучших (но, может, не самых умных) представителей многострадального, наивного и высокомерного человечества. Они верили во все добродетели — в доброту, в красоту, в справедливость, разумеется, верили лозунгу «свобода, равенство, братство», хотя уже начинали догадываться, что это липа. Верили в «возможность победы в отдельно взятой стране», верили, что «это есть наш последний и решительный бой», что «человек человеку друг, товарищ и брат», что «советский человек — самый передовой человек современной эпохи». Верили, что «высшим принципом поведения советского человека является патриотическое служение Родине, готовность отдать свои силы делу процветания советского отечества», что «необходима острая, беспощадная борьба с низкопоклонством перед иностранщиной, против всяких проявлений буржуазного космополитизма — этого

отравленного оружия международной реакции». Во все это они верили, и вера их была крепка и непоколебима.

Сахаров выступил в поддержку конвергенции — схождения в будущем разных мировых систем с сохранением их достоинств. Как бы ни клеймили его за эту поддержку предателем, скорее, это был патриотизм. Увы, романтический. История редко одобряет романтизм. И сегодня не так-то просто сообразить, что, собственно, должны мы принести к точке схождения.

В разгар «пражской весны» 1968 года в Чехословакии А. Д. Сахаров написал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эта работа получила широкий резонанс во всем мире.

Крамолой было уже то, что она пошла «самиздатом», ее стали широко издавать за границей. Терпение властей кончилось. Сахарова отстранили от секретных работ. Это не остановило его. Процесс продолжался и в конце концов закончился в 1980 году ссылкой в Горький.

Из «отца» водородной бомбы он стал «диверсантом», «предателем», «провокатором», «отщепенцем», «антисоветчиком». В чем только его не обвиняли, какую только брань не вешали на него.

Исходной точкой политических поисков ученого стало понимание смертельной угрозы человечеству, таившейся в ядерном оружии и противостоянии двух мировых систем. Осуществимость идеи сберечь цивилизацию и саму жизнь на планете он видел в «глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменениях в направлении сближения капиталистической и социалистической систем (конвергенция), в открытости общества, в достижении большего равновесия всех рас и народов не только в юридическом, но и в экономическом, культурном и социальном отношении». «Разрядка и сближение социалистической и капиталистической систем при их демократизации, демилитаризации в условиях социального и научно-технического прогресса — вот альтернатива гибели человечества», — утверждал Сахаров.

Работы его в те годы отторгались нашим обществом, в первую очередь, правящим аппаратом. Сегодня можно только удивляться широте его общественных интересов и прозорливости предвидений и предложений.

Вот лишь некоторые из них в области международной политики.

В начале 80-х годов Сахаров сформулировал развернутую программу разоружения, в том числе ядерного, которая могла бы базироваться, по его мнению, на гораздо большей, чем была

достигнута к тому времени, степени международного доверия и открытости общества. Она включала соглашение по ракетам средней и малой дальности и 50-процентное взаимное сокращение межконтинентального стратегического ядерного оружия США и СССР, а также взаимную информацию и контроль над новыми военно-техническими разработками.

Сахаров был правозащитником, потому что считал соблюдение прав человека не только самостоятельной моральной ценностью, но и непременным условием разрешения кардинально важных для общества проблем.

До Сахарова только один человек столь смело связал между собой вопросы, ранее традиционно относимые к международной политике, с проблемой, относящейся к сфере прав человека. Это был великий физик XX столетия Нильс Бор, который в 1950 году обратился в ООН с письмом о необходимости установления нового мирового порядка, «открытого мира», в котором всем будет гарантирован свободный доступ к информации. Вслед за Бором с аналогичным призывом выступили А. Эйнштейн, Б. Рассел и несколько других ученых. Как Бор, так и Эйнштейн с Расселом, обосновывая свои идеи, ссылались только на необходимость предотвращения ядерной войны. Через 18 лет их русский коллега развил и дополнил их аргументацию.

Сахаров выдвинул конкретные предложения о том, как эту задачу можно решить. Это очень простые предложения. Что касается СССР, то они сводятся к прекращению преследования инакомыслящих, широкой амнистии для политических заключенных, отмене цензуры, смягчению государственной монополии на экономическую деятельность, более сбалансированной и менее агрессивной внешней политике, большей открытости, интенсификации переговоров по разоружению на взаимной основе.

Установление равновесия обычных вооружений и изменение их структуры. Создание в Европе свободного от какого-либо оружия коридора шириной в 150–200 км, разделяющего вооруженные силы НАТО и стран Варшавского договора.

Сокращение в СССР в одностороннем порядке вдвое срока службы в армии и численности вооруженных сил с одновременным сокращением в той же пропорции всех видов вооружений.

Разрядку в военной, экономической и технологической областях ученый предлагал дополнить разрядкой идеологической, под которой подразумевал «отказ от идеологической конфронтации, свободный обмен людьми и информацией, соблюдение прав челове-

ка, открытую международную защиту прав человека во всех случаях их нарушения в сопоставлении с общепринятыми международными принципами».

Сегодня мы ищем ответы на вопросы: куда идем, какое общество строим? Вот как еще во времена застоя отвечал на них А. Д. Сахаров, обращаясь с «Памятной запиской» к Л. И. Брежневу: «Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания:

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам); соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан».

В «Памятной записке» 1971 года Сахаров поднимает вопрос о гласности, о законе, обеспечивающем беспрепятственное право на выезд за границу и возвращение. Он разбирает проблему прав человека. Он бесстрашно вскрывает психологию высшего слоя партийно-государственного аппарата, который цепко держится за свои явные и тайные привилегии. Он выдвигает конкретные меры для духовного оздоровления страны. Почти все предложения Сахарова вошли, спустя пятнадцать с лишним лет, в программу перестройки, стали или становятся реальностью.

А. Д. Сахаров выстоял в своем противоборстве с тоталитарным государством. В неприязненно настроенном к нему обществе, пред которым он был оклеветан, Сахаров продолжал отстаивать интересы сограждан, учил сознавать свое человеческое достоинство.

Физики иногда говорят об изменении как о «степени свободы». В применении к А. Д. Сахарову трудно найти более адекватное определение. Из трех основополагающих лозунгов, выдвинутых энциклопедистами-просветителями и затем провозглашенных Великой французской революцией, — свобода, равенство, братство, мы делали упор на втором (в смысле «уравниловки», как на оруэловском скотном дворе). За первый, который теперь, как желанный гость, пришел с перестройкой, демократизацией и гласностью, Сахаров вступил в неравное единоборство с теми, чью внутреннюю и внешнюю политику мы верноподданнически одобряли в эпоху застоя. Он боролся не просто за абстрактную свободу для всех, но и для каждого в отдельности. И несчетное количество раз поименно, не отказывая никому, кто бы ни обратился. Третий лозунг — братство — мы принимали давно и бесповоротно реализованным в рамках сталинской национальной политики. То же, что касается крымских татар и некоторых других выселенных народов, стыдливо считали исключением, «мелкими» необратимыми издержками исторического процесса. Но для А. Д. Сахарова и здесь не было исключений. Защита законных прав этих народов стала вторым фронтом его борьбы с застоем.

Многие, и справедливо, ищут и находят истоки нового мышления и перестройки в выступлениях, статьях, мыслях Сахарова. Не из нравственного ли поединка Сахарова и Системы, из его победы и ее поражения родился важнейший постулат перестройки? Соединение политики и нравственности. Как в делах международных, так и внутренних. Сахаров глядел на мир с иной вышины, чем большая часть его обитателей. И все страсти и кажущиеся антагонистическими противоречия — социальные, классовые, идеологические, национальные, религиозные, личные — вмещались для него в причудливое полотно картины мира, важнейшие очертания которого формировались общечеловеческой заинтересованностью, требованиями спасти, совершенствовать, человечностью нашей цивилизации, надобностями и надеждами человека.

Он был деликатен и совершенно негибким. И не то чтобы не допускал компромисса, только этот компромисс он заранее учитывал в предлагаемом им решении. А те, кто не хотел вступать в диалог с Сахаровым, полагали, что у него можно что-то выторговать. Торг как форма политического общения был совершенно неприемлем для Андрея Дмитриевича. Его совершенно невозможно было приспособить ни для пропаганды, ни для контрпропаганды.

Проблема прав человека имела для него не только нравственное значение. Это был практический вопрос международного доверия и безопасности. Мир, прогресс, права человека как три неразрывно связанные цели — таков лейтмотив многих его докладов. В его нобелевской лекции, которую зачитывала на церемонии вручения премии Е. Г. Боннэр, перечислены имена 126 известных ему «узников совести» в наших тюрьмах и принесены извинения тем, имена которых он не смог назвать.

Мы жили в королевстве кривых зеркал, в мире абсурда, где А. Д. Сахаров — всемирно знаменитый физик, приколов к пиджаку все три золотые звезды Героя Социалистического Труда, часами выстаивал в кучке диссидентов перед дверями очередного суда, где шел «открытый» процесс, на который его не пускали.

В декабре 1986 года в упомянутом уже выше разговоре по телефону с М. С. Горбачевым, который явился финалом горьковской ссылки академика и распахнул перед ним возможность вновь начать активную научную и общественную деятельность, Андрей Дмитриевич связал свое возвращение с освобождением всех политзаключенных. После возвращения Сахарова в Москву его маленькая и скромная квартира в доме на улице Чкалова всегда была открыта для тех, кто нуждался в защите и поддержке.

В кинофильме «Доживем до понедельника» учитель Мельников утверждал, что главным даром человека является способность ощущать чужое страдание более остро, чем свое. Этот дар делает человека Человеком. Мы радуемся возрождению и возвращению изначального смысла таких понятий, как милосердие, совесть, правда, покаяние. Давайте вспомним и такое слово, как великодушие. В этом слове заключено очень много прекрасных человеческих чувств и качеств. Одно из них — умение прощать.

Сахаров ратовал за интеллектуальную свободу, за прекращение гонений за убеждения, он верил, что для «духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования».

В прямую полемику вступать с ним избегали, пытались пренебрежительно высмеять — куда, мол, суется этот физик, что он понимает, он невежда, профан в политике и т. п. Но Сахаров не умолкал. Это, конечно, было нестерпимо. Тем более что мировая общественность жадно прислушивалась к одинокому спокойному голосу этого человека.

«Что касается Советского Союза, то реформы, которые собираются осуществить цезарь Сахаров, добравшись до власти, означают по существу установление капиталистических порядков: «Частичная денационализация всех видов деятельности, может быть, исключая тяжелую промышленность, главные виды транспорта и связи... Частичная деколлективизация... Ограничение монополии внешней торговли...» — писал Н. Яковлев в своей книге «ЦРУ против СССР».

Пускались на примитивные, низменные способы: «...много денег получает, жена сионистка, и вообще он связан с сионистами, может, он их агент».

Он был настоящим пророком, пророком в древнем, исконном смысле этого слова, то есть человеком, призывавшим своих современников к нравственному обновлению ради будущего. И, как всякий пророк, он не был понят и был изгнан из своего города...

Сегодня уровень реальной обеспеченности прав человека вызывает озабоченность, и еще больше вызывает тревогу будущее этих прав. Их атакуют с разных сторон:

вышедшие на политическую авансцену ультранационалисты и откровенные фашисты, чья идеология принципиально несовместима ни со свободой, ни с демократией, ни с правами человека;

своекорыстное и коррумпированное чиновничество, которое понимает, что верховенство права неизбежно лишит его рычагов власти и источников обогащения;

так называемые прагматики — государственные мужи на всех уровнях, искренне, быть может, полагающие, что права человека — это бирюльки, пустой лозунг, вовсе не имеющий отношения к реальным нуждам страны.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

В марте 1989 года Андрей Дмитриевич Сахаров, вернувшийся в декабре 1986 года из горьковской ссылки в Москву, был избран народным депутатом СССР. Меньше года, как оказалось, было отведено Сахарову на то, чтобы напрямую обращаться к народу, который раньше знал его, в основном, в изображении пропаганды как нового «врага народа», вскормленного на народные деньги и спекулирующего на безупречном гуманизме советского общества. Только малая часть населения страны имела представление о подлинном Сахарове — мыслителе высокого уровня, гражданине мира и человеке большого личного мужества.

Образ Сахарова-политика, запечатлевшийся в массовом сознании, — это образ пожилого, не очень здорового человека, зачитывающего с трибуны съезда под несмолкающий протестующий рев зала маленький, на страничку, документ — «Декрет о власти». Ключевым пунктом этого документа было, как известно, требование отмены шестой статьи конституции, провозглашавшей КПСС «основной руководящей и направляющей силой нашего общества».

Сахаров никогда не был творцом глобальных теорий (как Эйнштейн, Бор, Ландау). Но он обладал потрясающей силы конструктивным умом, способным найти по-детски простое решение, казалось бы, неимоверно сложной задачи. Именно это уникальное свойство сахаровского ума принесло ему славу создателя водородной бомбы. И именно это свойство он в полной мере реализовал в правозащитной деятельности и в политике.

Выборы 1989 года, точнее, их итоги свидетельствовали о начавшемся трудном, непростом пути нашего общества к демократическому парламентаризму. Правда, партийно-государственному истеблишменту удалось удержать свои позиции. Однако тот факт, что оказались «прокатанными» первые лица среди руководителей элиты в Москве, Ленинграде, Киеве и в ряде других городов, говорил о большом сдвиге в настроении значительной части населения. Так получилось и с избранием в высший законодательный орган страны А. Д. Сахарова, которого официальная пропаганда, как мы знаем, в течение многих лет стремилась изображать «врагом народа».

В этой связи показательна острая предвыборная борьба вокруг кандидатуры ученого, развернувшаяся в стенах Академии наук СССР и за ее пределами.

Не доверяя окружным избирательным комиссиям, которые должны были отсеять ненадежных кандидатов еще до выборов, власти решили подстраховаться и зарезервировали треть мест на съезде за абсолютно надежными организациями, такими как КПСС, профсоюзы, ветераны и т. д. В их число попала и АН СССР, которой было выделено 25 мандатов (от 5 из них АН отказалась).

Избирательный закон предоставлял право выдвижения кандидатов в депутаты высшему органу общественной организации (в данном случае президиум АН СССР решил, что это именно он) с учетом мнения членов этой организации. Закон, однако, умолчал, как именно надо учитывать это самое мнение. В институтах прошли собрания, на которых предлагали выдвинуть кандидатуры А. Д. Сахарова (55 институтов), Р. З. Сагдеева (24), Д. С. Лихачева (19) и т. д. Но расширенный пленум президиума Академии наук, обсуждавший вопрос о выдвижении, оставил без внимания общественное мнение и не пропустил ни А. Д. Сахарова, ни других кандидатов, которые шли с ним в одной связке.

До этого момента многие ученые были равнодушны к предстоящим выборам, оставаясь как бы сторонними наблюдателями по отношению к ставшим ординарными такого рода государственным делам.

И вдруг скандал, и какой... Общественное мнение не стерпело, что с ним не считались. Уже 19 января в Физическом институте АН СССР, где работал Сахаров, состоялось собрание коллектива научных сотрудников института, на котором присутствовало более восьмисот человек. Собрание единогласно приняло резолюцию, требующую немедленной отмены решения президиума АН СССР, и одновременно выдвинуло Сахарова кандидатом в народные депутаты СССР по Октябрьскому территориальному округу Москвы. На этом же собрании и на параллельно проходившем аналогичном собрании в Институте химической физики АН СССР впервые прозвучало слово «митинг». Сотрудники институтов выступили с резолюциями протеста против решения пленума.

В Москве перед зданием президиума АН СССР состоялся митинг ученых, принявший обращение к двадцати трем кандидатам, которые прошли выдвижение, чтобы они подумали, в какое ложное положение они попали, и сняли свои кандидатуры. В обращении к двадцати трем говорилось, что снятие кандидатур может

оказаться для каждого из них более важным политическим поступком, чем все, что они могут сделать в качестве депутатов. В митинге приняли участие по разным оценкам от трех до шести тысяч научных сотрудников, или от 10 до 20 % всего кадрового состава академических институтов, расположенных в Москве и Московской области. Это был фактически первый крупный политический митинг в СССР за все время его существования.

Перед митингом группа его организаторов посетила президента АН СССР академика Г. И. Марчука, который отказался выйти к митингующим. Осмелился выйти к ним только академик В. Н. Кудрявцев. Он солидаризировался с толпой, заявив, что, например, лозунг «Вся власть — ученым советам!», который он видел перед собой, вполне для него приемлем.

Когда стало известно, что президиум Академии наук не пропустил академика Сахарова в кандидаты от Академии, его стали выдвигать, не спрашивая на это его согласия, по разным территориальным и национальным округам страны. Решение президиума Академии наук сильно взбудоражило общественное мнение и подняло людей на избирательную кампанию. Сразу после митинга перед Сахаровым встал вопрос, давать ли согласие баллотироваться по территориальному избирательному округу, где ему уже была создана «зеленая улица», или продолжать почти бесперспективную борьбу за избрание народным депутатом от Академии наук СССР. И Сахаров принял поразившее всех его близких и коллег решение: баллотироваться от АН СССР, где, напомним, он еще даже не был выдвинут.

В те дни Андрей Дмитриевич Сахаров выступил с заявлением, в котором высказал свое отношение к происходящему. Вот текст этого заявления:

«18 января на расширенном пленуме президиума Академии наук СССР были отвергнуты выдвинутые научными коллективами Академии кандидаты на выборы и на Съезд народных депутатов СССР, в том числе и поддержанные многими научными институтами. Тем самым пленум продемонстрировал свою неспособность учесть мнение научных сотрудников Академии и по существу противопоставил себя им. Среди отвергнутых кандидатур была и моя кандидатура, поддержанная более чем 55 институтами.

В последующие недели моя кандидатура была выдвинута на собраниях трудовых коллективов и жителей во многих территориальных и национально-территориальных округах.

2 февраля состоялся беспрецедентный митинг научных сотрудников Академии, осудивший позорные решения пленума и призвавший к бойкоту предстоящих выборов, превратившихся в фарс, и к радикальной демократизации руководства Академии в соответствии с требованиями перестройки. Митинг проходил с огромным подъемом, в волнующей атмосфере душевного раскрепощения. Мне кажется, он может явиться началом нового этапа в истории Академии и науки нашей страны в целом.

Я чувствую себя неразрывно связанным с Академией, членом которой являюсь 35 лет. Я пришел к выводу, что должен быть кандидатом именно Академии на новых выборах или не быть им вовсе. Поэтому я принимаю решение не баллотироваться нигде, кроме Академии наук СССР, отзывая свое согласие баллотироваться из всех территориальных и национально-территориальных округов, в которых я выдвинут. Я глубоко благодарен всем выдвинувшим меня коллективам и гражданам за доверие и приложу все усилия, чтобы его оправдать, независимо от того, буду ли я депутатом или нет. Я прошу всех оказавших мне доверие понять мотивы моего решения, направленного на поддержку воли научных сотрудников Академии. Я призываю всех, кто собирался голосовать за меня, отдать свои голоса искренним и последовательным сторонникам перестройки, доказавшим на деле, а не на словах, участие в этом трудном и новом для нас деле.

А. Сахаров».

Мотивы этого решения Андрея Дмитриевича поняли его избиратели. Научная общественность поддержала его принципиальную позицию. Не считаться с мнением масс стало фактически невозможно...

Зал Московского университета был заполнен до отказа. Обстановка накалена. Эпилог острейшей избирательной борьбы в Академии наук, в ходе которой демократическим силам удалось наконец выдвинуть своих кандидатов. Первый среди них — А. Д. Сахаров. О нем говорили много: выдающийся ученый, известный во всем мире борец за права человека, автор оригинальных работ по проблемам мировой политики.

На трибуну вышел академик С. В. Вонсовский: «Сахаров — это наша честь, наша совесть, наша гордость. А сам я должен перед Андреем Дмитриевичем повиниться, потому что я совершил очень плохой поступок. Я подписался под письмом президиума (1973 г. — А. И.), которое я внутри-то души не одобрял. И особенно это для меня позорно, потому что я в 37-м году не дрогнул, когда

моего учителя и друга арестовали, и он погиб в Колымских лагерях. А тут вот дрогнул. И приношу глубокие извинения перед Андреем Дмитриевичем». В зале воцарилось молчание, потом шквал аплодисментов, как очищающая гроза, как выражение всеобщего покаяния.

Выборная конференция в АН СССР проходила в спорах, которые продолжались до глубокой ночи, и была прервана в 0 часов 21 марта (избирательный закон запрещал агитацию в день выборов). На следующий день после голосования стало известно, что 12 мандатов остались свободными. Академии предстояли повторные выборы.

Эта победа имела по крайней мере три крупных следствия.

Произвол администрации столкнулся с организованным отпором, и администрация вынуждена была отступить, что повлияло на дальнейший ход всей избирательной кампании, в том числе и в территориальных округах.

В системе АН СССР были созданы организационные структуры, сыгравшие затем большую роль в выборах народных депутатов РСФСР и Моссовета, в оформлении движения «Демократическая Россия», в возникновении первой парламентской оппозиции в СССР — Межрегиональной депутатской группы.

В результате общего подъема активности параллельно политическим организациям ученых были созданы и творческие союзы, ставящие своей целью защиту интересов научных сотрудников. Ввиду того, что 12 депутатских мандатов остались вакантными, президиум Академии вынужден был принять решение о повторном выдвижении и о повторных выборах. Но это было уже совсем другое выдвижение и совсем другие выборы. Все кандидаты прошли самый тщательный отбор. В каждом из академических институтов предлагался список самых достойных.

Андрей Дмитриевич вопреки сопротивлению консерваторов был избран народным депутатом и сразу приковал к себе внимание всей страны.

Таким вот сложным оказался путь А. Д. Сахарова на Съезд народных депутатов — через Академию. Несомненно, он был бы избран и территориально. Но этот его путь привел к победе и группу его единомышленников — иначе у них ничего бы не получилось. Вместе с Сахаровым народными депутатами были избраны Роальд Сагдеев и Николай Шмелев, Виталий Гинзбург и Юрий Карякин, Сергей Аверинцев и Вячеслав Иванов, Георгий Арбатов и Павел Бунич, Геннадий Лисичкин, Николай Петраков и Александр Яко-

влев. Все эти двенадцать человек отличались не только высокими профессиональными качествами, но и твердой позицией. Например, директор Института космических исследований академик Р. Сагдеев оказался единственным человеком в составе старого «брежневского» Верховного Совета СССР, осмелившимся проголосовать против одного из вынесенных на голосование законов. Фотография Р. Сагдеева, в одиночестве поднимающего руку «против» в зале заседаний Верховного Совета СССР среди сотен послушно голосующих «за» депутатов, обошла тогда многие газеты мира. Что же касается смелых, честных публицистических выступлений Ю. Карякина, С. Аверинцева, В. Иванова, Н. Шмелева, Г. Лисичкина, В. Гинзбурга и других, то они были в то время общеизвестны и буквально (особенно в случае Ю. Карякина) у всех на устах.

Когда А. Д. Сахаров стал народным депутатом СССР, вакуум, в котором он жил, заполнился огромным потоком людей.

«Я не родился для общественной деятельности», — заявил однажды Сахаров. Однако та самая двойственность, которую заметил его учитель Тамм, подвигла его к активным действиям не миротворца, но борца, затем — за более широкий круг гуманитарных общественных проблем. Большую роль в этом сыграла его жена Елена Боннэр, человек очень принципиальный. Сахаров вступил на путь борьбы, и именно она стала его главным внутренним стимулом.

Так он попал в «магнитную ловушку», в которой удерживается адская энергия созидания и разрушения одновременно.

На него обрушился буквально шквал, и очень верно написали в «Московских новостях», что чаще всего в его доме звучало слово «помогите». Он был последней инстанцией, куда шли люди, потерявшие всякую надежду: и турки-месхетинцы, и крымские татары, и карабахские армяне, и пострадавшие от какой-то несправедливости... Осаждали его дом звонками. Дверь квартиры не закрывалась, Андрей Дмитриевич говорил: «Зачем закрывать, если позвонят, я ведь все равно открою...»

И вот академик Сахаров впервые выступает с кремлевской трибуны. Он говорит об ответственности депутатов перед народом, о целесообразности принятия специально написанного им проекта декрета о власти, о том, что необходимо изменить положение коммунистической партии в обществе, о терпимости к инакомыслию. Правильно подметил А. А. Собчак, что Сахаров никого не обличал, никого не задевал и не называл имен. Он говорил о демокра-

тии вообще, ее принципах и правах, и это попадало в самую болезненную точку Системы, вызывало нескрываемую ярость части зала.

Сила ученого была в общетеоретической глобальности, упраздненной устои тоталитаризма, а значит, и власть аппаратчиков, бюрократического чиновничества.

Было очень много дел и катастрофически не хватало времени. Работать приходилось ночами. Чтобы как-то это компенсировать, Андрей Дмитриевич старался (но не всегда получалось) в восемь-девять часов вечера часок поспать. А потом опять приходили люди, и нередко за полночь. Например, встречу с далай-ламой ему пришлось назначить на 12 ночи.

Приходили и люди, мягко говоря, со «странностями». Как-то появился молодой человек, стал доверительно рассказывать: «Это ведь я написал «Василия Теркина». Сахаров осторожно говорит: «Знаете, я читал «Теркина» во время войны, его написал Твардовский, вы забыли». — «Андрей Дмитриевич, это Вы забыли. Вы читали «Теркина» после войны. Это я его написал».

Некоторые ходили подолгу, и отделываться от них он не умел. Это была проблема. Месяца полтора к ним ходил «изобретатель ядерного двигателя для ракет». Сидел вечерами, пил чай, иногда ужинал, ведь не откажешь, человек сидит, не уходит. Но потом пропал. А. Д. Сахаров говорил: «Что-то его не видно». Елена Георгиевна заметила, что, наверное, в больницу положили. Сахаров: «Жаль, хороший человек».

Но, несмотря на такую нагрузку, на этот бурлящий вокруг него поток, он успел написать проекты и новой конституции, и «Декрета о власти», изучил специальную литературу по подземному размещению АЭС (чему придавал огромное значение), сделал доклад на конференции сейсмологов о предотвращении катастрофических землетрясений с помощью превентивных ядерных взрывов, выступил на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения одного из создателей современной динамической метеорологии А. А. Фридмана (1888–1925) с докладом «Барионная асимметрия Вселенной».

Люди доверяли Сахарову. Хотя иногда им было трудно принять его некоторые слишком радикальные заявления. Но они выделяли его из всех депутатов нынешнего времени потому, что интуитивно чувствовали доброту. Когда они слушали, как он говорит, даже если очень со многим не соглашались, они видели, что это кричит добро. Они понимали, что за ним стоит. Он говорил от имени погибших в

лагерях и проведших там многие годы, от имени здравого смысла, права, справедливости, человечности.

Вот он поднимает вопрос о необходимости принятия «Декрета о власти». По его мнению, это главное, что следовало бы узаконить в первую очередь, это ничуть не оказалось бы беспочвенным, надуманным, ибо достаточно проверено и мировой, и (хотя бы в отрицательном смысле) отечественной историей. Он, требуя определить, наконец, кому принадлежит власть в стране — Советам или партии, ни слова против партии, по-моему, не сказал, хотя очень многие его потом в этом обвиняли. Он говорил о том, что кто-то должен за все, что в стране делается, отвечать. Он спрашивал, кто встанет на лобное место перед лицом народа, кто ответит за жизнь народа в этот момент его судьбы?

Нужно реалистически смотреть на вещи. Если сахаром и мылом в масштабах государства занимается партия, то Совет Министров или Верховный Совет здесь уже ни при чем, мы не можем от них ничего требовать. Когда главный рычаг экономического управления — это крик «если столько-то того-то не дашь, положишь партбилет на стол», все происходит только путем нажима. Человек начинает давить того, кто подчинен ему, и порождает в ответ только ненависть к себе. Потому что, когда вы занимаетесь всю жизнь бесконечно дорогим вам делом, а над вами вдруг встает некто, который ничего в нем не понимает, потому что его не любит (не может же начальник любить все, чем командует), — и вы, и ваше дело пропали. Он начинает это дело ненавидеть. Ему ничего из вас выжать не удастся, он начинает врать, приписывать. А в этом заинтересованы уже мы все: для того, чтобы выскочить из-под давления, вранье и вранье терпим.

Когда Джорджа Сороса спросили, кого из современников он особенно уважает, он ответил без промедления: «Прежде всего это физик Андрей Сахаров; он был самым честным человеком из всех, кого я знаю, болезненно честным. Он просто не мог переносить ложь. При этом он был чрезвычайно воспитанным человеком, сколь уничтожающее мнение он бы ни выражал. Он воплощал собой идеал человека, стремящегося к истине».

Андрей Дмитриевич терялся, когда ему откровенно лгали, он не знал, как реагировать на такую ложь, что ей противопоставить. Именно так и было на Съезде народных депутатов, когда Горбачев солгал ему насчет писем. Когда Сахаров в первый день съезда выступил и сказал, что у него имеется 50 тысяч подписей за отмену 6-й статьи конституции, собранных «Мемориалом», Горбачев ска-

зал: «А Вы ко мне в кабинет зайдите, у меня еще больше». Но не сказал, каких, а зал и телезрители подумали, что у Горбачева все письма — против. На самом же деле, из-за чего ученый так волновался, у Горбачева также были письма из «Мемориала» против 6-й статьи, но Горбачев передернул и, в общем, страну тогда обманул.

«С одной стороны — был пожилой человек, убежденный и твердый, олицетворяющий свободную оппозицию могущественной власти. С другой — воплощавший эту власть руководитель, уже не скрывавший своей авторитарности, гнева и высокомерия. Эта сцена не менее подлинна..., чем сценки с добродушным Горбачевым, которыми нас в последнее время закармливали», — писала французская газета «Монд».

Однако, несмотря на увещевания председателя, 839 делегатов все-таки проголосовали за сахаровское предложение. Оно было отвергнуто большинством всего лишь в 199 голосов.

Бесконечные указы, приказы, законы, которые исполнить заведомо невозможно, да которые, честно говоря, и не предназначены изначально для исполнения, — это все отсюда, от таких традиций государственного управления. Мы с этими законами потеряли всякое чувство меры.

Сахаровский проект «Декрета о власти», который большинство на Первом съезде народных депутатов не только отвергло, но и отказалось выслушать, остался важнейшим политическим документом, к идеям которого наше общество все равно будет обращаться вновь и вновь.

Совершенно исключительна роль А. Д. Сахарова на Первом съезде. Не случайно съезд окаячен его выступлениями. 27 мая, задолго до шахтерских забастовок, депутат В. Образ простодушно возмутился в кулуарах с участием академика Сахарова: «Я просто удивился, понимаете ли, когда товарищ Сахаров говорил, мол, я предвижу забастовки в стране. Да что это такое?»

Воистину нет пророка в своем отечестве.

Вспоминаются слова А. Д. Сахарова, сказанные им на Первом съезде народных депутатов СССР: «... нищий человек не способен быть гражданином... Я убедился, не способен».

Нравственной кульминацией, вершиной съезда были не попавшие в стенограмму слова А. Д. Сахарова в последний день съезда, когда на вопрос прерывающего его Горбачева: «Товарищ Сахаров, вы уважаете съезд?» — прозвучал исполненный благородства ответ: «Я уважаю народ. Я уважаю человечество».

Андрей Дмитриевич не шел ни на какие компромиссы с властью, всегда говорил то и все то, что считал необходимым, доставляя много неудобств президиуму первых съездов народных депутатов.

Вспомните, как негодовал зал съезда народных депутатов СССР, когда Сахаров сказал правду об Афганистане, которую, казалось бы, и до этого все знали. Знали-то знали, а произносить вслух было нельзя. Мириады световых лет между истиной, которую все знают, но таят про себя, и той же истиной, вслух произнесенной. Рано или поздно должен был раздаться очищающий крик: «А король-то голый!» И вот он раздался. Он, как всегда, без всякого пафоса, без истерики сказал очевиднейшую правду: «Война в Афганистане — бессмысленное преступление, убийство «нашими мальчиками» миллиона людей, желавших жить по-своему и не нуждающихся в «ценных указаниях» советской империи». Что можно против этого возразить? Да что там — возразить! Его, предателя, надо просто в землю закопать, с ревом, с визгом, с хрюканьем!

Но самым невыносимым для находившихся в Кремлевском дворце сторонников Горбачева — чиновников партийного и государственного аппарата — было острое и отчетливое сознание того, что А. Д. Сахарова нельзя запугать. Нельзя запугать ни страхом, ни красивыми, лживыми словами о Родине, Державе, Коммунизме. Это все — мимо. У него есть совесть, здравый смысл, ясность мысли. А против этого у орущих депутатов нет ничего. Только их собственный страх, их изуродованная, оболваненная психика. Андрей Дмитриевич Сахаров доказал: политическая мудрость и нравственная взыскательность — не антагонистичны. В этой убежденности он черпал силы, отстаивая идеи переустройства общества на новых основах возрождения личности.

Но вспомните: едва Сахаров поднимался на трибуну съезда народных депутатов или Верховного Совета, в зале нарастала волна неприятия, у председательствующего обострялось чувство времени, и он нетерпеливо жал на кнопку электрического звонка. Не войдет ли в историю Первый съезд народных депутатов СССР как съезд, где «захлопывали» академика Андрея Сахарова? «Захлопывали» оратора, который убеждал: экономическое процветание и права человека связаны между собой, нищий не способен быть гражданином, система, обрекающая на нищету, безнравственна...

Чему удивляться, коль еще не была преодолена зона, отмеченная затрепанными флажками: «по заданию ЦРУ», «нам подбрасы-

вают», «вода на мельницу», коль сам «великий» архитектор перестройки не избавился тогда (да и теперь) от цепких объятий идеологической догмы, многократно демонстрировавшей свою порочность.

Ни одно предложение академика — народного избранника не было принято. Но значение съезда (даже политическое, не говоря о нравственном, тем более — эстетическом, воспитательном, я бы сказал — заразительном) состояло прежде всего в присутствии и действиях А. Д. Сахарова.

Сахаров свою позицию на съезде сформулировал — в последний раз, за два дня до своей смерти (14 декабря 1989 года) — очень сжато: «условная поддержка Горбачева». То есть поддержка при сохранении совершенно независимого политического мироощущения, не поступаешь радикально-демократическими позициями, понимая полезность компромиссов, которые приближали бы к осуществлению демократических идеалов. Поддержка на определенных условиях, всегда конкретное партнерство — или столь же конкретное оппонирование, политическая борьба.

И все-таки, скольких ошибок могли бы мы избежать, если бы чаще прислушивались даже к тем, кто порой говорит неприятные и неудобные вещи! Впрочем, этому умению предстоит учиться не только власти, но и всем нам, с такой готовностью подвергающим ее критике (добро бы всегда обоснованно)!

Еще один острейший вопрос, связанный с именем Сахарова, — призыв к забастовке перед Вторым съездом. Он многих возмутил, некоторые, даже хорошо относящиеся к Сахарову, радикально настроенные люди называли этот призыв провокацией.

Незадолго до кончины академика он вновь был (в который раз!) обруган нашей прессой и радио. А за что обруган? По старой традиции мы узнали, что где-то там он выступал, что-то не так сказал, к чему-то «неположенному» призывал. Текст, разумеется, как всегда (чтоб не «развратить» народ политически!), опубликован не был. А он стоит того, чтобы его привести.

Так, за 10 дней до начала Второго съезда по инициативе А. Д. Сахарова несколько депутатов обратились непосредственно к населению с призывом к двухчасовой политической предупредительной забастовке. Это должно было привлечь внимание избирателей к опасности свести съезд к удобному консерваторам исходу, а также подсказать людям форму давления на съезд и правительство.

Практически никакой работы по организации забастовки не велось, текст обращения газеты не опубликовали. Однако, судя по

полученным телеграммам и письмам, в различных акциях в поддержку этого обращения 11 декабря приняло участие не менее миллиона человек.

Подписан этот текст был не одним только А. Д. Сахаровым, а еще пятью народными депутатами: В. А. Тихоновым, Г. Х. Поповым, А. Н. Мурашевым, Ю. Н. Афанасьевым и Ю. Д. Черниченко (последний через прессу отказался от последних трех абзацев).

Итак, последнее обращение Сахарова:

«Дорогие соотечественники! Перестройка в нашей стране встречает организованный сопротивление.

Откладывается принятие основных экономических законов о собственности, о предприятиях и важнейшего закона о земле, который дал бы, наконец, крестьянину возможность быть хозяином. Верховный Совет не включил в повестку дня съезда обсуждение статьи 6 Конституции СССР.

Если не будет принят Закон о земле, пропадет еще один сельскохозяйственный год. Если не будут приняты законы о собственности и предприятиях, по-прежнему министерства и ведомства будут командовать и разорять страну. Если статья 6 не будет изъята из Конституции, кризис доверия к руководству государства и партии будет нарастать.

Мы призываем всех трудящихся страны — рабочих и крестьян, интеллигенцию, учащихся — выразить свою волю и провести 11 декабря 1989 года с 10 до 12 часов по московскому времени всеобщую политическую предупредительную забастовку с требованием включить в повестку дня Второго съезда народных депутатов СССР обсуждение законов о земле, собственности, предприятиях и статьи 6 Конституции.

Создайте на предприятиях и в учреждениях, колхозах и совхозах, учебных заведениях комитеты по проведению этой забастовки!

**СОБСТВЕННОСТЬ — НАРОДУ! ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ!
ЗАВОДЫ — РАБОЧИМ! ВСЯ ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!»**

И подписи.

Оставим вопрос о забастовках историкам — тем более, что кое-где они состоялись. Оставим им рассуждать о правомерности или неправомерности подобных призывов со стороны достаточно популярных и известных в народе политических деятелей — народных депутатов.

Свою позицию Сахаров изложил очень четко, выступая 11 декабря в Физическом институте АН СССР во время проведения

двухчасовой политической забастовки. И было это всего за три дня до его смерти.

Что такое забастовка на два часа? Разве это бунт, анархия? Или, может быть, наоборот — она является мощным организующим фактором?

Еще летом 1989 года Андрей Дмитриевич стал одним из инициаторов и сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, которая, при всех ее очевидных слабостях, представляла последовательные перестроечные силы в нашем парламенте.

На третий день Второго съезда народных депутатов СССР — 14 декабря — Сахаров (за несколько часов до смерти) выступал на совещании МДГ. Вот полный текст его последнего выступления:

«Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, и разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами решения, это вторая часть термина. И это тоже чрезвычайно важно.

Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса доверия к партии и к руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена 6-й статьи Конституции и других статей Конституции, которые к ней примыкают, — это сегодня политический акт. Не чисто юридически организационный. Это важнейший политический акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год, когда будет завершена работа над новым текстом Конституции. Тогда это будет все поздно. Но нужно уже сейчас возродить к делу перестроечные процессы.

И последнее, что нам необходимо, — это восстановить веру в нашу Межрегиональную группу. Межрегиональная группа — с ней связало население страны огромные надежды. За эти месяцы мы стали терять доверие.

Последнее, о чем я хотел сказать, — то, что говорил Гольдманский: был ли подарком правым силам призыв к политической

двухчасовой забастовке и будет ли подарком правым силам объявление оппозиции. И с тем, и с другим я категорически не согласен. То, что произошло за эту неделю при обсуждении нашего призыва, — это важнейшая политизация страны, это дискуссии, охватившие всю страну. Совершенно не важно, много ли было забастовок. Их было достаточно много. В том числе были забастовки в Донбассе, были они и в Воркуте, были во Львове, во многих местах. Но не это даже принципиально важно. Важно, что народ нашел наконец формулу выразить свою волю, и он готов оказать нам политическую поддержку. Это мы поняли за эту неделю. И мы этой поддержки не должны лишиться. Единственным подарком правым силам будет наша критическая пассивность. Ничего другого им не нужно, как это».

Именно в этом своем последнем выступлении Андрей Дмитриевич впервые сформулировал термин «радикализация перестройки».

Осенью 1989 года, когда возникла опасность, что в ответ на паралич железных дорог в Закавказье и угрозу расширения забастовок чрезвычайные меры будут распространены на всю страну, Сахаров передал Горбачеву личное письмо, в котором предупреждал, что обращение к силовым методам, неоправданно широкое применение противопожарных мер — и не там, где горит, а повсеместно — может привести к военному перевороту. Трудно пока сказать, как и почему сработал неизвестный нам механизм, изменивший намерения властей за одну ночь, но демарш А. Д. Сахарова едва ли сыграл в том малозначительную роль.

В дни Второго съезда мы стали свидетелями его постепенного физического угасания. Во время одного из последних разговоров он сказал: «Мои возможности почти исчерпаны». Но он силой воли заставлял себя и дальше участвовать в обсуждениях, не пропускал ничего важного. Его героизм был самого трудного типа — повседневный.

Г. Старовойтова вспоминала:

«И вот Андрей Дмитриевич вдруг стал политиком. Это было довольно неожиданно и для него самого, и для всех нас. Ученый-физик, в общем, замкнутый, не очень общительный человек, до самых основ ясный и прозрачный, но — не публичный человек. Он очень любил одиночество, сосредоточение. Но ему редко это выпадало в последнее время. Причем он сразу становится политиком незаурядным, представляющим собой мощную политическую силу, заставляет себя слушать не только Верховный Совет, не только съезд, топочущий и чуть ли не улюлюкающий, но весь мир.

Горбачева заставляет слушать. Между прочим, задает ему за кулисами такие вопросы, которые никто бы не решился ему задать, и Горбачев считает нужным отвечать...

Почему такой человек, нарушающий все правила политической игры, обладает таким огромным влиянием? Мы привыкли считать, что политика — дело нечистое, что цель оправдывает средства, что политик свободен от моральных огорчений. Андрей Дмитриевич нарушает эти законы, он говорит только правду, он поступает только в соответствии со своими нравственными принципами, но именно это оказывается решающей политической силой, потому что соответствует ожиданиям нашего народа, уже изверившегося, уже изголодавшегося по этой правде и нравственности.

Его отсутствие сразу очень сказалось на нашей жизни, на работе съезда. Во-первых, он был очень информированным человеком, и военные, которых у нас очень много, чувствовали себя более робко в его присутствии. Он располагал цифровыми данными, фактами, мог опровергнуть. Тем более что во многом съезд был посвящен вопросам, так или иначе задевающим честь военного мундира. Это и политическая оценка афганской войны, и пакт Риббентропа—Молотова, и события в Тбилиси. По всем этим вопросам Андрей Дмитриевич собирался выступать, по Тбилиси, как вы знаете, он был одним из инициаторов специального расследования. Когда его не стало, то военные пошли на трибуну косяком и держали себя куда раскованнее.

Но не только его информированность — само его присутствие в зале создавало какое-то нравственное поле. Было ясно, что, невзирая на реакцию зала, он, если сочтет нужным, все равно пойдет к трибуне и все равно будет выступать. Сегодня на Верховном Совете (это был день, посвященный вопросу о президентстве) происходили довольно тяжелые вещи, в какой-то момент я ахнула и сказала: «Нет Сахарова». Адамович ответил: «Да, Сахаров сейчас же потопал бы на трибуну».

И ушел из жизни он, как жил: продолжал борьбу на Втором съезде народных депутатов, оставив свое политическое завещание — проект новой конституции...

А. Д. Сахаров раздражал при жизни многих. И, вероятно, многие в съездовском зале облегченно вздохнули, не увидев больше его, рано постаревшего, бочком, неловко как-то пробиравшегося к микрофону. Но всегда и во всем непреклонного, убеждающего ло-

гикой даже тех, кто готов был голосовать, как прикажут или позволят, кто шикал и мяукал, когда он говорил.

Пройдут годы. Россия будет жить в условиях нормальной демократии. Но мы навсегда запомним, как преждевременно составившийся в советских ссылках, сломивший свое здоровье голодовками протеста и принудительным питанием, сгорбленный и исключительно гордый человек неизменно, не обращая ни на что и ни на кого внимания, поднимался со своего места и открывал неофициальную очередь перед трибуной.

Он боролся. Боролся за то, чтобы не превратить съезд народных депутатов в нечто антинародное, в очередной аппаратный спектакль с уступками духу времени. Боролся за право любого депутата подняться на трибуну — без просмотренного текста и предварительного согласования фамилии выступающего. И те десятки депутатов, которые сегодня идут к микрофонам, должны всегда помнить: первым это делал, оставаясь часто в единственном числе и порой раздражая зал, именно депутат Сахаров».

АВТОР ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ

До 1918 года Россия обходилась без конституции. Говоря о первой конституции советского периода, В. И. Ленин отмечал, что она «будет исправляться и дополняться практическим применением ее в жизнь» (Полн. собр. Т. 37. С. 21). Так появились конституции 1924, 1936, 1977 годов: сталинские и брежневская. Н. С. Хрущев, тоже много говоривший в свое время о необходимости «исправления» и «дополнения» Основного Закона страны, не успел этого сделать, в октябре 1964 года его убрали с политической сцены. Конституционной «грешил» и М. С. Горбачев. Словом, каждый генсек стремился обзавестись «собственной» конституцией, которая, в первую очередь, устраивала бы его и номенклатуру.

Эту особенность руководящей партийной и государственной элиты отчетливо понимал А. Д. Сахаров. И, как и следовало ожидать, будучи включенным в состав комиссии по разработке проекта горбачевской конституции, Андрей Дмитриевич сказал, что примет участие только в работе над альтернативным проектом конституции или отдельных ее статей. Во всяком случае, чтобы высказать альтернативное мнение, но не для того, чтобы присоединиться к основному проекту так называемого «большинства» комиссии.

Если бы Горбачев и верхушка партии восприняли конституцию Сахарова всерьез, то есть: все автономные образования на равных подписывают союзный договор, делегируя центру те функции, которые они хотят, мы бы сохранили Союз и не вверглись бы в эти маленькие войны, приносящие большие беды. Но они совершенно не восприняли сахаровскую конституцию! Когда Андрея Дмитриевича избрали на Первом съезде народных депутатов в конституционную комиссию, он очень был доволен. Единственная комиссия, в которой он хотел работать, была конституционная. Они не восприняли написанную Сахаровым конституцию, и до сих пор Россия ее не воспринимает.

Какая конституция нам нужна?

Да и нужна ли нам конституция вообще?

Загляните в любую из них: ленинскую, сталинскую, брежневскую.

Партия, государство, управление, права и обязанности, герб, флаги, столица да еще суд, прокуратура. Набор стандартный и исчерпывающий. Но что остается со временем от всех этих торжественных слов? Партия сначала узурпирует власть, а затем лишается ее вовсе, государство растет и разбухает и потом разваливается на наших глазах; управление: совнарком, совмин, кабинет, комитет, ГЖЧП и безвластие, наконец. А права и обязанности гражданина? Осталась стабильной только столица.

Так что происходит с конституцией?

Может быть, она и не нужна вообще, ведь Англия обходится без нее и благоденствует. Или же просто не считаться с нею, как это делают диктаторы в африканских и латиноамериканских странах? Надо полагать, пока еще эти пути не для нас. Порядок, притом конституционный, необходим. На нем должны строиться и экономика, и политика, и государство, и жизнь гражданина. Только не будем больше создавать абстрактные схемы. Известно ведь, что на проекте Бухарина 1936 года имеются многочисленные пометки самого вождя народа (кстати, почему бы не опубликовать эти документы, не посмотреть на свою историю, как и кем она создавалась?).

Много испытали наши конституции: и развитой, и зрелый социализм, и диктатуру пролетариата, и общенародное государство. Действительность же оставалась бедной, бесправной, отсталой.

Конституции выглядели не как закрепление и гарантия жизненных реалий, а скорее как программы на отдаленное будущее.

Как известно, начало перестройки — духовной, социальной, политической и экономической — вселяло в людей надежды на близкое осуществление великих демократических завоеваний и в нашей стране. Замелькали — появлялись и исчезали — новые идеи, лозунги, призывы. Каждое появлялось как открытие: прогресс, ускорение, гласность и плюрализм, правовое государство и новое мышление. Да все и не перечислить. В этой атмосфере в обществе сахаровская конституция приобретала силу политического манифеста. Он писал от руки, в общей тетрадке, писал он почти всегда — идея создания конституции его очень увлекала. Это был элемент общего политического спора. Он размышлял над проблемами, которыми терзалось общество, и формулировками конституции пытался ответить на эти терзания. Он прекрасно понимал, что серьезная работа над конституцией требует прочтения огромного

объема литературы, знания исторических аналогий, постепенного оттачивания формулировок, но он намеренно к такому механизму не прибегал.

И все же он не был дилетантом. Он знал конституции некоторых высокоразвитых стран, он многие годы занимался критикой советского режима и правозащитной деятельностью, со многими вещами он очень хорошо был знаком на практике. В частности, с жизнеустройством общества — потому и попадал в точку. Если же говорить о его идее собственных государств для всех народов... Конечно, это идеальное побуждение или из всех возможных идей самая иррациональная. Из всего того, что можно было придумать для России, где в основу должен быть положен не национальный, а административно-территориальный принцип. Национальный принцип, если он не реализуется в России, — это бомба, которая ее взорвет. Нынешняя действительность подтверждает это.

С июня по 28 августа 1989 г. он тратил каждую свободную минуту на написание проекта «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (в одном из вариантов «Конституции Соединенных Штатов Европы и Азии»). Вот как описывает Е. Бонэр завершение работы Сахарова над конституцией:

«... На пути в Москву (из поездки по Соединенным Штатам — А. И.) мы шесть дней гостили у друзей на юге Франции. У меня был полный отдых, а Андрей говорил, что он отдыхает с конституцией. Работал по четыре-пять часов за столом в саду. За ужином, в канун нашего отлета, сказал, что кончил писать конституцию. Сказал с грустью. Наступила ночь — темная, южная. И неожиданно на линии горизонта появилась светлая полоса, она росла, высилась, рыжела. Потом тишину пронзил шум машин и пронзительный, какой-то военный вой сирен. Лесной пожар... Утром 28 августа Андрей положил в чемодан два своих больших блокнота. Потом передумал и переложил их в сумку, которую всегда брал с собой. В салоне самолета он раскрыл один из них, полистал, убрал на место. И, притулившись ко мне, сказал-спросил: «Тебе не кажется странным, что я кончил конституцию и потом этот пожар в один день?»

Напомню, что жить в этот момент Сахарову оставалось лишь три с половиной месяца.

В дальнейшем Сахаров все время возвращался к доработке, «доводке» текста проекта. И даже за час до смерти, прежде чем спуститься в свою рабочую квартиру (расположенную этажом ниже той, где они жили с Еленой Георгиевной), он говорил жене,

что «хочет что-то сохранить в статье о президиуме и в другом месте». «Это так странно, — пишет Елена Георгиевна, — так не в его характере, чтобы он не закончил какую-то работу. Вот книгу (воспоминаний — А. И.) завершил. Еще утром в тот же день положил мне на стол листы с последней правкой и вечером, уходя отдохнуть, сказал, чтобы разбудили его в половине одиннадцатого, будем работать. А на конституцию ему не хватило трех дней».

25 сентября 1989 года началась вторая сессия Верховного Совета.

В конце октября А. Д. Сахаров представил свой проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». Это документ исключительной важности, который до сих пор не получил должной оценки, кроме, пожалуй, как в статье Леонида Баткина «О конституционном проекте Андрея Сахарова».

Можно спорить о том, кем считать Сахарова: ученым, политиком, общественным деятелем. Бесспорно одно: во всех ипостасях он был, прежде всего, великим гуманистом. И, пожалуй, именно эта сторона его личности ярче всего проявляется в конституционном проекте.

В физике у него была уникальная роль теоретика, способного не только объяснить явление, но и предложить реальное инженерное решение задачи. Это качество он продемонстрировал и в общественной жизни. Его последняя работа для нас — проект новой конституции.

Проект конституции написан торжественным языком. В проекте ошеломляет уже то, что он существует в виде самого текста: сорок шесть статей конституции.

На Первом съезде Андрей Дмитриевич говорил, что возведение дома не следует начинать с крыши. Он считал, что надо исходить из новой конституции. А затем, или одновременно, стремиться к правовому уточнению, поддержке, воплощению главного, на чем мы договорились бы построить будущую советскую жизнь.

Будущий автор проекта тогда пообещал, что страна получит новую конституцию уже в 1990 году.

В момент наибольшего напряжения своей борьбы за права человека ученый понял, что путь к выходу из тупика — в принятии новой конституции, и взялся за ее подготовку. Что тогда поднялось! Посыпались обвинения в дилетантизме, в игнорировании принципов советского государственного устройства. Но подтекст был совсем другой. Как он посмел? Вместо нас, «мобилизованных и призванных» Системой?! Ведь Сахаров покусился на святая святых — на проектирование концепции власти. А это всегда дела-

лось через компромиссы аппарата единомышленников (раньше Политбюро, теперь, кажется, предлагают всевозможные «круглые столы», «президиум», псевдопарламентские комиссии...).

И тем не менее у Сахарова было моральное право на то, чтобы заняться разработкой конституции. Не наследственное, не спущенное сверху, не делегированное сектой или партией. Это было право человека, разбудившего народ, обратиться к этому народу напрямую.

Сахаров, в очередной раз опередивший события, представил написанный им проект конституции. Сахаровская концепция конституции исходит из единой связи между правами человека и миром.

Сахаровские конституционные идеи — не благие пожелания, а рабочий документ.

Проект Сахарова конструктивен и чрезвычайно практически важен. А. Д. Сахаров в основном успел завершить проект.

Почему Сахаров так торопился с работой над проектом конституции? Дело в том, что на 27 ноября было назначено первое заседание конституционной комиссии.

27 ноября 1989 года А. Д. Сахаров положил перед Горбачевым проект будущей конституции Советского Союза.

Конституция Сахарова — это конституция «добровольного объединения государственных республик», народы которых имеют целью «счастливую, полную смысла жизнь». А целью и обязанностью отдельных граждан и государства «является обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности», не противоречащее «правам других людей, интересам общества в целом».

Но Сахаров вовсе не утопист. В его конституции четко и ясно написано, что экономика должна быть рыночной, причем «количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается (за исключением земли)». А ограничение передачи и продажи земли «определяется законом республики», не Союза, заметим, а каждой отдельной республики.

Большое место в проекте сахаровской конституции занимает изложение целей и принципов, которые должны лежать в основе жизни государства и права. Этому посвящены статьи 2, 3, 4, 7, 12, 13, 14.

В самом начале документа утверждается цель народа и общества — «счастливая, полная смысла жизнь, свобода моральная и духовная, мир и безопасность для граждан страны, всех лю-

дей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения».

Ни в одной из действующих в мире конституций нет подобной записи. Во всех конституциях говорится о правах и свободах граждан, о благосостоянии и т. д., но нигде не говорится о счастливой и полной духовного смысла жизни как подлинной цели каждого человеческого общества, каждого человеческого существа.

Полное изобилие материальных благ не способно само по себе сделать людей счастливыми. Это лишь необходимое условие, фундамент, на котором может быть построено общество всеобщего благосостояния, общество, в котором каждому человеку гарантируется полная смысла и счастливая жизнь.

Андрею Дмитриевичу принадлежат слова: «Всем гражданам без различия пола, происхождения, вероисповедания и национальности должны быть гарантированы права неприкосновенности личности, жилища, свобода слова, печати, вероисповедания, свобода передвижения, собрания, союза, кстати, и равноправность всех национальных языков». Сегодня можно с гордостью сказать, что эти положения есть в российской конституции.

Другой идеей Сахарова является идея приоритета «глобальных целей выживания человечества перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными интересами» (ст. 4).

Ученый сумел заглянуть в будущее. В нем без приоритета глобальных, общечеловеческих целей людям не выжить даже по экологическим причинам. Уже недалеко то время, когда подобная запись появится в качестве одного из главных принципов конституционного законодательства.

С этим связана и другая политическая идея, которую Андрей Дмитриевич развил и пропагандировал последние десять лет своей жизни — идея конвергенции (сближения) социалистической и капиталистической систем как единственно способной обеспечить кардинальное решение глобальных и внутренних проблем развития человечества.

В пятой статье говорится: «Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье». Ни в одной конституции не закрепляется право на счастье.

Сахаров считал, что создается новая страна, которая должна носить новое название. Он использовал известную формулу В. И. Ленина, писавшего о Союзе Республик Европы и Азии. Ленин после победы в Гражданской войне ждал разворота мировой

революции от Европы до Индии и Китая. Советский Союз казался ему первым отвоеванным у «буржуазии» плацдармом такой революции.

Указанный вариант названия — «Союз Советских Республик Европы и Азии» обсуждался еще почти семьдесят лет назад на заседаниях комиссии Оргбюро ЦК, которая готовила к октябрьскому (1922 г.) пленуму ЦК РКП(б) вопрос о взаимоотношениях РСФСР с независимыми национальными советскими республиками.

Как известно, поиск конкретной формы и политических институтов рождающегося Союза социалистических республик происходил в острой полемике и завершился плодотворно благодаря конструктивному участию В. И. Ленина. В письме Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 26 сентября 1922 года, критикуя сталинский проект «автономизации, т. е. вхождения всех советских республик в РСФСР», сводивший к минимуму их самостоятельность, В. И. Ленин предложил: «... мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии» (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211).

Состоявшийся 6 октября 1922 года пленум ЦК РКП(б) поддержал ленинскую идею о создании федерации равноправных социалистических советских республик. Вместе с тем решено было четко отразить в наименовании страны социалистический выбор и назвать ее «Союз Советских Социалистических Республик».

Вместо революционного пафоса понятия «Европейско-Азиатского Союза» Сахаров имеет в виду идею синтеза «нравственных и культурных традиций Европы и Азии». Он также добавляет: «... и всего человечества, всех рас и народов» (ст. 3). В ст. 2 целью народа «Союза Советских Республик Европы и Азии» провозглашены «благополучие, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле». В ст. 12 подчеркнуто, что «Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма».

Наша страна не претендует на некую особую главную роль освободительницы и покровительницы остального мира. Политический или идеологический мессианизм любого толка запрещен конституционно. Ни одна живая душа не должна бояться, что Советское государство станет подсовывать свои представления и образ жизни.

«Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями».

Ни в одном государстве мира эта мысль не была записана в конституции. «Приоритет» общечеловеческого учения толковал позитивно: как необходимость во имя выживания — «гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире».

Сахаров считал обязательным ввести в конституцию не только принцип «оборонительной достаточности» (ст. 12), но и детальную ст. 13, где речь идет о принципах и правилах, сводящих к минимуму угрозу применения ядерного оружия.

«Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма». Часто в истории XX века агрессивное невежество и вульгарная самоуверенность в способности осчастливить человечество, даже против его воли, приводили к трагедиям целых народов. Новоявленные мессии слишком дорого стоили человечеству, чтобы оно проходило мимо идей нового мессианизма.

Коммунистический мессианизм с его обещаниями, что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, с его претензиями на единственно правильное представление о том, как должно развиваться человечество, ничего не принес ни нашему, ни другим народам. Поэтому упоминание в предложенном проекте новой советской конституции об отказе от мессианизма, экспансии и агрессии представляется необходимым как для нас самих, так и для возникновения доверия со стороны других народов и возрождения России.

В иерархии ценностей у А. Д. Сахарова выше всего права отдельного человека. Все остальные — национальные, социально-групповые, вообще коллективные, вплоть до «интересов общества в целом», — вытекают из права отдельного человека.

Любое коллективное право есть одно из прав индивида как члена этого коллектива. Коллективное право ограничивает права отдельного человека такими же правами другого члена этой группы. Коллективное право согласовывает права индивидов, принадлежащих к разным группам. Демократическая конституция должна ставить во главу угла интересы отдельного человека.

У нас в правовой теории долгое время личность провозглашалась высшей социальной ценностью. Однако на первое место всегда ставились интересы государственно-политической власти. Сложился культ социалистического государства, в котором те, кто управлял, стали независимыми от тех, кем управляли. Зависимость управляемых стала сочетаться со всевластием управляющих. Это привело к несоразмерности в правовом положении

личности. Человек стал рассматриваться не как самостоятельный субъект политической системы, а как объект «заботы» государства, которое предоставляет права или ограничивает их по своему усмотрению. Власть начала разрабатывать и внедрять «принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия». Сегодня характер задач требует, чтобы участниками общественной жизни были не «винтики», а личности — граждане России, обладающие реальными правами и широкими возможностями их реализации.

Идея в первую очередь, определяющем значении политических прав в формировании демократического типа личности, способной влиять на общественно-политические процессы, принадлежит академику А. Д. Сахарову. В своей Нобелевской лекции он назвал политические права и свободы «основой экономического и социального прогресса, а также... политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав».

Правам человека в проекте конституции Сахарова посвящены ст. 5, 11, косвенно также ст. 2, 14, 37, 40, 42, где он перечисляет и личные свободы, и социально-экономические права индивида, и права, связанные с распоряжением своей рабочей силой, наконец, права частной собственности и наследования. В проект внесено важное положение: свобода от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации (ст. 6). Андрей Дмитриевич имел при этом в виду политические «психушки». Очень важна ст. 8: «Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению», ученый знал и на собственном опыте, что такое «жестокое обращение». В ст. 14 оговаривается условие, без которого ст. 6 или 8, как, впрочем, и многие другие, остались бы декларациями: «В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка».

Важно упоминание Всеобщей декларации прав человека ООН и пактов о правах человека, а также других международных соглашений, подписанных СССР, как имеющих на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик (ст. 5).

В прежних наших конституциях укоренился патерналистский подход к отношениям между государством и гражданином. Получалось так, что государство по своей доброй воле заботилось о своих гражданах, даруя им от щедрот своих реальные блага.

Обязанности государства, его ответственность перед обществом и отдельными гражданами отходили на задний план. Государство можно было только просить, но не требовать. При этом чиновники всех рангов, пропитанные чувством превосходства по отношению ко всем остальным людям, имели возможность свободно ими манипулировать. Все это порождало в обществе социальную пассивность и апатию.

А. Д. Сахаров видел проблему конституционного статуса человека во всей полноте, обращая внимание на то, что «осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом».

Могут сказать, что автор проекта провозглашал общечеловеческие заповеди добра и справедливости, свободы личности, которые вовсе не обязательно записывать в конституции, где должны быть только строгие правовые предписания, соответствующим образом обеспечиваемые государством. Отчасти это так. Но одновременно нельзя не сказать о том, что в тексте проекта можно увидеть и следы боев, которые академик с мировым именем неустанно вел на правозащитном фронте. И здесь он конкретен, предлагая законодательно закрепить гарантии от незаконного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации или детально фиксируя, что «никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены». Он везде пишет о правах человека, а не о правах гражданина.

Ни в одной статье проекта сахаровской конституции нет двусмысленной оговорки типа «в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя». Автор подчеркивает важность свободы эмиграции и возвращения в свою страну, свободы поездок за рубеж, свободы передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны (ст. 6), выдвигает предложение о запрещении смертной казни в мирное время (ст. 8), настаивает на закреплении в конституции презумпции невиновности (ст. 9), запрещении дискриминации не только по признакам национальным, религиозным, но и по политическим убеждениям (ст. 10).

Проект А. Д. Сахарова утверждает идею конституционного обеспечения многопартийной парламентской демократии. Так, в ст. 7 отмечается: «В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимо-

сти». Оговорены свобода слова и информационного обмена, а также свобода ассоциаций, митингов и демонстраций (ст. 6). Не разрешается деятельность тайной политической полиции (ст. 14). Невозможна замена государственной власти, вмешательство в управление этой «высшей власти в стране» руководящими органами какой-либо партии (ст. 28). Конституционно запрещены властные распоряжения в отношении страны со стороны партии. Провозглашена непартийность функций президента. Всеобщие и прямые выборы в обе палаты съезда и таковые же выборы президента на альтернативной основе (ст. 29, 35). Вся система привилегий и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей — все это (ст. 28, 36) соответствует философии последовательной демократии: с сильным парламентом и сильным президентом.

Национально-государственное устройство и новый Союзный договор, основанный на конституции, получили в проекте конкретную юридическую форму. Главное в конституции Сахарова — это, конечно, вопрос о федеративном устройстве. О том, как «мягко», без потрясений и войн дать свободу народам, регионам, национальностям. Сахаров прямо пишет:

«Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 25).

Новый Союзный договор подписывают все бывшие части СССР в качестве равных республик, независимо от размеров, наличия внешней границы, численности населения. Внутри бывшей РСФСР впервые появляется Республика Россия, отдельно от других бывших автономий бывшей РСФСР. Никакого «центра» над республиками нет. Но сильные республики добровольно, по условиям Союзного договора, передают строго оговоренный минимум полномочий создаваемому ими центральному правительству (ст. 23). Весь конституционный процесс образования идет снизу вверх. Не центр «расширяет права республик», а они вручают их центру. Центру передаются наиболее важные внешнеполитические сношения; организация совместной обороны и оборонной промышленности; межреспубликанская денежная единица и общая часть бюджета, выделяемая республиками из своих бюджетов; транспорт и связь общесоюзного значения.

Каждая республика также может по собственному желанию, сверх того, выделить центру те или иные экономические, административные и прочие функции управления.

Республика может заключить специальный протокол к Союзному договору, по которому права республики могут ограничиваться, но могут и увеличиваться. Республика, например, может располагать и собственными национальными военными формированиями (под общесоюзным командованием), и собственной денежной единицей, но может и не располагать. Объем реального суверенитета той или иной республики неизбежно окажется чрезвычайно разнохарактерным. Сахаров предложил очень гибкую федерально-конфедеративную систему взаимоотношений республик: предлагалась возможность для каждой из них иметь республиканскую денежную систему, наряду с русским языком равноправный язык (языки) республики и т. д.

Государственный суверенитет — не только право, престиж, гордость, символика. Государственный суверенитет — тяжкая ноша всестороннего самообеспечения. Народ имеет право приобрести суверенитет в том объеме, который соответствует его возможностям.

Проект конституции Сахарова предвидит в этом отношении большую степень разнообразия форм включения каждой республики в Союз, и в этом, на наш взгляд, его сильная сторона. Оговорены и права 87 народностей, не имевших своих территорий. Будут удовлетворены четыре десятка нынешних автономий, а также те, кто собирается их создать.

Что до статей проекта конституции, регулирующих отношения собственности, то они предусматривают свободное «плюралистическое» соревнование всех видов и форм экономической деятельности, не ограничивая ни одну из этих форм, включая и частную предпринимательскую инициативу. «Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях» (ст. 44), «основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции» (ст. 46). Государство активно вмешивается и регулирует развитие экономики посредством налоговой, кредитной, инвестиционной политики — ограничивает продажу, передачу и максимальные размеры земельной собственности, а также препятствует спекуляции и бесхозяйственному ведению земледелия, остается (в лице республик и их Советов) высшим собственником и распределителем недр и водных ресурсов. Наконец, осуществляет перераспреде-

ление национального дохода в целях обеспечения социальной справедливости, защиты тех, кто не в силах прокормить себя сам, и гарантирует прожиточный минимум для всех членов общества.

В проекте А. Д. Сахарова отмечается, что государство регулирует рынок и следит за соблюдением на нем честных правил конкуренции.

Возобладают те формы, которые в условиях честной, регулируемой правом конкуренции окажутся более производительными, эффективными, конкурентоспособными.

Людям нужно обилие товаров по доступным ценам, достаток, современный высокий уровень жизни, самореализация каждого индивида в процессе труда, чувство социальной защищенности и достоинства, благотворительность для старых, больных, слабых.

Общество должно побеспокоиться о равенстве индивидуальных стартовых возможностей (политических, образовательных и т. п.). Наемный труд, став свободным, исключит «эксплуатацию человека человеком»... Каждого защитят демократические законы, независимые профсоюзы, ассоциированные сограждане, гарантированные условия труда и оплаты, система социального обеспечения.

Проект конституции Сахарова — это конституция подлинно парламентской республики, где верховной властью является не президент, а Съезд народных депутатов «Союза Советских Республик Европы и Азии». Он обладает высшей законодательной властью, избирает правительство, контролирует работу центрального банка и т. д. Иначе говоря, проект конституции Сахарова требовал гарантий демократии.

Что еще следует отметить, рассматривая конституционный проект Андрея Дмитриевича Сахарова? Не все его позиции воспринимаются однозначно. Есть в проекте и спорные соображения, требующие обсуждения, уточнения формулировок, редактирования, дополнения.

Вряд ли можно согласиться с таким пониманием разделения властей, когда вроде бы признаются все ветви — законодательная (Съезд народных депутатов), исполнительная (Совет Министров) и судебная (Верховный Суд), но они, во-первых, объединяются понятием «центрального правительства», а, во-вторых, «назначается» глава государства — президент СССР. Да и саму идею съезда можно отнести к числу устаревших.

Некоторых разделов в проекте нет: о порядке проведения выборов, о способе разрешения возможных конфликтов между двумя

законодательными палатами, о более конкретном механизме и сроках наложения и преодоления президентского вето (ст. 36). Не рассмотрено, в какие сроки и как проходят сессии съезда. Может ли президент и при каких обстоятельствах распустить съезд и назначить досрочные выборы? Есть ли у двух палат постоянные спикеры (председатели)? Каков состав, численность и способы работы президиума съезда, ежели он нужен (ст. 32)? Не рассмотрены условия введения чрезвычайного положения и статус президентского правления в районах стихийных бедствий или конфликтов.

В проекте ничего не сказано о местном самоуправлении. Мало о судостроительстве и вообще не рассмотрена проблема судостроительства (ст. 9, 23, 34). Не легализована полная независимость судебной власти.

Вероятно, и другие аспекты сахаровского проекта конституции породят проблемы, необходимость уточнения. Другие возбудят полемику.

Проект интересен общегуманными концепциями, но не достаточно разработан юридически. По многим положениям проекта с А. Д. Сахаровым можно было поспорить, тем более что он охотно шел на споры и дискуссии, не оставляя своих оппонентов без ответа.

Андрей Дмитриевич Сахаров продолжал работу над текстом конституции буквально до последнего часа своей жизни.

Мы живем сегодня в стране, где принята новая конституция, провозгласившая права человека основой правовой системы вообще, где заложены законодательные основы политической свободы и верховенства права, в стране, где демократические завоевания народа удалось отстоять от попыток вооруженного реванша, где стало нормой свободное слово и где наконец-то намечаются тенденции к общественному согласию и примирению.

САХАРОВ И СОЛЖЕНИЦЫН

«Большой скачок» из однопартийности в партийное половодье, сопровождаемый политико-экономическими и социальными потрясениями, создал у нас на рубеже 80–90-х годов особую обстановку, в условиях которой представителям многочисленных и разнонаправленных противоборствующих сил стало почти невозможно сойтись во мнении о перспективах развития общества.

«Переломное время» почти избавило общество от беспорных общенациональных авторитетов. Исчезли люди, чье слово равносильно и для «патриотов», и для коммунистов, и для демократов. Если есть сомнения на этот счет, пожалуйста, совсем простенький тест: назовите имена соотечественников и современников, которые могли бы беспорно претендовать на эту роль.

Поищите таковых, беспорных, среди политиков, тех, чьи имена и фамилии, преимущественно, в силу частого употребления, у всех на слуху. Попытайтесь выловить подобную «золотую рыбку» в среде видных деятелей культуры и науки, других видных. Та же картина, та же «расфасовка»: подходит правым, устраивает левых, забронирован новоявленными центристами, оккупирован давними радикалами.

А кто же все-таки универсален настолько, чтобы при одном его имени все дружно бы приумолкли в почтительном внимании — политические разногласия уже как бы не в счет, личные вкусы и симпатии уже не так существенны? Кто несет в себе черты всеобщего авторитета, властно склоняющего (и при отсутствии у него высоких постов) наши нашпигованные политическими пристрастиями умы к идее национального согласия? Где они, властители общественных дум масштаба Льва Толстого в давние времена?

Сегодня тема России представлена как бы двумя наиболее значительными линиями. Одна из них в своих истоках восходит к великому гуманисту и правозащитнику академику А. Д. Сахарову с его неизменной верностью общечеловеческим ценностям, идеалам демократии, принципам самоопределения этносов и наций. Другая представлена великим русским писателем, тоже академиком, А. И. Солженицыным. Не ограничиваясь общечеловеческими цен-

ностями, она непосредственно обращена к судьбе России, русского народа, пронизана верой и надеждой на возрождение духовности, гражданственности и государственности на Руси. И оказывается, что общечеловеческие ценности вполне могут сочетаться с национально-государственными интересами России.

Солженицын искал встречи с Сахаровым. Первая их встреча и продолжительная беседа состоялась 26 августа 1968 года на квартире одной из их общих знакомых. И Солженицын, и Сахаров написали в своих мемуарах об этой их первой встрече один на один.

«Я встретился с Сахаровым первый раз в конце августа 68-го года, — писал Солженицын, — тотчас после нашей оккупации Чехословакии и вскоре после выхода его меморандума. Он еще не был выпущен тогда из положения особо секретной и особо охраняемой личности. С первого вида и первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая мягкая улыбка, светлый взгляд, теплогортанный голос... Несмотря на духоту, он был старомодно-заботливо в затынутом галстуке, тугом воротнике, в пиджаке, лишь в ходе беседы расстегнутом, — от своей старомосковской интеллигентской семьи, очевидно, унаследованное. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних, так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Я был, наверное, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а все критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум... Именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! — он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он не настойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался, — а не обиделся ни разу, нисколько — признак большой, щедрой души. Потом мы примерялись, не можем ли как-то выступить насчет Чехословакии, — но не находили, кого бы собрать для сильного выступления: все именитые отказывались поголовно. Кажется, что наша встреча прошла тайно от властей, и я по привычной осторожности еще долго скрывал, что мы познакомились, не выявлял этого внешне никак: такое соединение должно было показаться властям очень опасным».

А вот что писал Сахаров: «... Эта встреча все время откладывалась и наконец произошла 26 августа, в первую «чехословацкую» неделю на квартире одной из моих знакомых... С живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью (почти скороговоркой) необычно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, — он казался жи-

вым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии. В начале встречи, раньше даже, чем я вошел в комнату, Солженицын тщательно занавесил окно, выходящее во двор... Я в основном внимательно слушал, а он говорил — как всегда, страстно и без каких бы то ни было колебаний в оценках и выводах... Он остро сформулировал — в чем он со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя... Запад не заинтересован в нашей демократизации, сам запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить. Наши же вожди — бездушные автоматы, которые вцепились зубами в свою власть и блага, и без кулака они зубов не разожмут. Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина — это единый процесс уничтожения и развращения. Неправильно мечтать о многопартийной системе — нужна беспартийная система, всякая партия — это насилие над убеждениями ее членов ради интересов ее заправил. Неправильно мечтать о научно регулируемом прогрессе. Ученые, инженеры — это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель, без нее любая научная регулировка — самообман, путь к тому, чтобы задохнуться в дыме и гари городов... Я сказал, что в его замечаниях, конечно, много истинного. Но моя статья отражает мои убеждения. Она конструктивна, как мне кажется, — отсюда и некоторые упрощения. Главное, я думаю, — указать на опасности и возможный путь их устранения. Я при этом рассчитываю на добрую волю людей. Я не жду ответа на мою статью сейчас — но я думаю, что она будет влиять на умы».

Андрей Дмитриевич Сахаров и Александр Исаевич Солженицын останутся людьми разных убеждений, разных «партий», но... одной крови, одной культуры, одних понятий о том, что нравственно и что безнравственно. Родившийся в 1918 году близ Ростова, Солженицын был арестован в 1945 году и приговорен к восьми годам лагерей за критику Сталина. После освобождения у него был обнаружен, если верить диагнозу, далеко зашедший рак, над которым он одержал победу. В 1962 году, в краткую пору культурной «оттепели», ему удалось напечатать в журнале «Новый мир» рассказ «Один день Ивана Денисовича». В конце 60-х — начале 70-х годов были изданы — уже только на Западе — и другие его произведения, в том числе романы «Раковый корпус» и «В круге первом». В 1974 году появился, тоже на Западе, «Архипелаг ГУЛАГ», монументальное трехтомное разоблачение советской системы рабского труда, в одиночку добившее остатки западных иллюзий

по поводу коммунистического эксперимента. В 1970 году Солженицыну была присуждена Нобелевская премия, но ему не разрешили поехать за ней в Стокгольм. Находившийся всегда в напряженно-враждебных отношениях с советскими лидерами («Этот хулиган Солженицын распоясался», — сказал о нем как-то Л. И. Брежнев.), Солженицын был, наконец, выслан за границу в 1974 году.

Судьба Солженицына обсуждалась на закрытом заседании Политбюро 7 января 1974 года. Генсек Брежнев предложил «посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на советскую власть». Шеф КГБ Андропов считал, что надо выслать писателя из страны, как это в свое время сделали с Троцким. Против высылки возражали министр иностранных дел Громыко и председатель Совета Министров Косыгин. Последний предлагал отправить Солженицына в Верхоянск, так как «туда никто из зарубежных корреспондентов не поедет». Бурное обсуждение закончилось кратким постановлением, поручившим КГБ немедленно пресечь антисоветскую деятельность Солженицына. Было решено депортировать писателя в Западную Германию. КГБ тайно договорился с властями ФРГ и лично с канцлером Вилли Брандтом. Сценарий выдворения был до мельчайших деталей разработан и детально согласован с немцами. Все специальные постановления бундестага по предоставлению Солженицыну политического убежища были подготовлены заранее. 13 февраля 1974 года семью писателя перевезли из Москвы во Франкфурт-на-Майне.

После высылки из СССР Солженицына Сахаров превратился в главную фигуру не только в движении диссидентов, но и в сводках Пятого управления КГБ. О Сахарове было трудно писать как о «неудачнике», как о человеке, чья неприязнь к Советскому государству имеет «классовые корни», чье социальное происхождение «сомнительно» и т. п. В отличие от Солженицына прошлые заслуги Сахарова перед Советским государством были велики и очевидны.

Он был одним из главных создателей самого мощного оружия нашего государства. Сахарову трижды присуждалось звание Героя Социалистического Труда, он был лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР. Авторитет Сахарова в Академии наук был очень высок. Выслать за границу Сахарова было нельзя, так как он знал устройство атомных и водородных бомб «в деталях», он знал и немало других государственных секретов.

Счастливо избежавший гибели на войне, в лагере, на больничной койке ракового корпуса, Солженицын стал считать себя неким вестником Божиим. В своих «Невидимках», пятом дополнении к книге «Бодался теленок с дубом», написанном еще в 1975 г., но только недавно опубликованном и посвященном отряду «невидимок», которые помогали ему в пору его подпольного писательства, он говорит о том, как писал «Архипелаг ГУЛАГ»: «... это был как бы даже не я, меня несло, моей рукой писало, я был только бойком пружины, сжимавшейся полвека и вот отдающей». Рассказывая в книге «Бодался теленок с дубом» о своих баталиях с советскими бюрократами, ведавшими культурой, он писал: «... я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл привык с тюремных лет ощущать».

Но если его направляла рука Бога, то миссия, которую взял на себя Солженицын по Его воле, заключалась в том, чтобы свидетельствовать от лица своих братьев-зеков, ибо он ссылался на бесчисленных узников ГУЛАГа. В «Теленке» Солженицын говорит, что исполнял «заветы миллионов погибших, тех, кто не дошел, не дохрипел своего на полу лагерного барака». И вот еще: «... лишь из того исходит постоянно, что я — не я, и моя литературная судьба не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошел, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных открытий».

Сам бывший зек, Солженицын отождествляет себя с братьями-узниками. Когда читаешь Солженицына, порой появляется ощущение, что, по страшной морали тоталитаризма, побывать зекком было как бы знаком высочайшего достоинства, тогда как остаться на воле означало, с одной стороны, сказочную удачу, а с другой — некоторую духовную неполноценность.

Для Солженицына зеки были искупительной горсткой выжившей России, а он — их голосом. Но он чувствовал себя выразителем еще одной линии — всей традиции русской литературы.

Работая потаенно, он к пятидесяти годам сумел создать целую литературу — рассказы, романы, поэмы и обширный исторический роман (законченный им уже в Соединенных Штатах). Мельчайшим почерком, не оставляя полей, чтобы не тратить драгоценную бумагу, он строчил что-то на своих фантастических клочках бумаги. В «Невидимках» он описывает свой распорядок дня и режим работы во время работы над «Архипелагом ГУЛАГ». Он вставал в час ночи и работал до девяти часов утра, потом брался

за новую порцию работы, ужинал в 6 вечера, спал с семи до часу и снова начинал работу.

Во время горьковской ссылки и особенно после возвращения из нее в Москву в 1986 году Сахаров отдал немало сил, напряженно работая над проектами переустройства нашего общества. Однако, как мы знаем, его надежды на воплощение своих идей не оправдались. Предлагавшиеся им проекты «Декрета о власти» и «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» не были ни услышаны, ни исполнены. Эти документы были радикальны по отношению к существовавшей системе.

Возвращение Солженицына из Вермонта на Родину произошло спустя 6 лет после сахаровского. Опубликованная за четыре года до этого обширная его статья «Как нам обустроить Россию» была попыткой участвовать в процессе преобразования. Политики проигнорировали ее так же, как и проекты Сахарова. То, что произошло в декабре 1991 года в Беловежской пуще, оказалось противоположным идее Солженицына о государственном союзе на славянской основе.

С именами всемирно известных мыслителей и правозащитников Сахарова и Солженицына некоторые исследователи и публицисты связывают два общественно-политических течения на российской земле — западничество и славянофильство, акцентируя внимание на якобы их взаимовраждебности. В этой связи нельзя не отметить особо, что появление в середине XIX века в России западничества и славянофильства — это у глупых адептов превратилось во вражду, тогда как в духовном плане есть чудесное слово: контрапункт. Контрапункт — это такое столкновение мотивов, лейтмотивов, в результате которого рождается взрыв понимания, взаимопроникновения, взаимообогащения. Чудо возрождения, а не взаимоуничтожение. Западники и славянофилы тогдашние, герценско-аксаковско-киреевско-грановские, — все они выступали в интересах России, которые понимали каждый по-своему. Это была юность, чудесная, идеалистическая. И вдруг снова такая неслыханная концентрация славянофильства, конечно, в Александре Исаевиче, и западничества — конечно, в Андрее Дмитриевиче. Такого еще не бывало. Тут и сила интеллекта — один другому не уступает, и сила духа — один другому не уступает, и сила и красота поступка — великое соревнование, от которого все выигрывают.

В центральных газетах России Сахарова объединяли с Солженицыным и формулировали: «продавшийся и простак» («про-

стак» — это о Сахарове); об академике писали: «Сахаров встал на путь прямого предательства интересов нашей Родины», стал диверсантом, заменившим фашистских карателей и убийц, пошел «на службу иностранным хозяевам».

Солженицын бесконечно высоко ценил Сахарова, который неизменно отвечал ему тем же, но спорить — спорил. Достаточно взять только некоторые вехи: от работы «На возврате дыхания и сознания» (1969–1973), которой Солженицын отозвался на «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», и специальной статьи «Сахаров и его критика «Письма вождям» (1974) до выступления в Японии.

Оставаясь разными и десятилетие, по крайней мере, проведя в напряженном споре, можно, оказывается, глубоко уважать и своего оппонента, и его убеждения. К тому же, глубоко уважая своего оппонента, солидаризируясь с ним в главном, сотрудничая с ним всюду, где только нужда возникнет, можно и должно отстаивать собственный взгляд на страну и мир, собственное понятие о том, куда ж нам плыть.

Рассматривая сегодня устные и печатные выступления Сахарова «послегорьковского» периода, можно убедиться, что Андрей Дмитриевич до конца своих дней продолжал стоять на своем, в том числе и на том, что было обдуманно, что было выверено в споре с Солженицыным.

Он по-прежнему был убежден в приорите интересов личности перед интересами нации и государства. Солженицыну же ближе мысль о первенствующей роли «нации, личности в личностной иерархии христианского космоса».

Сахаров был убежден, что только конвергенция, сближение даст перспективу странам с разным историческим опытом и социальным укладом. Солженицын же отстаивал мысль, что «... перспектива конвергенции довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? Безнравственное общество!» — утверждал он. Какая может быть конвергенция, когда социализм доказал свою нежизнеспособность? Да и капитализма, по существу, нет в классическом виде.

Сахаров высказывался за первоочередную необходимость развития в стране практики многопартийной парламентской демократии. На других позициях стоял Солженицын: «... сегодня меньше, чем все минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны».

Сахаров включил в проект конституции мечты о «мировом правительстве». Солженицын же писал: «Какое может быть мировое правительство, если Объединенные Нации — балаган, просто балаган...» Сахаров отстаивал положение о том, что надежным гарантом гражданских прав и свобод могло бы стать право на эмиграцию, т. е. на свободный выбор страны проживания. Солженицын по этому вопросу сказал: «А я считаю, что это 35-е право человека».

Постоянный прогресс — это здоровый путь или гибельный? Для Сахарова прогресс всегда был богом. А в солженицынских рассуждениях, начиная с «Письма вождям», есть мысль об опасности безудержного прогресса. И разве развитие общества, сопровождающееся экологическими катастрофами, не подтверждает эту мысль, не показывает, что человечество должно избрать другую модель развития?

По-разному отреагировали А. Д. Сахаров и А. И. Солженицын на процессы, начатые перестройкой. А. И. Солженицын замолчал, наложил запрет на обнародование в СССР своей публицистики, вероятно, и в самом деле опасаясь, что слово его «может быть подхвачено мутным потоком и послужит не миру, а раздору». А. Д. Сахаров, едва это только стало возможным, ринулся в самое половодье политической жизни — для того, чтобы своим авторитетом, своим словом и деятельным участием усилить те позиции, которые полагал верными.

Солженицын — трагическая фигура. Подобно Сахарову, он стал объектом политических спекуляций. Сахарова нет, он уже не может возразить тем, кто использует его имя для своих целей. Солженицын жив. Теперь он открыл всем главную тайну своей жизни. Этот человек живет Россией, дышит ею, присутствует в ней. Он долго молчал, внимательно следя за тем, что происходит в стране. Он долго подбирал слова для обращения к своим соотечественникам. Он желал помочь. Его помощи ждали. И вот он высказался — в центральных газетах в 1990 году был опубликован его труд «Как нам обустроить Россию». Главная мысль: призыв к народу отказаться от претензий на особую миссию в истории. Заняться собственными проблемами. Вернуться в цивилизацию. Обойтись без этих бесконечных войн, ибо имперская идея самореализации за счет расширения территорий себя исчерпала.

Он стремится перевести анализ нашего положения на достоверную историческую основу. Если мы говорим, что коммунистический эксперимент не удался, что сама попытка построения этого

утопического государства оказалась несостоятельной, тогда надо вернуться к истокам. У него очень тонкое ощущение опасности срыва в хаос. Он напоминает о важном: да, необходимы перемены, но готовы ли мы к ним?

Солженицын глубоко чувствует русскую жизнь. У него ясное ощущение болезни, переживаемой обществом, и ясное понимание того, какими средствами эту болезнь лечить нельзя. Стране противопоставлены методы 1917 года, он предостерегает от утопических иллюзий и бесовщины радикализма. В некоторых своих рассуждениях он архаичен. Но ведь он не навязывает своего мнения. Он не план спасения России предлагает читателям, а усиленные соображения свои. Он слишком хорошо понимает всю катастрофичность нашего положения и знает, что никаких таких планов в природе нет. Это трагедия России, что она заставляет художников заниматься сочинением экономических программ.

Дискуссию между Солженицыным и Сахаровым надо бы опубликовать, она сегодня очень современна, совершенно не устарела, все тот же вопрос: по какому пути идти сегодня России?

В этой дискуссии речь шла о таких вопросах, как мировоззрение, которое имело болезненное влияние на историю нашей страны, был ли это марксизм и коммунизм вообще или сталинизм как некоторое его искажение. И о том, может ли наша страна копировать западный путь развития, является ли западная демократия единственной формой, приемлемой в будущем для нашей страны.

Это было в начале 70-х годов. И тогда иностранная пресса потрясала своей способностью мыслить штампами. Она выработала штамп: «Мы здесь видим великих людей. Один из них — поэт, он поэтически подходит к жизни, а другой — аналитически мыслящий ученый». Это было абсолютно не так. По крайней мере, Солженицын в этой работе проявил очень четкий, аналитический, ясный ум и прекрасное умение формулировать. Это качество у него от занятий математикой, ведь он закончил математический факультет.

Давайте, пока не поздно, поймем: Сахаров и Солженицын — это два человека, которые символизируют двуединую душу России, ее двукорневую систему — и западную, и восточную. Достоевский повторял: родины у русских две — Россия и Европа. Только на двух крыльях мы и можем взлететь или навсегда останемся калеками.

Безусловно, Солженицын агрессивен. Сахаров терпим. У Солженицына другой темперамент. Другой стиль. Сахаров интернаци-

онален. Известно, что в науке много евреев. Сахаров работал в их окружении и не делил людей по национальному признаку. Для него были люди честные и нечестные, талантливые и бездарные, благородные и подлые. А уж кто ты при этом — еврей, или татарин, или русский — не важно. Человек ведь не сам себе выбирает национальность. В этом вопросе от него ничего не зависит, и гордиться лишь тем, что ты — русский, все равно, как гордиться тем, что ты родился во вторник. Какая твоя личная в этом заслуга?

Отношения между А. Д. Сахаровым и А. И. Солженицыным точнее, лучшего всего могут быть определены таким музыкальным термином, как контрапункт. Ведь контрапункт в музыке — это такое столкновение разных мелодий, тем, которое не убивает, а проясняет, высвечивает эти мелодии, эти темы, а в итоге — совершенно новая гармония.

Среди моих сверстников были Сахаров и Солженицын. Но лучшая часть этого поколения погибла на войне и в лагерях, остальная — до печенки была отравлена страхом.

ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Дед Андрея Дмитриевича, Иван Николаевич Сахаров, в начале века редактировал сборник «Против смертной казни». И как бы в продолжение этой традиции в 1972 году академиком Сахаровым было организовано коллективное письмо за отмену смертной казни. «Убивший человека убивает Вселенную, спасший человека — спасает Вселенную». Эта древняя мудрость была для ученого частью его существа.

В XVIII веке императрица Елизавета впервые отменила смертную казнь в России, но сегодня каждый третий казненный в мире — наш соотечественник.

Пренебрежение отдельной человеческой жизнью — основа любой тоталитарной идеологии. Ценность человеческой жизни в нашей стране, так долго прожившей при тоталитарном строе, к сожалению, отсутствует. Нам в наследство от тоталитаризма остались жесточенность общества, правовая безграмотность и пренебрежение чиновников к проблемам простого человека.

Недавно вышла книга «Когда убивает государство». Книга, посвященная проблеме смертной казни в современном мире, содержит статистику по 180 странам, заключение научных исследований, личные свидетельства.

Уже весной 1999 года число стран, отказавшихся от смертной казни, впервые заметно превысило число стран, где практика ее применения еще сохранилась. К апрелю 1999 года 108 стран юридически (83) или де-факто (25) отказались от смертной казни; 87 стран сохранили эту меру в законе и на практике. В декабре 1998 года мораторий на исполнение смертных приговоров объявили даже те страны, которые еще накануне были намерены сохранить смертную казнь (Киргизия) или же расширить сферу ее применения в борьбе с наркобизнесом (например, Туркменистан, где только в 1996 году за такого рода преступления были казнены 132 осужденных). В конце 1998 года от этой меры полностью отказались Болгария, Литва, Эстония, Азербайджан; в 1999 — Латвия, Грузия и Армения.

Смертная казнь — самая политизированная мера государственного принуждения. В силу этого те или иные политические решения чаще всего не согласуются ни с криминальной ситуацией, ни с историческим опытом, ни с криминологическими идеями.

Для оправдания смертной казни используются три довода. Первый апеллирует к чувству мести и справедливости. Выражение «убить мало» весьма расхожее. Нельзя же оставлять в живых человека, который, например, убивал женщин и детей, пытал и насиловал. Второй аргумент обращен к целесообразности. Жестоких преступников надо уничтожать: они, скорее всего, неисправимы. Третье обоснование смертной казни из области педагогики: чтоб другим было неповадно.

В двадцатом веке Россия и Советский Союз несколько раз отменяли смертную казнь. И всякий раз ее возвращали, но куда в более крутой, радикальной форме.

Как бы ни относиться к этому виду наказаний, но нельзя забывать, считал А. Д. Сахаров, что в сегодняшних условиях правосудия «ошибки» не только неизбежны, но просто запрограммированы в значительном числе. И отнюдь не только по причине соответствующего подбора судебных кадров, доставшихся от «застоя». Самой системой тоже. Хотя и принято новое законодательство о судопроизводстве, в котором учреждены, наконец, суды присяжных с передачей в их рассмотрение всех дел, по которым может быть вынесен смертный приговор. Но пока все это на бумаге.

Поэтому независимо от того, останется смертная казнь в нашем законодательстве или нет, надо остановить исполнение всех уже вынесенных смертных приговоров, во всяком случае, до начала работы судов присяжных, которые, как мы все надеемся, будут более объективными. По всей вероятности, часть вынесенных смертных приговоров будет этими судами оспорена. Предлагаемый мораторий, по мнению авторов письма за отмену смертной казни, не только предотвратит не одну трагедию, но и поднимет общий уровень уважения к человеческой жизни. Он повысит и доверие к юстиции. Расстрелять человека всегда успеют, а исправить судебную ошибку, закончившуюся пулей в затылок, уже невозможно.

Трудно верить нашей юстиции, если не наказаны в большинстве своем сталинские палачи, если бессудной горьковской ссылкой А. Д. Сахарова до сих пор так и не дано никакой официальной юридической оценки. Если виновники секретности вокруг истинных масштабов чернобыльской трагедии не осуждены. И если пра-

возащитников 60–80-х годов наша юстиция не оправдала, а лишь помиловала (и то не всех).

Необходимость моратория на исполнение казней бесспорна. Теперь несколько слов о смертной казни в принципе.

Многие считают, что она сдерживает преступность. Это не так: статистика стран, где смертная казнь отменялась или вводилась вновь, показывает, что она не влияет на преступность. Куда больше удерживает от преступления осознание того, что его раскроют.

В СССР судей толкала на вынесение смертного приговора еще и невозможность изолировать преступника на срок более 15 лет. Когда вводили этот потолок, то делали это, чтобы продемонстрировать, что наша судебная система — самая гуманная в мире. Но, как и во многих других случаях, подобный «гуманизм» оборачивался бесчеловечностью — как для жертв преступников, которые выходили на свободу, так сказать, «еще в соку», так и для жертв судебных ошибок и махинаций.

Конечно, в случае референдума по смертной казни, она «победит». Впрочем, если бы Христос, Моисей или Будда выносили свои заповеди на всенародное обсуждение, то мы и сегодня оставались бы на уровне каменного века.

Не случайно, что в странах, где смертная казнь отменена, значительная доля населения — за ее введение, а избранные этим же населением парламенты — против.

Проблему отмены смертной казни не раз поднимали виднейшие деятели культуры всего человечества и России, но они всегда оставались в меньшинстве. Среди них Владимир Сергеевич Соловьев, который называл смертную казнь диким обычаем. Сергей Николаевич Булгаков начал свою статью о смертной казни так: «Всякое убийство есть дело ненависти. Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство — убийство ради убийства». Николай Степанович Таганцев, выдающийся русский криминалист, в Государственном совете 27 июня 1906 года при обсуждении законопроекта об отмене смертной казни в России сказал: «Я сорок лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и, при известных условиях, несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне перед вами, защищая законопроект

об отмене смертной казни». Его речь до сего времени так же актуальна, как и в начале века.

Против смертной казни выступали Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. Гюго, В. Г. Короленко, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, Дж. Оруэлл, А. Камю — те, кем по праву гордится человечество. Коретта Кинг, вдова Мартина Лютера Кинга, не изменила своего абсолютного неприятия смертной казни и после того, как ее муж и свекровь были убиты. «Как человек, чей муж и свекровь стали жертвами убийства, я твердо и безоговорочно выступаю против казни тех, кто совершает преступления, наказуемые смертью... Зла не исправить злом, совершаемым как акт возмездия. Справедливость никогда не вершится лишением жизни человека. Мораль не упрочить санкционированным убийством».

Среди противников смертной казни можно назвать грузинского патриарха Илию II, покойного основателя Академии МВД С. Б. Крылова, президента Чехословакии В. Гавела (он, пострадавший от тоталитарного режима, выступал с осуждением казни Н. Чаушеску).

А. Д. Сахаров, знакомый с жизнью не понаслышке, один из пунктов своей предвыборной программы так и сформулировал: отмена смертной казни. Недавно Е. Г. Боннэр предложила создать у нас в стране общество борьбы против смертной казни. Она высказала пожелание, чтобы это общество носило имя Андрея Дмитриевича Сахарова, ибо отмена смертной казни — не просто одно из пожеланий ученого, а стержневая идея всей его общественной деятельности.

Андрей Дмитриевич писал об этой проблеме:

«Государство в лице своих функционеров, которые, подобно всем людям, склонны к поверхностным выводам и, подобно всем людям, подвержены влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентристским мотивациям в поведении, присваивает себе право на совершение самого непоправимого акта — лишать жизни. Такое государство не может ожидать улучшения моральной атмосферы в стране. Я отвергаю идею о том, что смертная казнь оказывает сколько-нибудь существенное сдерживающее воздействие на потенциальных преступников. Я убежден, что истиной является противоположное — дикость порождает только дикость».

В случае терроризма «смертная казнь является только катализатором более массового психоза беззакония, мести и жестокости».

«Я выступал и выступаю, — писал Сахаров, — против смертной казни (и не только в СССР) еще и потому, что эта мера наказа-

ния предусматривает наличие постоянного страшного аппарата исполнителей, целого института смертной казни».

Сахаров собирал подписи писателей и ученых под обращением об отмене смертной казни. Он не надеялся на немедленное действие обращения, но собирал подписи под ним, «чтобы не дать нашей интеллигенции совсем скурвиться». Последнее слово, произнесенное им со старомодным грассированием, в его устах не звучало грубо: просто он называл вещи своими именами, как ему это было свойственно и в науке, и в гражданском поведении.

В бытность Н. С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС к Алексею Аджубею в «Известия» пришел взволнованный А. Д. Сахаров: «Алексей Иванович! В отношении подпольного миллионера Рокотова решено дать обратную силу закона — применить смертную казнь (к этому времени отмененную). Скажите Хрущеву, что этого допускать нельзя!»

Он требовал от Аджубея почти невозможного. На людях Никита Сергеевич мог выглядеть веселым, бурлескным. А на самом деле это был очень резкий, сухой человек. Они все у Сталина были такими. Ни в домашней обстановке, ни в ЦК, куда Аджубея вызывали редактировать документы, перед ним нельзя было поставить вопросы своего ведомства или другие, не относящиеся к делу. Это не было принято!

Но тут Алексей Иванович решился поговорить с Хрущевым. Когда Аджубей докладывал Хрущеву какой-то документ, он сказал: «Никита Сергеевич, хочу заметить, что очень негативно воспринято решение о смертной казни. У меня был Сахаров...» Хрущев напрягся и говорит: «А вы побеседуйте с Лебедевым» (помощник Н. С. Хрущева. — А. И.). Аджубей оторопел: «Неужели нет писем, в которых сказано, что нельзя этого делать?» — «Очень мало. Правосудие толпы, что вы хотите?»

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Это был один из первых гражданских поступков А. Д. Сахарова. 24 июня 1964 года на высшем научном форуме страны — заседании в Академии наук СССР — он открыто бросил вызов лысенковщине, которая годами как проклятье висела над советской наукой.

Торжество лысенковщины означало на практике фактический разгром генетики. Этот разгром был одной из сталинских акций в науке, за которой скоро начались другие: в физиологии, языкознании, политэкономии.

Незадолго перед этим в ЦК КПСС поступило письмо, подписанное А. Д. Сахаровым и многими учеными, в котором указывалось на катастрофическое отставание советской биологии, явившееся результатом засилья антинаучных установок бывшего в 1938–1956 и в 1961–1962 годах президентом ВАСХНИЛ академика Т. Д. Лысенко. Авторы письма высказывались за предоставление возможности развития научных разработок в области генетики. «Наука неделима, — писали ученые. — Гонение одной дисциплины заражает ядом всю науку».

Т. Д. Лысенко и его сторонники пользовались большой поддержкой официальных кругов. Так, Н. С. Хрущев принимал всерьез обещания Лысенко создать условия для невиданного подъема колхозно-совхозного производства, повышения урожайности, роста животноводства и т. д.

Следует напомнить, что письмо ученых появилось в своеобразной обстановке, когда в 1961 году в новую программу КПСС уже был внесен специальный пункт: «Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира». В 1963 году в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР отмечалось, что «советские биологи мичуринского направления достигли больших успехов и занимают ведущее место в мире...». В феврале 1964 года, выступая на пленуме ЦК, Хрущев призывал учиться у таких ученых, как Лысенко.

По всей стране лысенковцы занимали руководящие посты в биологии. Уверенные в своей силе, они выдвинули в 1964 году в академики члена-корреспондента АН СССР Н. И. Нуждина, который слыл специалистом по «разоблачению» и преследованию советских ученых (среди пострадавших были такие выдающиеся биологи, как Н. К. Кольцов и Л. С. Берг). При голосовании кандидатуры в академики в Отделении биологии АН СССР сработало лысенковское большинство. На этом этапе Нуждин прошел (получив 4 голоса «за» и 2 «против»). Однако кандидатура члена-корреспондента Н. И. Нуждина встретила решительное возражение, когда перешли к ее обсуждению на общем собрании Академии наук СССР. Академики В. А. Энгельгардт и И. Е. Тамм полагали, что в лице Нуждина Академия не получит ученого высокого ранга, способного идти новыми путями.

Энгельгардт говорил о том, что за последние годы в журналах не появилось ни одной статьи Нуждина, в работах других авторов нет ссылок на его труды, нет благодарности ему за советы или обсуждения. Это значит, что сам он не работал, учеников не имел и на развитие науки не влиял. Кроме того, докторскую диссертацию он защитил по формальной генетике, а в члены-корреспонденты избран за работы по мичуринской биологии. По-видимому, в академики он выдвинут по совокупности этих исключаящих друг друга работ. Исходя из этих соображений Энгельгардт заявил, что будет голосовать против Нуждина.

Принципиально иной характер носило выступление в те годы «засекреченного» академика Сахарова.

Приводим текст выступления Сахарова по стенограмме:

«Я очень кратко выступлю. Все мы признаем, что научная репутация академика советской Академии наук должна быть безупречной. И вот, выступая по кандидатуре Нуждина, мы должны внимательно подойти к этому вопросу. В том документе, который нам выдан, есть такие слова: «Много внимания уделяет Н. И. Нуждин таким вопросам, как борьба с антимичуринскими извращениями в биологической науке, он постоянно выступает с критикой различных идеалистических теорий в области учения о наследственности и изменчивости. Его общепублицистические труды, связанные с дальнейшим развитием материалистического учения И. В. Мичурина и других корифеев биологической науки, широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом». Дело научной совести каждого из тех академиков, которые будут голосовать, как понимать — какое реальное содержание скрывается за этой

борьбой с антимичуринскими извращениями, философскими трудами других корифеев биологической науки и т. д.

Что касается меня, то я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нужиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются». (*Аплодисменты.*)

Значение речи А. Д. Сахарова состояло в том, что она не сводилась к отзыву о научной компетенции Нуждина. В первый раз в Академии раздалось обвинение Лысенко и его сторонников в ответственности за скандальное положение дел в советской биологии и указание на то, что голосующие «за» разделяют эту ответственность.

Сахаров упомянул тогда в своей речи о тысячах генетиков, которых сняли с работы, о том, что многие из них подвергались преследованиям. А закончил Андрей Дмитриевич свою речь так: «Пусть за Нуждина голосуют те, у кого руки обгажены кровью советской биологии». Этих слов в самой стенограмме нет. В связи с этим возникает подозрение, что она «смягчена». Не приведены самые резкие его высказывания.

Наконец, сошлемся на высказывание самого Сахарова, сделанное им 8 июля 1988 года в беседе с известным физиком Б. Л. Альтшулером: «В стенограмме моего выступления отсутствуют фразы, расшифровывающие, в чем состоят позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, а именно о развале советской генетики и физическом уничтожении ученых».

Лысенко с места попросил слова. Председательствующий (президент АН СССР М. В. Келдыш) ответил, что следующим записан академик Тамм, а после него слово будет предоставлено Лысенко.

Когда Сахаров вернулся на свое место, то обнаружил, что сидит недалеко от Лысенко. До этого он его в лицо не знал. Так вот, пока выступал Тамм, а Лысенко ждал своей очереди, он несколько раз произнес: «Уголовное дело!»

Продолжим цитировать стенограмму общего собрания.

Академик Т. Д. Лысенко. Товарищи! Я хочу заявить, что, как каждому здравомыслящему человеку, здесь сидящему, мне кажется, ясно, что в основе образовавшейся сейчас дискуссии имеются совсем не научные основания. Я, Мстислав Всеволодович, выражаю категорический протест против приписывания академиком Сахаровым каких-то позорных явлений, виновником которых

были якобы академик Лысенко и Нуждин. Это клевета! Я заявляю категорический протест, что президиум это допускает и не прервал оратора. Или предъявите обвинение!... Я человек честный и никому никогда... (*Шум в зале.*) Здесь речь идет не о науке. Я требую: предъявите мне тогда обоснованные обвинения, требую от президиума. Клеветники всегда найдутся.

Академик М. В. Келдыш. Мне кажется, не было бы уместным, если бы мы здесь открыли какую-то дискуссию по вопросам развития биологии. И с этой точки зрения я бы считал, что выступление академика Сахарова является нетактичным...

Академик Т. Д. Лысенко. Не нетактичным, а клеветническим! А президиум...

Академик М. В. Келдыш. Трофим Денисович, почему президиум должен в чем-то оправдываться? Это выступление академика Сахарова, а не президиума, оно не поддерживается, по крайней мере, мною — я не знаю, как президиум, но думаю, что и президиум не поддержит, потому что и президиум обсуждал то решение, которое было принято Центральным Комитетом и Советом Министров по биологии, и будет вести работу в духе этого решения.

Я думаю, что мы, если есть такое заявление Трофима Денисовича, можем обсудить тот инцидент, который произошел, но сейчас для этого не время. Я считаю, что нам сейчас нужно сосредоточиться на обсуждении кандидатур. Какие будут еще соображения?

Академик Т. Д. Лысенко. По крайней мере, не собрание, но президиум-то разделяет клеветническое заявление Сахарова или нет? Вы сказали, что вы не разделяете. А президиум?

Академик М. В. Келдыш. Этот вопрос специально президиум не обсуждал. Но точку зрения президиума я высказал: президиум считает нужным вести работу в духе постановления Центрального Комитета партии и Совета Министров, которое вам хорошо известно, Трофим Денисович.

Академик Т. Д. Лысенко. Не об этом речь идет, а о каких-то позорных явлениях, которые мне приписывают!

Академик М. В. Келдыш. Я сказал, что не разделяю, и думаю, что президиум тоже не разделяет.

Однако Лысенко не примирило уверение в том, что президент Академии наук и президиум собрания не разделяют сахаровской оценки. Лысенко апеллировал к главному ученому секретарю Академии академику Н. М. Сисакяну. Приведа цитату из речи Сахарова, он писал: «Лично меня, отдавшего всю свою жизнь развитию

прогрессивного мичуринского направления в биологии на протяжении всей моей научной деятельности, в каких только грехах не обвиняют... До сих пор эту клевету распространяли, хотя и в широком масштабе, но, так сказать, неофициально, как говорится, за углами. АН СССР как организация официально к этому делу была непричастна. Теперь же с голословным обвинением выступили уже на сессии АН СССР».

Нуждин не прошел. Результаты голосования: «приняли участие 137 академиков: «за» было 23, остальные — «против». Поскольку партгруппа общего собрания насчитывала примерно 89–90 человек, то получается, что и она голосовала вопреки своему же решению.

Речь Сахарова сыграла решающую роль. Это было его первое гражданское выступление, которое можно расценить как начало борьбы против попрания правды, чести и совести. Оно интересно и в другом отношении. «Тогда впервые, — вспоминал впоследствии Андрей Дмитриевич, — мое имя появилось в советской прессе в статье президента Академии сельскохозяйственных наук, содержащей самые беспардонные нападки на меня».

Андрей Дмитриевич имел в виду статью М. А. Ольшанского (президента ВАСХНИЛ в 1962–1965 годах) «Против дезинформации и клеветы» (*Сельская жизнь*. 1964. 29 авг.), в которой среди прочего были и такие слова: «... На одном из собраний Академии наук СССР академик А. Д. Сахаров, инженер по специальности, допустил в своем публичном выступлении весьма далекий от науки оскорбительный выпад против ученых-мичуринцев в стиле подметных писем...»

Кроме того, как президент ВАСХНИЛ, М. А. Ольшанский обратился непосредственно к Н. С. Хрущеву со специальным письмом.

*«Центральный Комитет КПСС
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу.*

В связи с выступлением академика А. Д. Сахарова на сессии Академии наук СССР считаю своим долгом довести до Вашего сведения о следующем.

Да, действительно, селекционер В. Н. Ремесло и генетик Н. И. Нуждин не были избраны в Академию наук СССР по той причине, что они разделяют в биологии направление, развиваемое академиком Т. Д. Лысенко...

... А. Д. Сахаров в своем выступлении возвел на Н. И. Нуждина и Т. Д. Лысенко чудовищную клевету политического харак-

тера. Это и определило провал кандидатуры Н. И. Нуждина на выборах... Ни председательствующий на сессии, ни члены президиума, ни кто-либо из членов Академии не отмежевался от этого грубого политического обвинения, наоборот, многие члены Академии проводили А. Д. Сахарова с трибуны аплодисментами.

... Президиум отмежевался от формы, но не от существа выступления академика Сахарова.

Лысенко угнетен и обескуражен. Ни один голос на сессии Академии не раздался в его защиту, он вынужден был сам заявить на сессии Академии, что он не преступник, что он честный человек. Где же найти защиту от гнусной, оскорбительной, с грязью смешивающей достоинство советского человека клеветы?... Это честнейший человек и великий ученый. Нужно защищать Т. Д. Лысенко от потока грязной клеветы. Это послужит также защите прогрессивной материалистической биологии, молодые ростки которой нынче топчутся разными способами, теперь уже на уровне сессии Академии наук — высшего научного учреждения Советского Союза».

По существу, это письмо — политический донос. По свидетельству известного биолога Ж. А. Медведева, узнав о провале Нуждина, Хрущев припугнул Академию наук. Рассказывали, что Хрущев матюгался и стучал кулаком по столу: «Не нужна там такая Академия! Разгоним!»

Смелая речь А. Д. Сахарова предстает во всем ее значении на фоне обстановки в нашей стране того времени.

Сахарову в то время было всего 43 года, он был одет в спортивный костюм, и секретарь ЦК КПСС по проблемам идеологии Л. Ф. Ильичев, который сам лишь недавно был избран академиком и сидел в президиуме собрания, подошел во время выступления Андрея Дмитриевича к М. В. Келдышу и спросил: «Что это за наглый молодой человек выступает?» — «Это создатель советской водородной бомбы академик Сахаров, трижды Герой Социалистического Труда», — ответил Келдыш. После такой справки Ильичев счел за лучшее промолчать.

ПРАВДА ЛИ ЭТО?

Война в Афганистане была проиграна еще перед тем, как она началась.

В последних числах декабря 1979 года, как было сказано в официальном сообщении, контингент советских войск с целью оказания интернациональной помощи был введен на территорию соседнего с СССР Афганистана. О подробностях принятия решения и подготовки этой акции знал тогда самый узкий круг высшего руководства, хотя ее последствия предвидеть не мог, кажется, никто.

Введение войск в Афганистан взволновало всю страну. Многие выражали возмущение этим актом.

В первые же после ввода войск дни бесстрашно прозвучал голос протеста академика А. Д. Сахарова, который трижды выступал с заявлениями, а также организовал пресс-конференцию, где осудил эту акцию и призвал советских руководителей вернуть войска из Афганистана.

Одновременно с этим он обратился к Л. И. Брежневу с письмом следующего содержания.

Открытое письмо

Президиуму Верховного Совета СССР,
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Л. И. Брежневу

Копии этого письма я адресу

Генеральному секретарю ООН и
главам государств —
постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в

мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами...

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наиболее важному для страны вопросу. В СССР без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

Академик Сахаров.

Протест ученого был оставлен без внимания, а в отношении А. Д. Сахарова начались меры «воздействия».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года ученый был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда и всех наград. Дряхлый, с трудом подбирающий слова

генсек, обожающий всякие «цапки», которые он самозабвенно вешал себе на грудь, не мог даже представить, что есть человек, для которого ордена и звания много ниже сознания честно выполненного долга.

Свое отношение к афганской трагедии академик Сахаров не уставал выражать до последних дней жизни. В этой связи нельзя не вспомнить о шуме в средствах массовой информации, а также на Съезде народных депутатов, который вызвало летом 1989 года интервью ученого канадской газете «Оттава ситизен». В нем он сообщил, что во время афганской войны с советских вертолетов расстреливали попавших в окружение своих же солдат, чтобы те не могли сдать в плен.

Вот несколько фрагментов из заседания сессии Съезда народных депутатов 2 июня 1989 года.

На трибуне первый секретарь Черкасского горкома комсомола Украины, депутат от ВЛКСМ Сергей Червонопиский. Он говорит о комсомольских проблемах, потом об афганской войне, участником которой он был и где стал калекой, о «лихих ребятах» из телепередачи «Взгляд», и только тут Червонопиский переходит к главному. Оно целиком посвящено А. Д. Сахарову. Он зачитывает обращение в президиум Съезда группы офицеров воздушно-десантных войск: «Мы до глубины души возмущены этой безответственной, провокационной выходкой известного ученого и расцениваем его безличностное обвинение как злонамеренный выпад против Советских Вооруженных Сил. Рассматриваем их дискредитацию как очередную попытку разорвать священное единство армии, народа и партии. Мы восприняли это как унижение чести и достоинства, памяти тех сыновей своей Родины, которые...» и т. д.

Прочитанное Червонописким обращение не раз прерывается громовыми овациями в зале съезда.

Сахаров поднимается со своего места, он растерян. Идет к трибуне. Начинает говорить, но успевает сказать три слова:

«Я меньше всего... (В зале шум, съездовская стенограмма это фиксирует.) ... желал оскорбить Советскую Армию...» Он говорит медленно, паузы между словами больше обычного: «Я глубоко уважаю Советскую Армию, советского солдата, который защищал нашу Родину в Великой Отечественной войне. Но когда речь идет об афганской войне, то я опять же не оскорбляю того солдата, который пролил там кровь и героически выполнял приказ...»

Трудно спорить с калекой, который изувечен в Афганистане.

«Не об этом идет речь. Речь идет о том, что сама война в Афганистане была преступной авантюрой, предпринятой неизвестно кем, и неизвестно, кто несет ответственность за это огромное преступление перед Родиной. Это преступление стоило жизни почти миллиону афганцев, против целого народа велась война на уничтожение, миллион человек погибли. И это то, что на нас лежит страшным грехом, страшным упреком. Мы должны смыть с себя именно этот позор, который лежит на нашем руководстве, вопреки народу, вопреки армии, совершившем этот акт агрессии. То, что я хочу сказать... (Шум в зале.) Я выступал против введения советских войск в Афганистан и за это был сослан в Горький. (Шум в зале.) Именно это послужило главной причиной, и я горжусь ссылкой в Горький как наградой, которую я получил...»

Сахарова не слушают. Ему дают договорить, чтобы вслед за тем попытаться добить...

«Это первое, что я хотел сказать. А второе... Тема интервью была вовсе не та, я это уже разъяснил в «Комсомольской правде»....

С трибуны Андрей Дмитриевич уходил понурый.

... Один за другим поднимались ораторы: полковник Очаров, преподаватель профтехучилища Якушкин, начальник Генштаба в период афганской войны маршал С. Ф. Ахромеев, бригадир совхоза Кравченко, директор совхоза Поликарпов...

Последней выступала на дневном заседании съезда учительница из Ташкентской области Казакова. Она говорила: «Товарищ академик! Вы своим одним поступком перечеркнули всю свою деятельность. Вы нанесли оскорбление всей армии, всему народу, всем нашим павшим, которые отдали свою жизнь, и я высказываю всеобщее презрение Вам. Стыдно должно быть!» (Аплодисменты.)

Когда шельмовали академика с мировым именем, в зале никто не встал на его защиту. Он стоял один на трибуне против ревушей толпы депутатов, а сзади окрикивал этого пожилого умного человека Горбачев. Он так и остался один, несломленным, этот действительно святой человек.

Агрессивно-послушное большинство, ополчившееся на съезде депутатов против академика Сахарова, состояло не столько из твердокаменных коммунистов, сколько из опарашенных его словами «простых советских людей». Они не могли представить себе, как можно говорить о том, что в Афганистане, возможно, расстреливали советских солдат, чтобы те не попали в плен к моджахедам.

Только после перерыва этнограф Евдокия Гаер и философ Юрий Карякин ответили и за часть присутствующих в зале, и за самого Сахарова.

Юрий Федорович Карякин в своей речи поблагодарил за окончание афганской войны Горбачева и — в самом конце, на тот случай, если бы стали топтать и свистеть, чтобы не успели помешать договорить — Андрея Дмитриевича Сахарова. Но Карякина не прервали.

Запомнилась маленькая, отважная Евдокия Гаер, ей уже аплодировали, она вызывала сочувствие. Время, собравшееся было маршировать назад, как бы одумалось и, словно нехотя, двинулось вперед...

Сахаров уже имел такой опыт коллективной травли. Для него всегда самым главным было сознание собственной правоты. В тот же день Елена Георгиевна Боннэр, беспокоясь за него, спросила: «Может, не поедешь на вечернее заседание?» «Я что, убил кого?» — удивленно ответил Андрей Дмитриевич. Он, конечно, понимал, что эта травля на съезде организована теми, кто как раз и несет ответственность за афганскую войну.

Большинство присутствовавших в зале заседания и за его стенами готово было затоптать этого упрямого и абсолютно непонятого человека и потому раздражающего это большинство. Корни этой убийственной агрессивности набирали силу в молотилке сталинской коллективизации, в безысходности ГУЛАГа, в поголовном физическом истреблении личностей. Система такого социализма вышибала из людей малейшее проявление духовности.

Но, может быть, зал в чем-то был прав? Ведь Сахаров не привел никаких фактов, а только сослался на некоторые сообщения западных информационных агентств, относящиеся к первым годам афганской войны. Но ведь только это Сахаров и сказал в интервью канадской газете «Оттава ситизен» — что есть сообщения о якобы имевших место «мерах по предотвращению пленения» и что все это необходимо расследовать. Как он мог поступить, узнав о сообщениях такого рода? Проигнорировать и забыть? Молчать он не мог.

Участники обструкции забыли, а большей частью и не знали, что Сахаров был первым в нашей стране, кто осмелился подать свой голос против войны в Афганистане. За это его выслали в Горький. Все же дезинформация — тоже немалая сила.

Обструкция произвела удручающее впечатление своей несправедливостью. На следующий день в кулуарах съезда можно было заметить смущение, люди как бы опомнились, многие чувствовали себя виноватыми. Сахаров продолжал выступать как ни в чем не бывало. Похоже, что на него несколько не подействовала эта обструкция.

Многие опасались: как он перенесет такое, не случится ли с ним что-нибудь?

Член-корреспондент АН СССР Е. Л. Фейнберг позвонил ему на квартиру. Подошла Елена Георгиевна. Спросил: «Как он?» «А ничего, — ответила она, — сидит, пишет свое выступление, которое прервали».

Для Сахарова сознание своей внутренней правоты всегда было главным. То, что он делал, — не для славы, не для того, чтобы занять какое-либо видное место. Он поступал так, как диктовала ему его совесть.

Когда в Москву поступили экземпляры канадской газеты «Оттава ситизен», то можно было прочитать отчет о пресс-конференции академика А. Д. Сахарова и его жены Е. Г. Боннэр в Канаде, где в числе прочего было заявлено, что в ходе боевых действий в Афганистане советские вертолеты неоднократно открывали огонь по окруженным советским солдатам во избежание их сдачи в плен.

А. Д. Сахарова спросили на пресс-конференции о том, будет ли он разговаривать о судьбе советских военнопленных, которые находятся в Пакистане и Афганистане, с канадским премьер-министром. Ученый ответил, что вопрос о военнопленных в первую очередь должен быть поднят в ходе прямых переговоров между моджахедами и Советским правительством. По его мнению, необходимо вести переговоры не через третьи страны, а непосредственно. Эта была главная часть его ответа. Кроме того, он напомнил о фактах, когда советские вертолеты расстреливали находившихся в окружении советских солдат, чтобы они не могли сдать в плен. Эти факты, судя по показаниям свидетелей, имели место. Он основывался на тех свидетельствах, которые ему были известны.

Жена академика Сахарова Е. Боннэр уже после пресс-конференции пояснила:

«С первого же дня вторжения в Афганистан мы призывали к прекращению этой политической и военной авантюры, принесшей неисчислимые жертвы среди мирного афганского населения. Около миллиона афганцев погибло в результате военных действий, бомбежек мирных городов и карательных акций. В числе жертв афганской войны и 15 тысяч погибших советских военнослужащих.

Мы знаем, что обе воевавшие стороны имеют военнопленных. Мы просим руководителей моджахедов обеспечить безопасность советских военнопленных, находящихся под их контролем. Одновременно мы обращаемся к советским властям с просьбой обеспечить безопасность всех афганских моджахедов и членов их

семей, находящихся в Афганистане и на территории СССР. Мы считаем, что моджахеда являются воюющей стороной в афганской войне. Все положения международных конвенций и соглашений о содержании и обмене военнопленными полностью относятся ко всем участникам конфликта. Мы призываем немедленно начать переговоры между советской стороной и представителями моджахедов, вне зависимости от политической и военной обстановки в Афганистане. Положительному итогу таких переговоров, по нашему мнению, будет способствовать участие ООН и Международного Красного Креста.

Мы считаем, что освобождение всех военнопленных должно сочетаться с соблюдением принципа добровольности выбора страны их будущего проживания».

И на вопрос о том, почему они это заявление огласили в Канаде, Сахаров ответил: «Потому что я находился в Канаде, когда были выведены советские войска из Афганистана (15 февраля 1989 г. — А. И.). Я посчитал, что сейчас самое время для публикации заявления. Это очень важный исторический акт — вывод войск из Афганистана.

— Откуда вам известны факты уничтожения окруженных советских солдат? Есть ли у вас доказательства?

— Я основывался на сообщениях западной печати и радиостанций. Я, к сожалению, сейчас не могу дать конкретных ссылок на тех людей, у которых это можно подтвердить, — на участников войны. Это утверждение основано на свидетельских показаниях. Это все, что я могу сказать».

Вот мнение маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева:

«Читал о таком заявлении академика Сахарова в канадской печати. Могу по этому поводу сказать следующее: с 1979 по 1988 год включительно (на протяжении пребывания советского воинского контингента в Афганистане) я работал в Генеральном Штабе на руководящих должностях, знал о всех событиях, которые были связаны с пребыванием наших войск в Афганистане, в деталях, ежедневно. Со всей ответственностью заявляю, что ни единого такого факта, о котором поведали канадские газеты, ссылаясь на академика Сахарова, не было. Наши боевые вертолеты никогда не уничтожали группы советских военнослужащих, оказавшихся в окружении противника.

Мне известно множество случаев, когда советские вертолетчики ВВС самоотверженно выполняли боевые задания по доставке боеприпасов и подкреплений подразделениям наших военнослужа-

щих, оказавшихся в трудных ситуациях при ведении боевых действий. В любых погодных условиях, днем и ночью экипажи боевых вертолетов, рискуя своей жизнью, приходили на помощь нашим воинам в самых тяжелых боевых условиях, даже тогда, когда эти условия для боевых действий оказывались наиболее опасными...

Средства массовой информации Советского Союза не раз сообщали о героических поступках вертолетчиков, вывозивших раненых с поля боя в условиях горной местности, где посадка машины сопряжена с опасностью для жизни членов экипажа. Советские пилоты с честью выполняли такие полеты».

ПОХОРОНЫ

14 декабря 1989 года, во время работы II Съезда народных депутатов, Сахаров умер от сердечного приступа.

На календарном листке 14 декабря одна мемориальная строчка: «День памяти А. Д. Сахарова», которой оказалось достаточно отметить этот день одним сахаровским именем.

15 декабря 1989 года мне позвонили: «Беда пришла. Вчера поздно вечером после трудного дня умер А. Д. Сказал навещавшим, что хочет уйти к себе, отдохнуть, и умер...»

Петр Леонидович Капица говорил: «Если академика через десять лет после смерти еще помнят, он — классик науки».

Андрея Сахарова помнят не только в академической среде. Не только в науке. И не только помнят. Многообразен спектр почитания, окружающего его имя. Едва ли правильно полагать, что высокие награды за создание ядерной мощи России бросают зловещий отблеск на его научное творчество. Непредсказуемые опасности мировой «холодной войны» оправдывали служение обороне страны, хоть и управляемой тоталитарным произволом. И ведь замечательно, что в спектре всенародного восхищения общественным подвигом его жизни ярчайше окрашено волевое противостояние именно этому бесчеловечному произволу!

В воскресенье 17 декабря 1989 года был холодный день с белым, как ватой обложенным, небом, с черными прямоугольниками незажженных окон. От Зачатьевского монастыря, что рядом с метро «Парк культуры», до метро «Фрунзенская» выстроилась очередь. У троллейбусной остановки, взобравшись на заледеневший сугроб, стоял человек и кричал: «Товарищи! Проходите дальше! Троллейбусы по Комсомольскому не ходят!» Дальше — уходящий вдаль плотный человеческий поток. Поток двигался медленно, одолевая метров сто в час. Но никто не раздражался медлительностью хода. Люди шли во Дворец молодежи попрощаться с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Они двигались бесконечной чередой. Эти люди — пожилые, средних лет и вовсе пацаны, разные совсем — вселяли надежду. У них у всех были хорошие лица: у военных, у штатских, у женщин, у мужчин. Было много цветов.

Цветы несли как знак любви, как знак неподдельной печали. Стоять приходилось 5–6 часов. В очереди говорили: «Вот не послушались... Призывал к забастовке на два часа, а теперь вот стоим...»

По официальным данным перед гробом Сахарова прошло более ста тысяч человек, и это, подобно верхушке айсберга, свидетельствовало о том, что число разделяющих его взгляды во много раз больше.

Сначала с одной, а потом с обеих сторон гроба текли толпы. Долгие часы тихой очереди, среди людей, державших завернутые в газеты гвоздики, руками в варежках прикрывавших зажженные свечи. Ощущение сиротства ныло в душе, витало в студеном воздухе Москвы.

Это был день всеобщей скорби. В трауре объединились все: от кубанского казака Александра Солженицына, приславшего во Дворец молодежи корзину белых калл, до нанайки Евдокии Гаер. От социалиста Роя Медведева, рыдавшего при выступлении по телевидению, до безымянных демонстрантов, стоявших на митинге, и вчерашних политзеков, выступавших в Лужниках и на поминках в ресторане «Россия». Это было национальное единение скорби. Шире, нежели только национальное. В прибалтийских республиках были приспущены государственные флаги. Норвежский король прислал свои соболезнования. Лех Валенса, опоздавший из-за нелетной погоды к похоронам, успел все же к концу поминок. Смерть академика Сахарова осиротила многих.

Было объявлено, что тело Андрея Дмитриевича будет увезено в морг на Ленинском проспекте. Около 24 часов гроб вынесли из Дворца молодежи и установили на катафалк, в него сели родственники и в сопровождении ГАИ выехали на Комсомольский проспект, где еще находились многочисленные группы людей, пришедших попрощаться с Сахаровым.

В день похорон 18 декабря 1989 года предполагалось гроб из морга доставить к 9 часам утра в президиум АН СССР для прощания с Сахаровым членов Политбюро ЦК КПСС. Затем перевезти тело в ФИАН для прощания с ним ученых института, где работал Андрей Дмитриевич, а далее — гражданская панихида в Лужниках на площади для митингов, где неоднократно выступал Андрей Дмитриевич и куда его намеревались нести на руках от ФИАНА. В 15 часов предполагалось уже быть на Востряковском кладбище, где по желанию семьи должен быть захоронен Сахаров. Так плани-

ровала комиссия по организации похорон. Но произошли неожиданные изменения, которые не были предусмотрены ни в одном варианте. Началось все уже с вечера 17 декабря, когда гроб с телом Андрея Дмитриевича вместо того, чтобы доставить в морг, неожиданно увезли в его дом на улице Чкалова, 48. Там его с большим трудом пронесли в квартиру. Температура воздуха в квартире была выше нормы и пришлось открыть окно, чтобы ее снизить. 18 декабря утром гроб вынесли из дома и повезли в президиум АН, но не прямым, а окольными путями, т.к. пришлось ждать опоздавших членов Политбюро. Для прощания прибыли и несли траурную вахту: М. С. Горбачев, В. И. Воротников, Л. Н. Зайков, В. А. Медведев, Е. И. Рыжков, А. Н. Яковлев, Е. М. Примаков. И. Т. Фролов.

На улице шел дождь.

Состоялась краткая беседа между М. С. Горбачевым и Е. Г. Бонэр, затем гроб с телом Андрея Дмитриевича был перевезен в ФИАН, где около 10 часов началась траурная церемония, которую открыл академик М. В. Келдыш. В зале находился президент АН СССР Г. И. Марчук. Выступили академики Харитон, Гинзбург, Келдыш и другие, хорошо и близко знавшие Андрея Дмитриевича. Пресса сделала многочисленные снимки, телевидение вело запись. Вновь изменились планы организаторов. Так как на улице все еще шел дождь, решено было не нести гроб на руках, а поставить его на катафалк. Это дало возможность продлить время прощания в ФИАНе. Панихида закончилась около 12 часов и гроб с телом Андрея Дмитриевича повезли в Лужники. Тысячи людей пришли проститься с Сахаровым. Впереди несли большой фотопортрет Андрея Дмитриевича, многочисленные венки, параллельно двигалась, взявшись за руки, большая колонна общества «Мемориал». За катафалком шли народные депутаты. Вся процессия двигалась очень медленно.

Гражданская панихида проходила в Лужниках. Сколько людей побывало на ней, установить невозможно. Реяли флаги — трехцветные российские, желто-голубые украинские, независимые прибалтийские. В том, что это стало возможным, была несомненная заслуга покойного. Прозвучал полонез Огинского «Прощание с Родиной», а народ прощался с тем, к кому можно было отнести слова Шекспира и сказать, что при его имени природа могла бы прокричать на весь мир: это был Человек! Прощались, быть может, впервые осознав, что может сделать один, осененный верой в свою правоту человек.

Траурный митинг открыл Д.С. Лихачев:

— Глубокоуважаемая Елена Георгиевна! Родные, близкие, ученики, товарищи!..

Он был настоящим пророком, пророком в древнем, исконном смысле этого слова, т. е. человеком, призывающим своих современников к нравственному обновлению ради будущего. И как всякий пророк, он не был понят... и был изгнан из своего города... Виновата и Академия наук. Келдыш отстаивал Андрея Дмитриевича, доказывал, что перед нами величайший ученый... Многие академики письмо против него не подписали... Зловещее письмо... Нам этого не простили... Прости и прощай в старом и новом смысле этого слова!..

Олжас Сулейменов:

— Андрей Дмитриевич не любил лестных слов. Теперь будет произнесено много лестных слов в его адрес... Последний вечер он провел в гостинице «Москва», в моей комнате. Мы снимаем фильм «Невада—Семипалатинск», и он дал согласие рассказать все, что знает об истории испытаний... Его слова, как завещание, как последняя воля. Он настаивал на том, чтобы и подземные испытания были прекращены... Щербинки — поселок под Горьким, он был туда сослан. На каменной совести нашей державы много таких щербинок... Те, кто здесь стоят, не должны испытать того, что выпало на его долю...

Евгений Евтушенко:

— Он был воплощением всего того лучшего, что нам оставила русская интеллигенция... Он доказывал, что лучшее будущее не стоит слезы невинного ребенка. Он отстаивал принципы защиты маленького человека, считая, что нет маленьких людей, нет маленьких страданий...

Забастовало сердце, словно шахта.
Еще вчера, от снега все седей,
он вышел из Кремля, без шапки, шатко
сквозь призраки бояр, царей, вождей.

За ним следил Малюта в снежной пыли,
и Берия, и тот палач рябой...
Предсмертные слова такими были
к жене и миру: «Завтра будет бой...»

Сергей Ковалев:

— В начале 70-х грязный пакостник написал про Сахарова — «простак». Хотел облить грязью, а сказал правду. Это была неслышанная, невыразимая простота. Он ясно и глубоко мыслил и поступал, как говорил. У него не было выбора: что сказать и как сделать, потому что правда, ответственность и добросовестность неотделимы. У него не было выбора — заступить или нет, он заступался всегда. У него не было выбора — промолчать или не промолчать, он не молчал. Мерзавцы требовали, чтобы он подписал обращение. «Я не подписывал ничего, с чем не согласен», — ответил Андрей Дмитриевич. У него не было выбора, когда он шел на трибуну съезда. Его поносили, и этому поношению стоя аплодировали великие авторитеты. Он умел чувствовать чужую боль. Нехотя он вошел в историю, равнодушно, — он давно там свой человек; было сказано: не стоит село без праведника... Он подтверждал свою точку зрения не словами, а поступками... Говорят о «новом политическом мышлении». Он не делил мышление на «новое» и «старое». Он был добросовестен и правдив. Он сидел в тюрьме тысячи раз вместе с нами, с каждым из нас, с друзьями, которых он никогда не видел. Аргументы теперь не за ним, «простак» выложил все свои аргументы. Как всякий простой человек, он ничего не таил... Есть еще политические заключенные, Андрей Дмитриевич умер за каждого из них. Давайте добьемся, чтобы их освободили!..

Евдокия Гаер:

— Мы не толпа. Мы уже не толпа!

Анатолий Собчак:

— Вся его жизнь была символом. И смерть — тоже. Он умер 14 декабря, в тот день, когда много лет назад горстка лучших людей России восстала против рабства. Да святится имя твое!

Витаутас Ландсбергис:

— В Вильнюсе на Кафедральной площади звучит траурная музыка. Друг справедливости, друг Литвы... В три часа по московскому времени, когда начнутся похороны, в Кафедральном соборе начнется месса по Андрею Дмитриевичу Сахарову... Мы, народные депутаты от Литвы, прощаемся с ним здесь, склоняя головы в скорби и поднимая головы в надежде и вере...

Виктор Пальм:

— Народы Литвы, Эстонии и Латвии склоняют головы... Хотя и не было решено объявить день его смерти днем траура, народ рассудил по-своему... Андрей Дмитриевич за многие годы предвосхи-

тил то, что нужно народу... Разработал конституцию республик Европы и Азии. Может быть, судьба дает нам возможность осуществить его идеи и предотвратить скатывание в пропасть... Не удалось убедить съезд во многом, и если это не удастся в дальнейшем, слово за народом, скорбящим о своем лучшем гражданине...

Глеб Якунин:

— Я был потрясен, когда увидел его впервые. Дон Кихот! Я не согласен с Еленой Георгиевной Боннэр: вчера в интервью на телевидении она говорила, что не надо делать из Андрея Дмитриевича икону. Но православная икона реалистична, она передает смысл подвига святого. Великие князья были и греховными людьми, но суть их подвига в том, что они спасали свою Родину, нацию... Андрей Дмитриевич для нас — икона, его светлый образ — на стяге демократического движения... «Сила Божия в немощи совершается...»

Андрей Мурашов:

— Восемьдесят лет назад Россия хоронила Толстого. В этот день происходит событие того же масштаба. Море крови и горя между этими событиями. Рассвет еще не наступил, но он близок!

Илья Заславский:

— Почему траур снизу? Почему он умер? Почему сегодня на съезде, который не приостановили, восстанавливают выборы общественных организаций! Только его идеи могли и могут что-то изменить. Только широкое движение народа может реально воплотить его идеи...

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим:

— Все, что говорилось о заслугах Андрея Дмитриевича, бесспорно, — они велики. Когда умирает праведник, мы говорим: добрые дела идут вслед за ним. Но его душа бессмертная предстает сейчас перед судом Божиим. Поэтому та вечность, которую имеет каждый человек, должна сейчас пробудиться в нашем сознании нашими ежедневными делами, ради которых мы пришли на землю, — добротой, милосердием, совестью, мужеством. Пусть этот день будет напоминать о доброте...

Ромашевский (Польша):

— Самолет с Лехом Валенсой не смогли посадить в Москве из-за погоды, и он сейчас в Ленинграде. От имени польского народа, «Солидарности», парламента соболезнуем вам, потерявшим великого сына этой земли. Надеемся, что наши народы смогут следовать путем чести, ответственности, любви, гордости. Следуя этим путем, построим демократическое общество двадцать первого века!

Владимир Яворивский:

— В Киеве зажгли сегодня свечи... В свободе после его смерти образовалась дыра. Кто-то обнаглел теперь и на съезде, который продолжается в эту минуту... Мы не меньшинство! С нами будет и Андрей Дмитриевич Сахаров!...

Гавриил Попов:

— Андрей Дмитриевич — великий ученый и политик... Он осознал задачу компромиссов... Победим консерваторов!..

Анатолий Шабад:

— Десятки тысяч людей стояли по многу часов у гроба... Море народной скорби впервые адресовано не тому, кто убивал народ, а тому, кто его любил...

Галина Старовойтова:

— Мы не услышим его картавого голоса. Мы привыкли, что язык дан, чтобы скрывать свои мысли. Он был другим...

Та политическая сила, которую представлял Андрей Дмитриевич Сахаров, была чиста и ничем не запятнана. Более того, нравственность и была его политической силой, так как она опиралась на чувство справедливости, присущее самому народу. Однажды, когда мы были с ним на Урале на встрече с рабочими, кто-то спросил Андрея Дмитриевича, как он относится к религии. Он ответил: «Я не являюсь последователем какой-либо религиозной доктрины, но не могу считать себя и последовательным материалистом, потому что я признаю существование высшего надличностного смысла как в индивидуальной жизни, так и во Вселенной в целом». И, наверное, этот высший смысл был нравственным законом.

Бог послал ему легкую смерть. Про такую смерть говорят: «святая». Но, Господи, до чего же нам всем, всей стране не хватает его сегодня!

Когда-то слова: Кто такой Брежнев? — Мелкий авантюрист эпохи Сахарова и Солженицына, — казались анекдотом. Сегодня всем очевидно, что это — констатация несомненного факта.

М. Л. Левин:

— Великие люди не так часто рождаются на свет. Когда умер Маяковский, случились какие-то накладки на похоронах, и милиционер успокоил писателей: «Не волнуйтесь, в следующий раз будет все в порядке». Он не знал, что великие рождаются и умирают не так часто.

(См.: *Никитин А.* Похороны академика А. Д. Сахарова // *Знамя.* 1990. № 5. С. 178–188.)

В начале 1997 года в Москву с визитом приезжал министр промышленности и торговли Израиль Анатолій Щаранский. У могилы Андрея Сахарова, на похороны которого в 1989 году советские власти не разрешили ему приехать, Щаранский сделал краткое заявление для журналистов на русском и английском языках: «Андрей Дмитриевич Сахаров создал ядерное оружие в надежде, что оно поможет сохранить мир. Но потом он пришел к выводу, что людям нужнее другое оружие — слово правды, дающее свободу, и выяснилось, что против этого оружия не может устоять ни одна диктатура».

Сахаров не просто «бросал зерна» — он искал пути, искал конкретные развязки, он ни на кого не обижался и ни перед кем не хотел «проявлять себя». С его ясностью ума, без истерики, страха, суетливости, озлобления, он говорил так просто, так очевидно — ясно, так невозможно ясно.

Он просто думал, сомневался, находил решения и говорил о них. Только и всего.

Что бы он сказал сегодня? Будет ли голод и гражданская война? Что делать, чтобы их не было? Должен ли Запад нам помогать? Рухнула страна или нет? Что бы он сказал обо всем этом, что бы он подумал?

Один рассказ Солженицына кончается словами: «Не стоит село без праведника. Ни город. Ни вся земля наша». И правда — ох, как же трудно без праведника устоять нашей земле... Как ужасно, что он умер. И как рано...

Подобно библейскому Иову он принял на себя страдания, которых не заслужил, но которыми искупал молчание миллионов покорно страдающих. Своим примером он возрождал угаснувшие чувства добра, справедливости, милосердия, простой человеческой порядочности. Один из пришедших на его похороны сказал: «Я привел с собой мою семилетнюю дочь, которую в садике и в школе учили, что нет более великой фигуры, чем Ленин. Я хочу, чтобы она посмотрела на человека более великого!..»

Что привело к гибели Андрея Дмитриевича Сахарова? Ведь до того, как стать депутатом, он пережил мощнейшие стрессы. Стресс общественного отвержения. Стресс физического давления и воздействия. Стресс, связанный с угрозой жизни близких. И тем не менее из всех этих переделок он вышел достаточно активным и энергичным. А погиб, по существу, на трибуне парламента...

Думаю, до тех пор, пока Андрей Дмитриевич отвечал только за себя, за свои поступки, он относительно легко выдерживал проти-

водействия административной системы. Но, став членом парламента, он, в силу своего характера, почувствовал ответственность за поведение парламента, за решения, парламентом принимаемые. В его душе неизбежно должно было возникнуть ощущение разделения ответственности. Отсюда и непрерывный порыв действовать. Но слова пропадали впустую. Это и могло привести к гибели.

* * *

ТАСС не упомянул о смерти ученого, как он умолчал во время гласности о том, что Сахаров боролся с тоталитарной системой, которая в конце концов его убила, но которой и он нанес смертельный удар. В былые времена называвшее академика «жаждущим наживы», агентство тут же поспешило уведомить, что предлагает фильм о последних днях покойного. Стоимость 1500 долларов. Оплата только в твердой валюте.

Предложение объявить в день похорон всенародный траур заседавшим в те дни съездом народных депутатов принято не было. Большинство депутатов отклонило и предложение прервать работу съезда. Они не намерены были отменять назначенное на этот вечер посещение Большого театра, где давали «Хованщину», и ограничились минутой молчания. Как всегда, нависала над залом громадная, рассчитанная на века мраморная статуя Ленина, а затем на телеэкране возникло депутатское кресло Сахарова с букетом цветов на нем. И вот это столкновение «рассчитанной на века статуи» и срезанных недолговечных цветов раскрывало глубокий смысл происходящего. Вечны цветы. Срезанные, вырванные с корнем, они все равно будут жить, потому что живет в них дух непокорности и стремления к свободе.

Каждому из нас Андрей Дмитриевич оставил наследство. Одному — свое понимание мира и общества, другому — совесть, третьему — мужество и умение бороться, а всем вместе — тот самый «мир Сахарова», который уже стал волнующей страницей истории не только нашей Родины, но и жизни человечества в XX веке.

Трудно понять и принять, что никогда более Андрей Дмитриевич не поднимется на трибуну митинга, не выйдет к микрофону парламента, не напишет книгу, статью или отклик на события дня. Что никогда не придут ходоки на улицу Чкалова искать правду и защиту. Но за последние годы его жизни Сахарова узнали не только читатели самиздата и слушатели радиоголосов, его увидела

и услышала начавшая думать и говорить не с чужой подсказки страна, в которой и для которой он жил. Идеи Сахарова, критерии Сахарова, нравственные императивы, которые он утверждал, честь и совесть, которым он возвращал истинный смысл, стали обретать теперь собственную жизнь. И в этом — надежда.

Люди уже давно сумели разобраться, «кто есть кто».

Сейчас, спустя годы после кончины Андрея Дмитриевича, пытаешься разобраться в своих чувствах. Вместе со скорбью и болью от необратимости случившегося испытываешь благодарное удивление, что такая неповторимая личность оказалась так близко от нас во времени и пространстве. Сюда примешивается тревога за судьбу страны, которую Андрей Дмитриевич оставил в критический момент ее истории. И, конечно, не дает покоя чувство покаяния — ведь он практически в одиночку противостоял административной системе и ее карательному аппарату, с которым он сражался, жертвуя своим здоровьем, благополучием и свободой во имя идеалов мирного будущего человечества, демократии и духовного раскрепощения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия — это своеобразный гигантский Чернобыль, в котором нужно методично и осторожно, ряд за рядом, разбирать опасные наслоения тоталитаризма. И ни в коем случае на нее нельзя надевать саркофаг, предоставляя находящимся внутри этого саркофага самим бороться со всепроникающей радиацией.

Врачи, составлявшие медицинское заключение после смерти Сахарова, были поражены тем, до какой степени оказалось изнуренным его сердце. Оно давно уже должно было отказать — не в человеческих силах работать в таком состоянии. А он не просто работал, он работал не жалея сил. А. Д. Сахарову удалось совмещать несовместимые вещи — академическую строгость, скрупулезность и нацеленность на самое острое, актуальное, кровоточащее. Благодаря этой способности он первым умел увидеть то, что еще не было понято, воспринято окружающими.

А сегодня? Слышим ли мы его сегодня или для нас важнее мифологизация сахаровского имени? Тенденция такая есть, и ссылки на А. Д. Сахарова стали носить характер едва ли не эпидемии.

Главная и самая постыдная опасность, которая угрожает великому человеку после смерти, — канонизация. Андрей Дмитриевич Сахаров как будто нарочно, как будто специально загодя боролся с такой канонизацией. В книге «Воспоминания» автор выразил себя с абсолютной полнотой. Этому помогало много фактов. Сахаров очень глубоко обдумывал свои поступки и рассматривал их с разных сторон, он написал о себе не просто правду — он написал о себе всю правду. Он старался достичь максимально возможной простоты, ясности, экономя слова. Он вообще, кажется, не думал о читателе, тем более о «впечатлении», — формулировал мысли и, не меняя, переносил из головы на бумагу. Вот этот стиль — это и есть Сахаров.

Сахаров грезил, ошибался, но оказался провидцем. В своей нобелевской лекции Альбер Камю как бы набросал конспект судьбы человека-борца: «Каждое поколение уверено, что именно оно призвано переделать мир. Построить в союзе со всеми людьми ковчег согласия».

Истина загадочна, она вечно ускользает от постижения, ее необходимо завоевывать вновь и вновь. Свобода опасна. Невозможно разрушать все, не разрушая себя».

Сахаров давал Западу советы, как стать катализатором перестройки в СССР. Катализатор сработал.

Западные имиджмейкеры от политики изменили его амплуа. От благородной борьбы за ограничение ядерного оружия, за права человека, свободу слова он перешел к чем-то похожей на научную работу по демонтажу СССР.

В канун 75-летия со дня рождения великого гражданина России в Москве на Земляном валу открылся музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» имени А. Д. Сахарова (назван по заглавию его нобелевской лекции 1975 г.).

Простой двухэтажный особняк стоит на берегу Яузы напротив дома, где жил академик. Е. Боннэр убеждена в том, что Андрей Сахаров завещал главным принципом в политике исповедовать нравственность, ибо только это в конечном счете и определяет прагматизм и действительный прогресс общества. Основной целью деятельности музея и центра она провозгласила «содействие развитию в России гражданского общества и упрочение ценностей, за которые боролся А. Сахаров, — интеллектуальной свободы, терпимости, уважения к личности, гражданской ответственности». По словам Е. Боннэр, «центр задуман как площадка для открытого диалога о развитии российского общества». В уютном сквере, разбитом перед музеем, установлен поистине необычный памятник — монумент Свободы. Воплотили его знаменитый московский скульптор Даниэль Митлянский, скульптор Алексей Григорьев и живописец Максим Митлянский. Идею монумента Даниэль объяснил просто: «Это два одинаковых памятника: один в Берлине, другой — здесь, и оба перед музеями прав человека. Они обозначают конец тоталитаризма — вот эти блоки из Берлинской стены, с проломанным отверстием, падающие на стальные рельсы. И вылетающие из пролома в бетоне на свободу разноцветные бабочки — можно сказать, наши души. Это радость, счастье, возникающие всегда, когда падает тоталитаризм».

Когда в Берлине пала проклятая стена, художники Востока и Запада расписали ее развалины разноцветными граффити. И более других там удивлял и восхищал портрет Сахарова на стене. Он смотрел вперед, и под портретом были всего три слова: «Спасибо, Андрей Сахаров!» Именно этот миг обретения и осознания свободы вспомнил на открытии Сахаровского музея и монумента Райнер

Хильдебрандт — основатель и директор Берлинского музея стены «Чекпойнт Чарли», просидевший годы в гестапо, а потом приговоренный судом ГДР к смертной казни.

То, что происходит вокруг имени Сахарова сейчас, можно назвать процессом общественного покаяния. Масштаб личности, увы, осознан только после его гибели. А совсем еще недавно Система создавала, пользуясь именем А. Д. Сахарова, образ врага.

Поклонимся же памяти этого великого человека.

Наука развивается, появляются новые идеи и теории, и достигнутые ранее результаты отодвигаются в прошлое. Но научные достижения истинного Мастера никогда не стареют: по мере увеличения объема наших знаний его результаты входят составной частью в более полные и общие теории и своей ценности не утрачивают. Более того, как правило, оказывается, что область применения этих результатов гораздо шире, нежели представлялась в первый момент. Этот характерный признак творчества Мастера прослеживается во всей научной деятельности Андрея Дмитриевича.

Сахаров — крупнейший ученый и Человек. Память о нем будет жить в людях долго, очень долго. Жаль только, что такие люди рано уходят из жизни. По Ключевскому, жизнь ученого определяют его мысли и его книги. Жизнь А. Д. Сахарова была переполнена мыслями, недаром о нем говорят, что он щедро раздавал ученикам и тем, с кем работал, мысли «из своих карманов». С книгами дело обстоит сложнее. Конечно, его жизненный путь можно «прочитать» по списку его книг и статей, монографий и мемуаров, но это будет далеко не все. Мысли и идеи иногда покрыты такой вуалью, так надежно спрятаны, что для того, чтобы в какой-то степени понять объем его творчества, нужно было бы провести большую историко-научную аналитическую работу. А для этого, вероятно, время еще не пришло.

Природа щедро одарила Сахарова многими талантами. Главным из них являлся могучий талант научного творчества в такой фундаментальной области знаний, как физика. Фундаментальные исследования многим кажутся далекими от непосредственных запросов жизни. И в то же время вся история науки свидетельствует: каждый новый шаг в познании фундаментальных законов позволяет ускорить научно-технический прогресс, поставить на службу человечеству новые, неведомые ранее силы. Надо только уметь вовремя разгадать такую возможность. Это не всегда получается даже у крупных ученых.

Вспомним, Герц уверенно отрицал практическую значимость открытых им радиоволн. Резерфорд отрицал возможность использования ядерной энергии. А ведь это были великие ученые.

Целью фундаментальных исследований является открытие и изучение основных закономерностей окружающего нас мира. Главный аспект проблемы заключается в познании, но при этом сколько бы мы ни продвигались вглубь изучения материи, количество вопросов, на которые мы будем искать ответы, не уменьшается.

У Б. Шоу есть афоризм: наука всегда оказывается неправа. Она никогда не решает вопроса, не поставив при этом десятка новых. Нобелевский лауреат Луи де Бройль заметил, что «... каждый успех нашего знания рождает больше проблем, чем решает их». Так что щедрость таланта Сахарова — залог того, что дороги, намеченные им, будут продолжены дальше...

Труды, открытия и деяния А. Д. Сахарова остаются в нашей жизни, имя его принадлежит лучшим страницам истории русской интеллигенции. Но его характерные черты, улыбку, голос, умный и грустный его взгляд сохранит лишь память.

Даниил Гранин писал, что нравственная требовательность Сахарова оказывает очищающее влияние, все же есть с кого брать пример. Такие люди помогают нам в каждодневной трудности нашей жизни, они восстанавливают веру в красоту человеческой души, ту самую красоту, которая может спасти мир.

Дочь Андрея Сахарова очень точно назвала отца «выдающимся социальным философом». А его коллега и финансовый друг академик Евгений Фейнберг поразительно верно говорил: «Он не Христос и не Альберт Швейцер, он сам по себе, но он сделан из того же материала!»

«Материал» этот — эту духовную субстанцию — можно, вероятно, назвать суперчеловечностью.

И трудно и легко писать эти строки о Сахарове. Трудно потому, что жива в нас боль невозвратимости, потому что невольно думаешь, а как бы он посмотрел на все это. А Андрей Дмитриевич очень не любил статьи и речи о себе... Легко, потому что согревает надежда: может быть, удастся этими страничками хоть немного донести до нового поколения, поселить в их памяти характерные черты его светлого образа.

Всем нам остро недостает сегодня Сахарова — ученого, Сахарова — правозащитника, Сахарова — человека. Вместе с ним и рядом с ним мы, вероятно, достигли бы более осязаемых успехов, а ошибок совершили бы меньше.

Сахарова не хотели слушать при жизни, не хотят и после смерти. Он призывал к сохранению «начала активного добра, которое есть самое человеческое в человеке». Это звучит как завещание. В нобелевской лекции Сахарова, названной им «Мир, прогресс и права человека», говорится: «Мы должны бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости, нарушения прав человека...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ

1. Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно — Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз) — добровольное объединение суверенных республик (государств) Европы и Азии.

2. Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения.

3. Европейско-Азиатский Союз опирается в своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов.

4. Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире. Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства.

5. Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства является обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с Конституцией и законами Союза и республик и принципами Всеобщей декларации прав человека ООН. Международные законы и соглашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН и Конституция Союза, имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик.

6. Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и необоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному или административному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены.

Конституция гарантирует отделение церкви от государства и невмешательство государства во внутрицерковную жизнь.

7. В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости.

8. Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. На территории Союза в мирное время запрещена смертная казнь.

Запрещены медицинские и психологические опыты над людьми без согласия испытуемых.

9. Принцип презумпции невиновности является основополагающим при судебном рассмотрении любых обвинений каждого гражданина. Никто не может быть лишен какого-либо звания и членства в какой-либо организации или публично объявлен виновным в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда.

10. На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах оплаты труда и трудоустройства, поступления в учебные заведения и получения образования по признакам национальности, религиозных и политических убеждений, а также (при отсутствии прямых противопоказаний, оговоренных в законе) по признакам пола, возраста, состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах предоставления жилья, медицинской помощи и в других социальных вопросах по признакам пола, национальности, религиозных и политических убеждений, возраста и состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

11. Никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости для лиц, достигших пенсионного возраста, пенсии для инвалидов войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного уровня. Пособия и другие виды социальной помощи должны гарантировать уровень жизни всех членов общества не ниже прожиточного минимума. Медицинское обслуживание граждан и система образования строятся на основе принципов социальной справедливости, доступности минимально-достаточного медицинского обслуживания (бесплатного и платного), отдыха и образования для каждого вне зависимости от имущественного положения, места проживания и работы.

Вместе с тем должны существовать платные системы повышенного типа медицинского обслуживания и конкурсные системы образования.

12. Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессионизма. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

13. Союз подтверждает принципиальный отказ от применения первым ядерного оружия. Ядерное оружие любого типа и назначения может быть применено лишь с санкции Главнокомандующего Вооруженными Силами страны при наличии достоверных данных об умышленном применении ядерного оружия противником и при исчерпании иных способов разрешения конфликта. Главнокомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке, в частности, уничтожить находящиеся в полете запущенные по ошибке межконтинентальные ракеты и другие средства ядерной атаки.

Ядерное оружие является лишь средством предотвращения ядерного нападения противника. Долгосрочной целью политики Союза является полная ликвидация и запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, при условии равновесия в обычных вооружениях, при разрешении региональных конфликтов и при общем смягчении всех факторов, вызывающих недоверие и напряженность.

14. В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки. Тайная политическая, подрывная и дезинформационная деятельность запрещается. Государственные службы Союза участвуют в международной борьбе с терроризмом и торговлей наркотиками.

15. основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение.

16. Вступление республики в Союз Советских Республик Европы и Азии осуществляется на основе Союзного договора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются Специальным протоколом в соответствии с волей населения республики. Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза не предусматривает, но республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы.

Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном Съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза.

17. Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее чем через год после вступления республики в Союз.

18. Республика может быть исключена из Союза. Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда — народных депутатов Союза не менее 2/3 голосов, в соответствии с волей населения Союза, не ранее чем через три года после вступления республики в Союз.

19. Входящие в Союз республики принимают Конституцию Союза в качестве Основного Закона, действующего на территории республики наряду с Конституциями республик. Республики передают Центральному правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального правительства транспорт и связь союзного значения. Кроме перечисленных, общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному правительству другие функции, а также полностью или частично объединить органы управления с другими республиками. Эти дополнительные условия членства в Союзе данной республики должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики.

Наряду с гражданством Союза республика может устанавливать гражданство республики.

20. Оборона страны от внешнего нападения возлагается на Вооруженные силы, которые формируются на основе Союзного закона. В соответствии со Специальным протоколом республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на территории республики. Республиканские Вооруженные силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные силы и подчиняются единому командованию. Все снабжение Вооруженных сил вооружением, обмундированием и продовольствием осуществляется централизованно на средства союзного бюджета.

21. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной денежной системой. В этом случае республиканские денежные знаки обязательны к приему повсеместно на территории республики. Союзные денежные знаки обязательны во всех учреждениях союзного подчинения и допускаются во всех остальных учреждениях. Только Центральный банк Союза имеет право выпуска и аннулирования союзных и республиканских денежных знаков.

22. Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному правительству, принимаются соответствующими органами республики. Никакое строительство союзного значения не может быть предпринято без разрешения республиканских органов управления. Все налоги и другие денежные поступления от предприятий и населения на территории республики поступают в бюджет республики. Из этого бюджета для поддержания функций, переданных Центральному правительству, в союзный бюджет вносится сумма, определяемая бюджетным комитетом Союза на условиях, указанных в Специальном протоколе.

Остальная часть денежных поступлений в бюджет находится в полном распоряжении Правительства республики.

Республика обладает правом прямых международных экономических контактов, включая прямые торговые отношения и организацию совместных предприятий с зарубежными партнерами. Таможенные правила являются общесоюзными.

23. Республика имеет собственную, независимую от Центрального правительства систему правоохранительных органов (милиция, Министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система). Приговоры по уголовным делам могут быть отменены в порядке помилования президентом Союза. На территории республики действуют союзные законы, при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики, и республиканские законы.

24. На территории республики государственным является язык национальности, указанной в наименовании республики. Если в наименовании республики указаны две или более национальности, то в республике действуют два или более государственных языка. Во всех республиках Союза официальным языком межреспубликанских отношений является русский язык. Русский язык является равноправным с государственным языком республики во всех учреждениях и предприятиях союзного подчинения. Язык межнационального общения не определяется конституционно. В республике Россия русский язык является одновременно республиканским государственным языком и языком межреспубликанских отношений.

25. Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются союзные и автономные республики, национальные автономные области и национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Национально-конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально-территориальных структурных частей СССР, образующих суверенные республики (государства). На основе референдума некоторые из этих частей могут объединяться друг с другом. Разделение республики на административно-экономические районы определяется Конституцией республики.

26. Границы между республиками являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на меньшие части осуществляются в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального правительства.

27. Центральное правительство Союза располагается в столице (главном городе) Союза. Столица какой-либо республики, в том числе столица России, не может быть одновременно столицей Союза.

28. Центральное правительство Союза включает:

- 1) Съезд народных депутатов Союза;
- 2) Совет Министров Союза;
- 3) Верховный суд Союза.

Глава Центрального правительства Союза — президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Центральное правительство обладает

всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии.

29. Съезд народных депутатов Союза имеет две палаты.

Первая палата, или Палата республик (400 депутатов), избирается по территориальному принципу, по одному депутату от избирательного территориального округа с приблизительно равным числом избирателей. Вторая палата, или Палата национальностей, избирается по национальному признаку. Избиратели каждой национальности, имеющей свой язык, избирают определенное число депутатов, а именно — по одному депутату от 2 (полных) миллионов избирателей данной национальности и дополнительно еще два депутата данной национальности. Эта общая квота распределена по укрупненным многомандатным округам. Выборы в обе палаты — всеобщие и прямые на альтернативной основе — сроком на пять лет.

Обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют отдельно. В этом случае для принятия закона или постановления требуется решение обеих палат.

30. Съезд народных депутатов Союза Советских Республик Европы и Азии обладает высшей законодательной властью в стране. Законы Союза, не затрагивающие положений Конституции, принимаются простым большинством голосов от списочного состава каждой из палат и имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения, кроме Конституции.

Законы Союза, затрагивающие положения Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, а также прочие изменения текста статей Конституции принимаются при наличии квалифицированного большинства — не менее 2/3 голосов от списочного состава в каждой из палат Съезда. Принятые таким образом решения имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения.

31. Съезд обсуждает бюджет Союза и поправки к нему, используя доклад Комитета Съезда по бюджету. Съезд избирает Председателя Совета Министров Союза, министров иностранных дел и обороны и других высших должностных лиц Союза. Съезд назначает комиссии для выполнения разовых поручений, в частности для подготовки законопроектов и рассмотрения конфликтных ситуаций. Съезд назначает постоянные комитеты для разработки перспективных планов развития страны, для разработки бюджета, для постоянного контроля над работой органов исполнительной власти. Съезд контролирует работу Центрального банка. Только с санкции Съезда возможны несбалансированные эмиссии и изъятие из обращения союзных и республиканских денежных знаков.

32. Съезд избирает из своего состава президиум. Члены президиума не имеют других функций и не занимают никаких руководящих постов в Правительстве Союза и республик и в партиях. Президиум имеет право помилования.

33. Совет Министров Союза включает Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство оборонной промышленности, Ми-

нистерство финансов, Министерство транспорта союзного значения, Министерство связи союзного значения, а также другие министерства для исполнения функций, переданных Центральному правительству отдельными республиками в соответствии со специальными протоколами к союзному договору. Совет Министров включает также комитеты при Совете Министров Союза.

Кандидатуры всех министров, кроме министра иностранных дел и министра обороны, предлагает Председатель Совета Министров и утверждает Съезд. В том же порядке назначаются председатели комитетов при Совете Министров.

34. Верховный суд Союза имеет четыре палаты:

- 1) палата по уголовным делам;
- 2) палата по гражданским делам;
- 3) палата арбитража;
- 4) Конституционный суд.

Представителей каждой из палат избирает на альтернативной основе Съезд народных депутатов Союза.

В компетенцию Верховного суда входит рассмотрение проблем и дел союзного и межреспубликанского характера.

35. Президент Союза Советских Республик Европы и Азии избирается сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. До выборов каждый кандидат в президенты называет своего заместителя, который баллотируется одновременно с ним.

Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии. Президент может быть отстранен от своей должности в соответствии с референдумом на территории Союза, решение о котором должен принять Съезд народных депутатов Союза большинством не менее 2/3 голосов от списочного состава. Голосование по вопросу о проведении референдума производится по требованию не менее 60 депутатов. В случае смерти президента, отстранения от должности или невозможности им исполнения обязанностей по болезни и другим причинам его полномочия переходят к заместителю.

36. Президент представляет Союз в международных переговорах и церемониях. Президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза. Президент обладает правом законодательной инициативы в отношении союзных законов и правом вето в отношении любых законов и решений Съезда народных депутатов, принятых менее чем 55 % от списочного состава депутатов. Съезд может ставить на повторное голосование подвергшийся вето закон, но не более двух раз.

37. Экономическая структура Союза основана на плюралистическом сочетании государственной (республиканской, межреспубликанской и союзной), кооперативной, акционерной и частной (личной) собственности на орудия и средства производства, на все виды промышленной и сельскохозяйственной техники, на производственные помещения, дороги и средства транспорта, на средства связи и информационного обмена, включая средства масс-медиа, и собственности на предметы потребления, включая жи-

лье, а также интеллектуальной собственности, включая авторское и изобретательское право. Государственные предприятия могут быть переданы в срочную или бессрочную аренду коллективам или частным лицам.

38. Земля, ее недра и водные ресурсы являются собственностью республики и проживающих на ее территории наций (народов). Земля может быть непосредственно без посредников передана во владение на неограниченный срок частным лицам, государственным, кооперативным и акционерным организациям с выплатой земельного налога в бюджет республики. Для частных лиц гарантируется право наследования владения землей детьми и близкими родственниками. Находящаяся во владении земля может быть возвращена республике лишь по желанию владельца или при нарушении им правил землепользования и при необходимости использования земли государством по решению законодательного органа республики с выплатой компенсации.

39. Земля может быть продана в собственность частному лицу и трудовому коллективу. Ограничения перепродажи и другие условия пользования землей, являющейся частной собственностью, определяются законом республики.

40. Количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается (за исключением земли). Гарантируется неограниченное право наследования являющихся частной собственностью домов и квартир с неограниченным правом поселения в них наследников, а также всех орудий и средств производства, предметов потребления, денежных знаков и акций. Право наследования интеллектуальной собственности определяется законами республики.

41. Каждый имеет право распоряжаться по своему усмотрению своими физическими и интеллектуальными трудовыми способностями.

42. Частные лица, кооперативные, акционерные и государственные предприятия имеют право неограниченного найма работников в соответствии с трудовым законодательством.

43. Использование водных ресурсов, а также других возобновляемых ресурсов государственными, кооперативными, арендными и частными предприятиями и частными лицами облагается налогом в бюджет республики. Использование невозобновляемых ресурсов облагается выплатой в бюджет республики.

44. Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях, пользуются равной и полной самостоятельностью в распределении и использовании своих доходов за вычетом налогов, а также в планировании производства, номенклатуры и сбыта продукции, в снабжении сырьем, заготовками, полуфабрикатами и комплектующими изделиями, в кадровых вопросах, в тарифных ставках, облагаются едиными налогами, которые не должны превышать в сумме 30 % фактической прибыли, в равной мере несут материальную ответственность за экологические и социальные последствия своей деятельности.

45. Система управления, снабжения и сбыта продукции в промышленности и сельском хозяйстве, за исключением предприятий и учреждений союзного подчинения, строится в интересах непосредственных производителей на основе их органов управления, снабжения и сбыта продукции.

46. Основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции. Государственное регулирование экономики осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости.

Проект подготовлен А. Д. САХАРОВЫМ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Контурь биографии.....	3
Ученый с мировым именем.....	32
Поборник прав человека.....	44
Народный депутат.....	62
Автор проекта Конституции.....	78
Сахаров и Солженицын.....	92
Против смертной казни.....	102
Противостояние.....	107
Правда ли это?.....	113
Похороны.....	121
Заключение.....	131
Приложение. Проект Конституции.....	136

А. И. Иойрыш

А. Д. Сахаров:

Ответственность перед разумом

Фото на обложке *Ю. А. Туманова*

Редактор *Е. К. Аксенова*

Технический редактор *Е. Н. Водоватова*

Верстка *О. В. Устиновой*

ЛР № 020579 от 23.06.97

Подписано в печать 11.04.2001.

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 9,04. Тираж 350 экз. Заказ № 52601

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри, 6